

«ЭТО МОЙ
ТРУД
ВЛИВАЕТСЯ
В ТРУД
МОЕЙ
РЕСПУБЛИКИ!»

№ 20 ОКТЯБРЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смета

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КОМСОМОЛ!

ПОКОЛЕНИЙ СВЯЗУЮ

Уроки жизни

Беседуют
Василий Филиппович ВАСЮТИН,
делегат III съезда РКСМ,
секретарь ЦК РКСМ
в 1923—1924 годах,
профессор Высшей партийной школы
при ЦК КПСС,
и Виктор ДЬЯЧКОВ,
рабочий производственного
объединения «Буревестник»,
член Центральной
ревизионной комиссии ВЛКСМ.

Фото Сергея НИКОЛАЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ШАЯ НИТЬ

В. ВАСЮТИН. Мне очень приятно, Виктор, что мы с тобой познакомились накануне двух знаменательных событий: дня рождения комсомола и 55-летия со дня выступления В. И. Ленина на III съезде РКСМ. Для людей моего поколения эти даты не просто история, они прекрасные страницы нашей собственной биографии. Ведь я, можно сказать, с самого возникновения первых комсомольских ячеек и по сегодняшний день не порываю связей с комсомолом. И потому считаю день рождения ВЛКСМ своим личным праздником.

В. ДЬЯЧКОВ. Знаете, Василий Филиппович, я впервые в жизни встречаюсь так близко с человеком, которому выпало огромное счастье — видеть и слышать Владимира Ильича Ленина. Вы прошли большой и сложный жизненный путь, и я о многом хотел бы вас спросить, посоветоваться с вами, узнать подробности вашей жизни, но понимаю, что нам тогда не хватит дня...

В. ВАСЮТИН. Я счастлив, что мне пришлось быть участником и свидетелем поистине

исторических событий. Конечно, многие эпизоды уже стерлись из памяти. Но есть такие, над которыми и время не властно — они врезались навечно, потому что определили всю дальнейшую жизнь. Такими событиями были для меня встречи с Владимиром Ильичем Лениным.

Я как-то подсчитал: видеть и слышать Ленина мне посчастливилось восемь раз. А впервые это было ровно 55 лет назад, на том самом историческом III съезде РКСМ, на котором Ленин выступил с речью о задачах союзов молодежи.

В. ДЬЯЧКОВ. Сколько же лет вам было тогда?

В. ВАСЮТИН. Я ровесник века — родился в 1900 году, и было, значит, мне тогда 20 лет. Несмотря на такой возраст, я уже имел шестилетний стаж комсомольской работы, участвовал в подпольной организации Одессы, боевых стычках с врагами революции.

В. ДЬЯЧКОВ. Я много читал воспоминаний о тех героических днях. И все же мне очень

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 20 (1162) ОКТЯБРЬ 1975

Наша обложка:
Манзура УБАЙДОВА —
работница
хлопчатобумажного
комбината г. Бухара.

Фото Сергея
ПЕТРУХИНА

- 1 УРОКИ ЖИЗНИ.
Диалог делегата III съезда РКСМ Василия Филипповича ВАСЮТИНА и члена Центральной Ревизионной комиссии ВЛКСМ Виктора ДЬЯЧКОВА.
- 3 Стихи Валентина СОРОКИНА.
- 4 ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
XXV СЪЕЗДУ КПСС.
«И КАЖДЫЙ ДЕНЬ — РЕКОРД». Репортаж Анатолия БАРАНОВА и Виктора САККА.
- 7 ЗАВОДСКОЙ РАЙОН.
Лина ТАРХОВА. «ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ВРЕМЯ?»
- 8 Виктор РОЗОВ. «ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВОЙНЕ».
- 11 Стихи Евгения АНТОШКИНА и Ивана БУРСОВА.
- 12 «ЦЕНА ЗОЛОТА». Репортаж Алексея ВЛАДИМИРОВА и Сергея ПЕТРУХИНА из Узбекистана.
- 15 КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ.
Лидия ВАСИЛЬЕВА. «ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!»
- 16 ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ.
К 150-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ.
Альберт ЛИХАНОВ. «ТОБОЛЬСКИЙ УЗНИК».
- 18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Ирина ОВЧИННИКОВА. «СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК».
- 20 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Андрей БАТАШЕВ. «МНОГОЗВУЧНЫЙ УЗОР».
- 22 Очерк Гария НЕМЧЕНКО «НАСТОЯЩИЕ МУЖЧИНЫ».
- 25 Алим БАБЕТОВ. «...С КАЖДЫМ ГОДОМ МНЕ МИЛЕЙ МОЯ ЗЕМЛЯ». Очерк о творчестве молодой киргизской поэтессы Майрамкан АБЫЛКАСЫМОВОЙ.
- 26 ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной прессы.
- 28 Братья ВАЙНЕРЫ. «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ». Роман.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова

Издательство «Правда». «Смена». 1975 г.

смена

интересно послушать вас, узнать, так сказать, из уст очевидца об атмосфере накануне III съезда и о самом съезде, конечно...

В. ВАСЮТИН. Необыкновенно трудное было то время... Я тогда был секретарем Одесского губкома комсомола. Работали мы в подполье, так как вся юго-западная часть бывшей Российской империи находилась в руках белогвардейцев. Вот почему на II съезде РКСМ в 1919 году из Одессы не было ни одного делегата. И все же задолго до III съезда, несмотря на жесточайший террор и полную изоляцию от Советской власти, мы выпустили листовку, в которой говорилось, что наши делегаты обязательно займут места в зале, где будет проходить следующий, III съезд комсомола.

Обещание это сбылось, и ровно за месяц до открытия III съезда, в начале сентября 1920 года, делегация Одессы отправилась в Москву. Собирались мы недолго, да и собирать-то было нечего. Голод, разруха повсюду. Помню, провожая нас, товарищи из губкома сказали: «Пропитание доставайте себе сами. Вот вам мандаты, но, если возьмете с собой соль, она вам больше пригодится, чем эти бумаги...» Солью мы запаслись — сами добыли на лиманах (это старый одесский промысел — выпаривание соли) — и продуктов для три заготовили. А до Москвы пришлось добираться три недели.

В. ДЬЯЧКОВ. Я очень хорошо представляю вашу радость, когда вы приехали в Москву и получили мандаты делегатов съезда. Я сам испытал подобные чувства, когда был приглашен на XVII съезд ВЛКСМ.

В. ВАСЮТИН. Радоваться-то мы радовались, только недолго — до того самого момента, пока нам не раздали отпечатанные на серой оберточной бумаге материалы и повестку дня съезда. Вот тут нас всех и постигло глубокое разочарование. И, знаешь, почему? Потому что самого главного — выступления Ленина — в повестке не значилось. Все эти два с половиной года, что мы находились в подполье, каждый из нас мечтал только об одном — увидеть вождя. С таким же настроением ехали на съезд и другие делегаты. И видел Ленина не будет на съезде!

Вечером 1 октября представители делегаций собрались во 2-м Доме Советов — это сейчас гостиница «Метрополь», — чтобы обсудить вопросы работы съезда. В самом конце заседания вошел Шацкий, секретарь ЦК комсомола, и объявил: «Товарищи, я только что говорил по телефону с Владимиром Ильичем, и он заверил, что завтра обязательно придет и выступит на нашем съезде». В эту ночь никто из нас не лег спать: все говорили о предстоящем выступлении Ленина. А с утра потянулись минуты томительного, волнующего и радостного ожидания встречи с вождем.

В зал университета имени Я. М. Свердлова на Малой Дмитровке, где сейчас находится Театр Ленинского комсомола, мы пришли за полтора часа до открытия съезда. Кто-то из членов президиума все время бегал к телефону и оповещал нас о том, что пока идет заседание ЦК партии; Владимир Ильич придет, как только оно закончится. Съезд не откроется, пока не придет Ленин, добавил он.

А в зале творилось что-то невообразимое. Делегаты шумели, спорили, стараясь перекричать друг друга, пели народные и революционные песни.

В. ДЬЯЧКОВ. Василий Филиппович, я, конечно, читал и не раз перечитывал историческую речь Владимира Ильича на этом съезде. Но мне хотелось бы попросить вас выделить в ней, на ваш взгляд, самое главное, то, чем вы сами руководствовались всю жизнь.

В. ВАСЮТИН. Выделить? Сделать это невозможно, ибо вся она является великой заповедью гениального вождя всем молодым поколениям нашей страны. Но вот я вспоминаю сейчас впечатление от первых слов Ильича: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи...» Слова эти, прямо скажу, вначале никак не укладывались в наших головах. Задачи Союза молодежи казались нам предельно ясными: надо громить буржуев! Ведь тогда большевики воевали с бандами Краснова,

Деникина, Юденича, Колчака. «Кого еще нужно бить?» — думали мы. И в этот момент Ленин спокойно и твердо заговорил о том, что молодежи предстоит задача построения коммунистического общества и «что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму». Вот эта задача «учиться коммунизму» стала основополагающей для всех поколений комсомольцев и молодежи. И именно нам, комсомольцам 20-х годов, выпало счастье первыми выполнять ленинский завет.

И мы учились коммунизму, хотя в большинстве своем были малограмотны или вовсе безграмотны. У меня в то время было 6 классов народной школы и год ремесленной, вот и все образование. И все же мы хорошо понимали, что молодая Республика Советов времени на одно лишь учение нам дать не могла. Надо было учиться и одновременно участвовать в восстановлении народного хозяйства, в строительстве новой, социалистической экономики. И мы учились, буквально не отходя от станков, потому что помнили слова Ильича о том, что должны учиться коммунизму в самом процессе труда. Я для того, чтобы поступить в институт, освоил сначала четырехлетнюю программу средней школы, а потом двухгодичные подготовительные курсы закончил. После них поступил сразу на второй курс Института красной профессуры. И все это пришлось «прокочить» за четыре года. Причем я ни на минуту не отходил от активной комсомольской работы. И, представь, она мне не мешала, напротив, дисциплинировала.

В. ДЬЯЧКОВ. Очень хорошо вас понимаю, Василий Филиппович, потому что на своем личном опыте убедился, что без знаний невозможно выполнять те большие и ответственные задачи, которые возлагают на нас партия, государство. Конечно, смешно было бы говорить о том, что вот, мол, и нам приходится сталкиваться с трудностями в учебе. Нет, время сейчас другое, и у нас есть все возможности овладевать знаниями. Мне было 16 лет, когда я после восьмилетки пошел в ПТУ при обувной фабрике «Буревестник». Окончил его с отличием, получил 6-й разряд — это высокий разряд — и стал работать в brigade. И все же, откровенно вам признаюсь, в один прекрасный момент почувствовал, что знаний не хватает. Причем не специальных, нет, а именно общих знаний, тех, что дает среднее образование. Вот почему и учусь сейчас в вечерней школе рабочей молодежи. Одно время, правда, чуть было не бросил, футболом очень увлекся — я за фабричную команду играю, — но вовремя спохватился, и в этом году заканчиваю ее.

В. ВАСЮТИН. И правильно, что не бросил. Потом бы, знаешь, как жалел. Учиться нужно именно в молодые годы, когда и силы есть, и сквачиваешь все на лету, и времени больше свободного. И потом, вот что еще пойми, Виктор. Каждому человеку, сознавшему свой долг, приходится порой преодолевать себя. Видишь, ты преодолел свою мимолетную слабость — и победил. А футбол ведь от тебя никуда не уйдет. Я, кстати, тоже старый болельщик — четверть века уже болею за «Спартак». Так что в области футбола мы с тобой единомышленники. Но это к слову... А заговорили мы о преодолении. Нам тоже, знаешь ли, пришлось много всего преодолевать. Ведь между первой, неизвестно трудной ступенькой становления союза молодежи и его сегодняшней зрелостью — целая история...

В. ДЬЯЧКОВ. Комсомольцы хорошо знают ее. Но я попросил вас рассказать о выступлении Ленина на III съезде потому, что для нас его речь стала законом жизни. По ней мы сверяли свои дела, свои поступки.

В. ВАСЮТИН. Помню, Владимир Ильич обратился к нам, делегатам, с таким вопросом: «Что же нам нужно для того, чтобы научиться коммунизму? Что нам нужно выделить из суммы общих знаний, чтобы приобрести знание коммунизма?» И Ленин блестящие разоблачили тех, кто начётнически, талмудистски, в отрыве от практики жизни пытается усвоить только то, что написано о коммунизме в книгах. «...Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит...» — закончил он свою мысль.

Вот эти два слова — «борьба» и «работа» — были нам тогда понятнее и привычнее, чем слово «учиться». Ведь 99 процентов коммунистического общества и «что союз молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму» стала основополагающей для всех поколений комсомольцев моего поколения. Время было такое, что заставляло быстро взроснуть. Ну, а как это происходило в жизни, могу рассказать...

В. ДЬЯЧКОВ. Но вы считали себя уже вполне взрослыми...

В. ВАСЮТИН. А как же?! Да так, собственно, оно и было. Это черта комсомольцев моего поколения. Время было такое, что заставляло быстро взроснуть. Ну, а как это происходило в жизни, могу рассказать...

В. ДЬЯЧКОВ. С удовольствием послушаю вас.

В. ВАСЮТИН. Так вот. Ты, наверное, читал великолепную повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий»?

В. ДЬЯЧКОВ. Читал, конечно.

В. ВАСЮТИН. Помнишь Гаврика Черноиваненко с Пересыпи, рабочего района Одессы? У всех одесских мальчишек было точно такое детство. Мой отец хоть и был моряком торгового флота, но жили мы все равно тут. В 14 лет мне уже пришлось самому зарабатывать на жизнь. Устроился я на судоремонтный завод котельщиком, но работа эта мне, честно говоря, не понравилась. Хотелось быть токарем или слесарем, и я поступил в ремесленную школу при заводе. А как окончил ее — стал подручным слесаря.

На заводе у нас была сильная большевистская организация. И большевики, конечно, не могли пройти мимо нас, подростков, и малопомалу вовлекали самых проверенных в политическую деятельность. Мы расклеивали по городу листовки, прокламации, участвовали в митингах, где нашим главным делом было срывать выступления меньшевиков и эсеров. Как-то — было это, по-моему, в июле 1917 года — газеты сообщали о расстреле мирной демонстрации в Ташкенте. Утром к моему верстаку подошел мастер: «Филиппкин, зайди в обед в завком». Ты, я смотрю, удивился, услышав фамилию Филиппкин. Дело простое: это моя настоящая фамилия по отцу. В дни интервенции, когда я был одним из секретарей подпольного губкома Одессы, фамилию для конспирации пришлось сменить. Ну, а потом новая фамилия так и осталась на всю жизнь.

Пришел я, значит, в завком. Один из руководителей заводской большевистской организации, Николай Александрович, предупредил, что вечером в «Аркадии» собираются представители всех партий и будет присутствовать министр Временного правительства Пешехонов. Надо, сказал он, привести побольше ребят и поддержать наших. «А от рабочей молодежи выступишь сам!» — добавил Николай Леонтьевич.

Я тогда хоть и был большим спорщиком, но все же оробел. Целый день репетировал речь, а когда вышел на сцену перед президентом, где сидел тот самый министр Пешехонов, так начисто ее забыл. Вдруг в голове как удар молнии пронеслось слово «Ташкент». Не помня себя, подбегаю к министру, хватаю его за руки, поднимая их и кричу в зал:

— Товарищи, смотрите! На этих руках — кровь наших братьев, ташкентских proletариев!

«Гражданин министр» опомнился не успел, а из зала уже неслось: «Убийца! Душегуб! Долой Временное правительство! Да здравствует Ленин! Вся власть Советам!»

«Гости» пришлось ретироваться через черный ход, чтобы избежать расправы. А митинг на этом был закрыт. Вот таким был мой первый «политический дебют». Боевое же крещение я принял в вооруженных отрядах рабочей милиции, которые потом были преобразованы в Красную гвардию. Таких безусых красногвардейцев на съезде было большинство. И у каждого — завидная боевая биография. Понимаешь теперь, почему нам показалось понапацу странным, что Ленин ни словом не обмолвился о войне, а призвал «учиться коммунизму»?

В. ДЬЯЧКОВ. Ленин ведь говорил о будущем, о том, что надо будет делать после победы над контрреволюцией. Он сам уже видел эту победу, видел тот день, когда вся страна будет очищена от врага, и его гениальная мысль уже давно работала над задачами

мирного строительства. Я сейчас готовлюсь к Ленинскому съезду, который будет проходить у нас в конце этого года, и перечитываю работы В. И. Ленина, написанные в 1920 году. И вот я заметил, что уже тогда, когда еще не были разгромлены белогвардейцы и интервенция, Ленин все больше и больше внимания уделял проблемам восстановления народного хозяйства и строительства научно-технической базы коммунизма.

В. ВАСЮТИН. Больше того, ведь именно в начале 1920 года по инициативе Владимира Ильина ВЦИК принял решение о подготовке плана электрификации России и организации хозяйства на новой технической базе. А в конце 1920 года VIII съезд Советов уже заслушал доклад Г. Крикуновского о плане ГОЭЛРО, который был высоко оценен В. И. Лениным. Кто должен был претворять все эти грандиозные планы в жизнь? Конечно, молодежь. Именно поэтому Ильин на съезде говорил нам не о войне, а о тех задачах, которые надо будет решать юношам и девушкам немедленно после победы. И я счастлив, что вот уже 55 лет являюсь свидетелем того, как несколько поколений комсомольцев, сегодняшняя наша замечательная молодежь выполняют ленинские заветы. Ну и, конечно, хотел бы от тебя, Витя, услышать о том, как ты сам работашь, как работают твои товарищи, что есть интересного в вашей жизни...

В. ДЬЯЧКОВ. У меня, конечно, все гораздо проще... Вашей жизни можно только позавидовать. И для меня очень поучительно все то, что вы рассказываете.

Работаю я на обувной фабрике «Буревестник». Это старое, известное в Москве предприятие, которое выпускает модельную обувь. На фабрике я уже 8 лет, и все эти годы тружусь в одной бригаде. Вообще, это ее отличительная черта — все работают давно: как пришли когда-то — даже с 20-летним стажем есть, — так и не уходят с фабрики.

В. ВАСЮТИН. Ну, понятно, старые кадры, вся жизнь на фабрике — куда ж от этого уйдешь? Это ленинское, коммунистическое отношение к труду.

В. ДЬЯЧКОВ. Работаю я на операции, которая называется «затяжка». В минуту обрабатываю на конвейере 8—9 пар обуви.

В. ВАСЮТИН. Сколько же, значит, за смену?

В. ДЬЯЧКОВ. 800 пар — такое мое обязательство. 400 пар даю за себя, а 400 — за Ивана Сидорова, закройщика обуви нашей фабрики, который добровольцем ушел на фронт и погиб. Я ведь вам, Василий Филиппович, еще не рассказал, что мой друг и товарищ по бригаде Игорь Скрипник вместе с работницей кондитерской фабрики имени Баева Ириной Бондаревой в начале этого года выступили с почином — работать в год 30-летия Победы под девизом «За себя и за того парня». Игорь является лучшим обувщиком страны, лауреатом премии Ленинского комсомола в области производства. Перелистывая как-то подшивку нашей многотиражки военных лет, Игорь увидел заметку молодой работницы Сони Касаткиной. Тогда, в тяжелые военные годы, она писала: «Я решила добиться выполнения двух норм: одну — за себя, другую — за т. Агеева, ныне сражающегося на фронте». На следующее утро Игорь рассказал нам о заметке, о том, что 1150 рабочих нашей фабрики дрались с фашистами и далеко не всем посчастливилось вернуться домой. Как мы можем выразить им признание, какой конкретной и зримой благодарностью отплатить за то, что они сделали для нас ценой своих жизней? И Игорь предложил работать «за себя и за того парня», то есть ежедневно выполнять норму выработки не менее чем на 200 процентов при отличном качестве продукции. Конечно, я не мог не поддержать своего друга и сразу же откликнулся на его почин. А сегодня это движение стало уже всесоюзным.

В. ВАСЮТИН. Вот видишь, Виктор, а ты говоришь, что твоя жизнь кажется тебе обыденной. Да если хочешь знать, то, что ты мне сейчас рассказал, — это тоже фронт, тоже борьба. Разве легко вам выполнять две нормы в смену?

В. ДЬЯЧКОВ. Конечно, нелегко. Да и какие ж это нормы, если бы они легко давались?

В. ВАСЮТИН. Значит, вам надо постоянно думать, повышать квалификацию, изыскивать резервы производительности труда, рационализировать свою работу, то есть, как говорил Ленин, «быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин...». И я рад, что эти слова Ленина глубоко вошли в сознание членов вашей бригады и сотен тысяч советских юношей и девушек, получив яркое воплощение в замечательном движении «За себя и за того парня».

В. ДЬЯЧКОВ. Нам еще очень помогает то, что у нас дружный, сплоченный коллектив. Каждый член бригады знает 5—6 рабочих операций и в случае чего может на любом месте заменить товарища. Это позволяет нам успешно бороться за высокое качество продукции. Мы сами себе контролеры и, конечно, не допускаем, чтобы на другие потоки от нас пошел даже мелкий брак. Потому наша бригада занесена в Книгу почета Министерства легкой промышленности СССР, а все члены награждены знаком «Ударник 1974 года».

Понятно, многое зависит от того, какой в коллективе бригадир. Вот уж поистине про нашего Юрия Агафонова можно сказать: человек на своем месте. Он обладает не только опытом, доскональным знанием обувного дела, но и умением чувствовать настроение в коллективе, найти нужное слово для каждого члена бригады. Для меня и сегодня он является добрым наставником.

В. ВАСЮТИН. А знаешь, Виктор, у меня ведь тоже был наставник. Помнишь, я рассказывал, что работал подручным слесаря на судоремонтном заводе Одессе? Так вот, тем слесарем был замечательный человек по фамилии Завадский. Я хорошо его помню и сейчас. Он не только обучал меня слесарному искусству, но и воспитывал, «делал из меня человека». Мы с ним в трактире ходили, пили чай, и я не помню, чтобы он при мне выпил рюмку вина. Никогда не кричал, не повышал голоса—это при том, что другие мастера и подзатыльники и зуботычины подмастерьям давали,—а спокойно объяснял или показывал что к чему. Я думаю, он и сегодня не ударил бы в грязь лицом как воспитатель.

Вот видишь, все время на воспоминания тянет. Такая уж наша старицкая привычка... Но ты мне все же расскажи, как вы думаете закончить эту пятилетку, чем будете встречать XXV съезд нашей партии?

В. ДЬЯЧКОВ. Тут, Василий Филиппович, мне есть чем «похвастаться» перед вами. Из 19 членов нашей бригады 18 уже завершили личные пятилетние задания. Игорь Скрипник, например, и я выполнили пятилетку еще в июне 1973 года. Сейчас мы встали на ударную вахту в честь съезда партии: хотим освоить новый ассортимент обуви, добиться присвоения ему Знака качества, а в день открытия съезда наша бригада даст сверх плана 2100 пар обуви, причем сшевь их из сбраженных материалов. Наш бригадир Юрий Агафонов, Игорь Скрипник и я обязались к 5 декабря выполнить второе пятилетнее задание.

В. ВАСЮТИН. Вот эта да! А справитесь?

В. ДЬЯЧКОВ. Раз взяли обязательство, значит, должны его выполнить, причем постараемся даже раньше намеченного срока.

В. ВАСЮТИН. Вот это полениски—трудиться вдохновенно, творчески, предельно добросовестно, с полной самоотдачей, так, как трудится ваша бригада.

В. ДЬЯЧКОВ. Спасибо вам, Василий Филиппович, за добрые слова... Не знаю, интересно ли было вам со мной беседовать, но у меня эта встреча надолго останется в сердце. Я теперь понимаю: возраст не самое главное. И в 15 и в 75 можно быть настоящим бойцом.

В. ВАСЮТИН. Не то что «можно». Виктор, а нужно, обязательно нужно быть бойцом, решительным, честным, мужественным, принципиальным, ни в коем случае не останавливаться на достигнутом. Я часто встречаюсь с молодежью твоего возраста. Мне нравится в вашем поколении смелость, образованность, доброта. И я уверен, что если бы история вдруг повторилась, вы сделали бы для нашей Родины не меньше, чем мы в свое время.

Диалог записал БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ

Валентин СОРОКИН,
лауреат премии Ленинского
комсомола.

Сергею Есенину посвящается

Тревожный зов

Ока моя, родная, разливная,
Левучая есенинская речь,
Зовет любовь, и я опять не знаю,
Ну, как себя от бури уберечь.

Глаза ее отважные туманом
Подернуты, и так они влажны,
Что все мосты к смущеньям и обманам
Огнем багряным напрочь сожжены!

Сомкну ресницы, и она приснится,
Веселая и быстрая, в ночи
Идет с холма, и не остановиться,—
Река моя святая, помолчи!

И нет во мне безверия былого,
Летит дорога, пляшут тополя,
И не с того ли чувства удалого
Позолотела русская земля?

Ока моя лебяжья, быстротечны
Твои шторма, а берега ясны,
Пусть на просторе этом вековечном
Шумят сады надежды и весны!

Опять плывут в века,
Торжественно и скоро,
Немые облака
Над хмуростью простора.

За Киев, за Азов,
За тысячи километров.
Тревожный, древний зов
Кочующего ветра.

И в трепетную высь
Из адового пыла,
Как лебеди, взвились
Березы белокрыло.

Когда в долины мгла
Стекла в глухом рассвете,
Холмов колокола
Вздохнули на планете.

Стонет ветер покаянно.
На земле и в небе пусто.
Наша улица багряна
От листвы, опавшей густо.

Будто солнце проскакало:
Жарко, жарко меж домами.
То ли тучи, то ли скалы
Громоздятся над холмами.

Схолодели в реках воды,
Буйно травы увядают.
И в пустые огороды
Ночью луны забредают.

Мир наполнен чудесами,
Но, как вестники печали,
Сам я слышал, за лесами
Громко лебеди кричали.

Дом Есениных
горел дважды

А дорога
Билась и дрожала,
Ржал кони
Бешено в туман.
Говорят, что
Ночью приезжала
В то село негромкое
Дункан.

Не кружился
Яблоневый лепет...
Каменело
Жуткое лицо,
Через пальцы
Тек остывший пепел,
И сверкало
Жемчугом кольцо.

Навсегда
Лишенная покоя,
Вспоминала
Свitu разных стран,
Не поля
Звенели за Окою,
А взлетал
И падал океан.

Все молчала,
Над калиткой свесясь,
И казалось,
В бездне луговой
Обреченно
Покатился месяц
Золотой
Кудрявой головой.

И глаза
Росинками намокли,
И, почти понятные,
Свои,
Перед ней
Вздохнули и замолкли
Русские
Седые соловьи.

Вновь дорога
Билась и дрожала,
Ржал кони
Бешено в туман.
...Уезжала,
Словно убегала,
Из села рязанского
Дункан.

Звезда полей
Не падает во тьму,
Давным-давно
Кукушка не кукует.
Хандра тревожит грудь,
И не пойму
Души своей,
Зачем она тоскует.

Вот где-то
Застучали топоры,
И высоко,
Над горизонтом скользким,
Качнулся месяц
Всадником монгольским,
Знать, конь его
Споткнулся у горы.

Земля моя,
Вновь чувствую не зря,
Как ветер
Белых лебедей уносит,
В холодных водах
Плещется заря,
И осень тихо
Обогрева просит.

Я ничего пока
Не потерял,
И впереди
Несметное пространство
Ждет наших встреч,
Любви и постоянства,
Ведь ими так
Тебя я уверял!..

И в этот мир восторженность принес.
И клялся я,
И кланялся немногим,
И тайну мига
Постигал в дороге,
Клик вечности
Распознавал у звезд.

Грустный, грустный осенний покой,
Лишь над острыми елями тучи
Проползают и молнией жгучей
Тьму тревожат за длинной рекой.

Но взберется поспешно и странно
Месяц ввысь, и покажется вдруг:
Ты увидишь окрестные страны
В этом блеске полночном вокруг.

Так свежо, и просторно, и ново,
Звездной россыпью очи слепят,
Рыба плещется, птица не спит,
Сосны шепчутся, честное слово!

И клянуся я при чутком светле,
Что, не сломленный волнами бедствий,
Где-то есть человек на земле,
От меня ожидающий действий.

Наполняется радостью грудь,
И в каком-то порыве чудесном
На мгновенье сольется с небесным
Мой обычный, но огненный путь.

Рисунок Владимира ДЕЛБЫ

Юбиляры 1975 года

КОМСОМОЛ МОЛДАВИИ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Иван ГУЦУ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии

С первых дней своего существования коммунистический союз молодежи Молдавии выступал как революционная, созидающая сила. Он стал школой подготовки убежденных борцов за дело коммунизма, занял важное место в политической, хозяйственной и культурной жизни республики. И награда Государства — орден Трудового Красного Знамени — это признание заслуг всех поколений молдавских комсомольцев в деле строительства новой жизни и коммунистического воспитания молодежи.

В эти предыдущие социалистического соревнования в честь пятидесятилетия комсомола Молдавии с особой силой проявились лучшие черты нашей молодежи — революционный порыв, страсть, изобретательность в достижении цели. Участниками предыдущей пятилетки стали все юноши и девушки нашей республики. В эти дни на заводах и фабриках, на стройках и колхозных полях родились немало трудовых рекордов, а молодые труженики обязались создать эти рекорды новейшими нормами.

В дни сегодняшних комсомольских соревнований мы истинно ощущаем престижность поколений, верность заветам Ленина, гордость за ратный и трудовой подвиг наших отцов, ответственность за оставленное нам наследство.

Сегодня наш революционный фронт — пятилетка. И самое большое счастье для нас — быть солдатами на этом фронте.

Время рождает новые требования, появляются сложные и ответственные задачи, решение которых требует предельной мобилизации всех сил, организованности, высокого мастерства в деятельности. Сейчас наряду с количественными на первый план выдвигаются качественные факторы в нашей работе. И мы стремимся всемерно повышать вклад молодежи в борьбу за эффективность общественного производства. О творческой инициативе комсомольцев и молодежи Тираспольской швейной фабрики имени 40-летия ВЛКСМ сейчас знает вся страна. Именно здесь родились

первые «секвойевые бригады отличного качества». Опыт тираспольчан одобрен ЦК ВЛКСМ и получил признание во многих комсомольских организациях страны. Он позволяет активно претворить в жизнь указания Леонида Ильича Брежнева о том, что десятилетия пятилетки «должны быть прежде всего пятилеткой качества, пятилеткой эффективности». В наступающие времена во промышленных предприятиях республики создано 189 «секвойевых бригад отличного качества».

В год славного юбилея — 30-летия великой Победы — комсомольцы и молодежь республики работают под боевым лозунгом, передающимся с призыва огненных лет: «Пятилетка — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!». Более трех тысяч комсомольско-молодежных бригад зачислили в свою состав героев войны, 65 тысяч юношей и девушек трудятся за себя и за тех, кто не вернулся с полей сражений.

280 комсомольских — передовиков промышленного производства, первыми выполнивших пятилетние планы, добившихся замечательных результатов в труде, учебе, научно-техническом творчестве и общественной работе, завоевали право сфотографироваться у свитки советского народа — Знамени Победы.

125 комсомольско-молодежных коллективов промышленных предприятий, 4 тысячи юношей и девушек уже работают в счет десятой пятилетки.

В обстановке огромного трудового и политического подъема молодежь республики готовится встретить XXV съезд КПСС, готовит для него свои трудовые подарки. В ответ на постановление Центрального Комитета партии «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС» все комсомольско-молодежные коллективы пересмотрели свои социалистические обязательства, решили бороться за право подписать рапорт Ленинского комсомола партийному съезду.

Пятилетка — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!

ПОД ФЛАГОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ: ЗА ПРАВО ПОДПИСАТЬ РАПОРТ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА XXV СЪЕЗДУ КПСС

Еще в начале 1971 года, подсчитав свои возможности, наша бригада приняла социалистические обязательства на девятую пятилетку. Пятилетнее плановое задание мы решили выполнить за четыре года. И хотя обязательства были весьма напряженными и кое-кто даже считал их непосильными для молодежной бригады, мы их значительно перевыполнили. Уже весной 1974 года мы начали работать в счет десятой пятилетки, о чем доложили XVII съезду ВЛКСМ. Такой рывок стал возможен потому, что все члены бригады освоили смежные профессии, повысили свою квалификацию, приобрели необходимый опыт и стали относиться творчески к порученному делу.

План завершающего года мы выполнили накануне Дня строителя и решили до конца пятилетки выполнить еще одно годовое задание. Сейчас наша бригада, как и большинство комсомольско-молодежных коллективов, борется за право подписать рапорт Ленинского

комсомола XXV съезду КПСС. Когда на своем бригадном собрании мы обсуждали постановление ЦК КПСС «О социалистическом соревновании за достойную встречу XXV съезда КПСС», монтажник Григорий Карчин предложил работать так, чтобы бригада получила право носить имя XXV съезда партии. Это предложение дружно поддержали все члены бригады.

Анатолий ПАСЕЧНИК,
бригадир комсомольско-молодежной
бригады треста «Молдэлектромонтаж»,
кавалер ордена Трудового Красного Знамени

ПЕРЕКЛИЧКА РАБОЧИХ БРИГАД.

АДРЕС: МОЛДАВСКАЯ ССР. ОТРАСЛЬ: ПРОМЫШЛЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

И КАЖДЫЙ ДЕНЬ-

Анатолий БАРАНОВ.
Фото Виктора САККА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

-3

десь будет штаб,—сказал бригадир.

— Не дотянем,—с сомнением покачал головой Гриша Карчин.—Кран не развернется в этом закоулке.

Бригадир Анатолий Пасечник повернулся к крановщику, и тот торопливо обошел площадку, промеряя ее шагами. По-видимому, решил, что развернуться на этом пятаке можно, и все-таки сказал:

— А зачем тебе залезать сюда? Поставь вагончик на свободном месте, и все дела.

Я тоже удивился тому, как тщательно выбирал Анатолий площадку для установки бригадного вагончика. И место это мне не показалось самым лучшим: рядом тянулись стены будущей мастерской, а объект, где бригаде придется работать, был далековато.

— Здесь вагончик днем не нагревается — темень, и стена от ветра заслонит,— объяснил крановщик Пасечник.

Он обстоятелен даже в мелочах, хотя

бригадный вагончик, конечно, не мелочь. Не случайно Толя неизменно называет его штабом. Это и есть штаб. Здесь электромонтажники не только переодеваются и хранят инструмент, в штабе проходят заседания совета бригады, принимаются решения, по которым живет и работает коллектива, здесь просто отдыхают в свободную минуту, читают газеты, играют в бочче на стройках домино и листают учебники. Штаб бригады и внутри похож одновременно на бытовку, красный уголок и небольшую кантонеру. На самом видном месте пламенеет переходящий выплеск «Лучший комсомольско-молодежной бригады треста».

— Мы его уже третий год у себя держим,—подсказал Дмитрий Мамаевский.—И крепко держим.

— Силой славу не удержишь,—засмеялся Пасечник.—Надо работать. Вы пока обживайтесь, а я проверю объекты.

Работа предстояла большая. Нужно развести кабели, ввести трансформаторную подстанцию, наладить сложное электриче-

ское хозяйство современной автотранспортной базы. Словом, за два месяца необходимо освоить свыше семидесяти тысяч рублей.

Анатолий вернулся с «рекогносцировки» довольный: все оборудование и материалы на месте, что на стройке встречается не так уж часто, фронт работ сейчас не зависит от снабженцев, а только от них, монтажников. Но в своих ребят он верил и надеялся справиться с этим заданием не за два месяца, отпущенными бригаде, а вдвое быстрее.

— Можно управиться за три недели,—сказал бригадир,бросая на стол свой объемистый блокнот, страницы которого уже заполнены сведениями о новом объекте. По этому блокноту можно легко проследить жизнь бригады не за один год. За скучными цифрами и обрывками фраз угадывается не только работа каждого монтажника, но и его старательность, апория и настроение. Времени, конечно, немного, зато материалов хватает. Нужно только

нажать как следует. Дима с Гришей завтра возвратятся за подстанцию, Саша и Миша станут на разделку кабеля...

Он знает, кто из монтажников какую работу больше любит, кто и с чем лучше справляется, и старается расставить их так, чтобы отдача каждого была максимальной. Но «распределение ролей» не монопольное право бригадира, его еще должен поддерживать весь коллектив.

— Может быть, еще кого-то поставить к трансформатору? — осторожно спрашивал Мамаевский. — Там сейчас двоим тяжело.

— Минимум троих туда послать, — поддерживает Григорий Карчин.

— Согласен. — Бригадир переставляет кубики в своем блокноте. — Ты и пойдешь. Если понадобится, вам еще дядя Паша поможет. Только постарайтесь, мальчики, побыв斯特ее.

По виду Толя Пасечник — само добродушие. И действительно, никто не припомнит, чтобы он вышел из себя, повысил голос, хотя на стройке и ситуации и люди встречаются разные.

И многие удивились, когда семь лет назад молодого, вроде бы ничем себя не проявившего монтажника Толю Пасечника назначили бригадиром.

— У этого тихони железная хватка и талант организатора, — объяснил бывший начальник участка Борец, с которым Пасечник работал на многих стройках.

Толя родился в маленьком виноградном селе Маяки, в шестнадцать лет закончил школу и хотел так же, как и родители, стать учителем. В «школу» он играл долго, проверяя тетрадки младшего брата и его одноклассников, устраивал им экзамены и твердо верил в свое учительское призвание. Экзамены в Кишиневский университет сдал успешно, но по конкурсу не прошел — не было трудового стажа. Возвращаясь домой без студенческого билета постеснялся, но и раздумывать о своей дальнейшей судьбе долго не собирался. Рядом с университетским общежитием увидел объявление о приеме на работу на строительство Дубоссарской ГЭС, и в тот же день его оформили учеником электромонтажника.

У первого Толиного наставника были свои представления о педагогике. «Монтажник начинается с кувалды», — говорил бригадир. — «Махай почще». С кувалдой Толя возился долго, почти год, но успел все же и научиться кое-чему у опытных монтажников, хотя учился в основном впроглядку.

Однажды на строительстве Кишиневской ТЭЦ, куда бригада переехала из Дубоссар, он взялся разделять кабель — хотелось попробовать, сможет ли самостоятельно справиться с этой сложной работой.

— А из тебя получится монтажник, — сказал начальник участка, долго наблюдавший за работой Пасечника, — только учиться надо. О курсах мы еще договоримся, а теперь надо бы тебя в другую бригаду перевести, где работа разнообразнее.

Толя строил завод «Молдавкабель» в Бендерах, потом снова вернулся в Кишинев, монтировал оборудование на заводах электрохолодильников, торговли приборов, имени Котовского, искусственных кож... Год проучился на курсах повышения квалификации.

У АНАТОЛИЯ ПАСЕЧНИКА (ОН В ЦЕНТРЕ) И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ.

ГЕОМЕТРИЯ СТРОЙКИ.

рекорд

лификации при политехническом институте и, наконец, сам стал бригадиром.

А складывалась бригада трудно. Желающих добровольно перейти в бригаду Пасечника почему-то не находилось. Даже Пантелеев Иванович Скорцельский, с которым Толя на многих стройках работал, решительно отказался: «Твою бригаду на подхвате держать будут, а мне такая работенка ни к чему». Молодой бригадир хотел уже идти к начальнику управления, но понял, что приказом коллектива не создашь. Нужны друзья, единомышленники, готовые ради общего дела поступиться личным. И всем им, как и ему, начинать, наверное, лучше всего с «нуля».

Пасечник зашел в профессионально-техническое училище, готовившее электромонтажников, выложил все начистоту перед директором. И на следующий день в его бригаде работало уже десять подростков. Но они еще были практиканты, и к каждому из них бригадир присматривался, пытаясь разобраться в их умении и характере. Потом пришли еще трое — из учебного комбината — ребята серьезные, надежные, уже прошедшие армейскую службу. Из комиссии по делам несовершеннолетних прислали «трудного» паренька, за которым Толя поначалу ходил как нянечка. Но Саша Поляков, несмотря на свой ершистый характер, в работе был примерным и быстро стал квалифицированным монтажником.

Однажды на стройке появилась девушка, протянула бригадиру тоненькую ла-

дошку и важно представилась: «Клавдия Талпа, электромонтажник второго разряда». Пасечник долго рассматривал направление, выданное девушке учебным комбинатом треста, и не знал, как поступить: среди рабочих своей профессии женщине ему не доводилось встречаться.

— И без того с планом зашиваемся, а тут еще девчонок присыпают, — не выдержал Миша Борта, один из тех, кто остался в бригаде после окончания профтехучилища. — Здесь не танцплощадка.

— Может быть, Клава и не научит тебя танцевать, но ты научить ее нашему делу обязан, — повернулся бригадир к Борте, — так что бери девушку под свою опеку.

Дела в бригаде поначалу не ладились. Не хватало опыта, да к тому же, как и предсказывал дядя Паша, молодых монтажников чаще других переводили с объекта на объект, бросали на «прорыв». Но Пасечник жаловался на начальство не ходил, надеясь из такого положения извлечь максимальную пользу — работа у монтажников была теперь самая разнообразная, а он по собственному опыту знал, что это дает возможность лучше изучить профессию. Он рассчитывал не на сегодняшний день, а старался заглянуть в завтрашний, всеми силами приближая его.

Электромонтажники обычно работают маленькими звенями — по два, по три человека, и бригадир почти ежедневно менял напарников. Это позволяло ему, как за-

правскому учителю, объяснять на практике свои приемы, передавать новичкам свой опыт. Тогда же он впервые услышал о советах бригады и предложил ребятам создать такой же у себя. На первом же заседании совет решил, что каждый электромонтажник должен поступить на вечерние курсы повышения квалификации, получить разрешение на работу с электросварочным аппаратом и монтажным пистолетом. Не всем хотелось вместе кино или танцев идти вечером на занятия, но приказ об учебе отдавал не бригадир, которого порой можно было и послушаться. Решение об учебе принимал совет, не дававший поблажки тем, кто пропускал занятия.

Уже через год молодые монтажники твердо стояли на ногах, им все чаще и чаще поручали ответственную работу, и хотя бригада еще не вышла в передовую, о ней отзывались с уважением и в управлении и даже в тресте.

В начале девятой пятилетки бригадир, оставив за себя Борту, поехал в управление. Целый день он сидел с экономистами и нормировщиками, высчитывая свое пятилетнее задание, испытывая колонками цифр страницы большого блокнота. Потом в бригаде провели собрание, долго спорили, рассчитывая свои возможности и возможности различных служб — снабженческой, комплектующей. Потом что, только отладив необходимое взаимодействие всех звеньев большого строительного конвейера (а звенья эти — изготовители материалов, поставщики оборудования, ком-

плектующие цехи), можно избежать простоев и тем самым значительно повысить темпы строительства.

— Мы дадим слово и не сдержим его по вине тех же снабженцев, а кто краснеть будет?! — шумел Борта.

— Пусть и они берут свои обязательства, — предложил Мамаевский, — вместе и отвечать будем.

— Каждый должен отвечать за свою работу, — заволновался Костя Шумской. — При чем здесь снабженцы?

Пятилетнее задание монтажники обязались выполнить за четыре года.

— Провалившись ты со своими панцами, — попробовал пророчествовать Андрей Логинов, с которым Пасечника связывала давняя дружба. — Это же еще детский сад, а не монтажники.

— Не волнуйся, Толя, вытянем, — вмешался Пантелеев Иванович Скорцельский. И, встретив удивленный взгляд бригадира, дядя Паша торопливо добавил: — Возьми к себе в бригаду, постараюсь исправить свою ошибку.

Пасечник благодарно посмотрел на дядю Пашу, он давно чувствовал, что в бригаде как раз не хватает такого человека, который бы мог поделиться с молодыми рабочими не только мастерством, но и житейской мудростью, своим пониманием рабочего таланта и признания. Ведь именно Скорцельскому обязаны сам бригадир тем, что в один прекрасный день ощутил красоту работы электромонтажника и на всегда связал себя с беспрокладной работой строителя, забыв о своей полудетской мечте стать учителем. Впрочем, разве бригадир не педагог?! Ему надо учить молодых монтажников мастерству, передавать им свои знания, готовить к самостоятельной работе и жизни. Может быть, не случайно дирекция профессионально-технического училища старается, чтобы учащиеся проходили практику именно в бригаде Анатолия Пасечника — в нем профессиональные педагоги видят своего коллегу. И Михаил Борта, демобилизовавшись из армии, требовал в отделе кадров, чтобы его направили только в родную бригаду. А первый бригадир Анатолия привел к нему своего сына и попросил: «Возьми к себе моего парня, у тебя он быстро человеком станет».

Поэтому никто не удивился, когда первый секретарь ЦК комсомола Е. М. Тяжельников вручил знак ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи» двадцативосьмилетнему бригадиру Анатолию Пасечнику.

В середине семидесят первого года бригада Пасечника впервые завоевала классное место среди комсомольско-молодежных коллективов треста и с тех пор ни разу не уступала его.

— Мы никогда бы не добились успехов в соревновании, если бы постоянно не думали о повышении производительности труда, — считает бригадир. — А постоянный рост производительности — это и укрепление трудовой дисциплины, и лучшая организация работы, и возросшее мастерство членов бригады. Мы стараемся работать так, чтобы каждая смена становилась рекордной. Бригадные рекорды — своеобразные ступеньки, по которым монтажники поднимаются вверх, к цели. А цель у нас сейчас одна — как можно лучше завершить пятилетку, чтобы подготовить партийному съезду достойный подарок.

Свое пятилетнее задание бригада выполнила одной из первых в республике. За это достижение она была занесена в «Летопись комсомольской славы».

Вечером, когда Анатолий распределял ребят по звеньям и объяснял задания на завтрашний день, рядом с бригадным штабом резко затормозил грузовик. Из кабинги выскочил мастер Леонид Молдавский и, не успев подняться в вагончик, объявил новость:

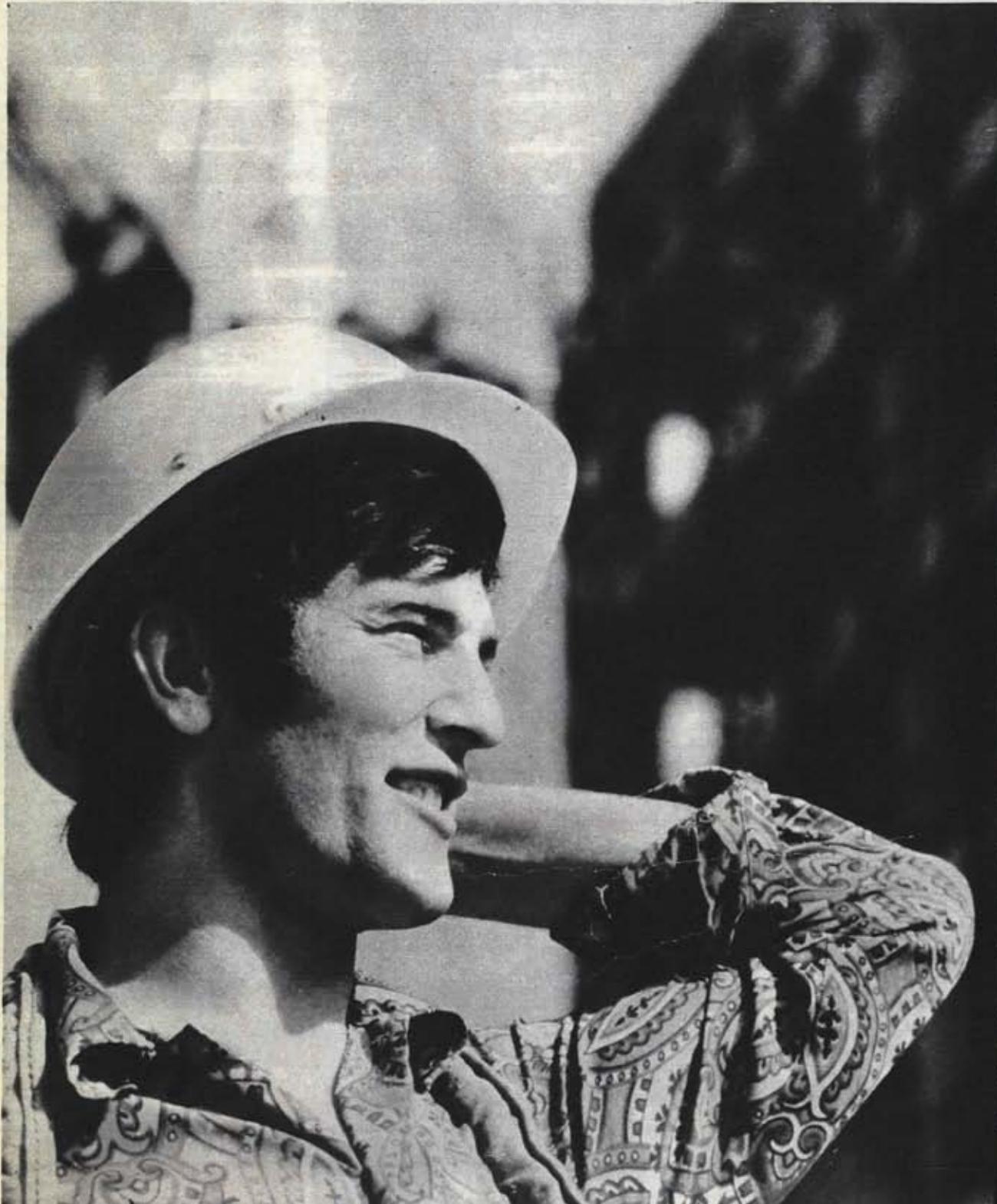
— Через неделю приемная комиссия по-жалует.

— Ну и что? — тихо спросил Пасечник. — Пусть хоть через день приходит. Завтра кончаем.

— Выходит, вы двухмесячный план за две недели выполнили! — удивился Молдавский.

— Выходит, так, — засмеялся Гриша Карчин и повернулся к бригадиру. — Может быть, я завтра светильниками займусь, а с трансформатором ребята вдвое справятся?

Они хорошо умеют считать, эти молодые монтажники, для них экономика строительства — это не только проценты выполнения плана, но и вовремя подставленное плечо друга, и решимость проложить свою тропу к вершинам мастерства, и бесконечный поиск производственных и человеческих резервов.

МОНТАЖНИК ГРИГОРИЙ КАРИЦИН.

ЗАВОДСКОЙ РАЙОН

Бука гордо стоит на столе. В нем полметра роста, на груди горят награды. Он желтый, как Буратино, потому что тоже деревянный. И так же, как Буратино, многое умеет делать, а разговаривает даже более вежливо, чем сынок папы Карло.

Когда раздается телефонный звонок, он аккуратно снимает трубку и говорит:

— Квартира Тормозовых. Отвечает электронный секретарь Бука. Хозяев нет дома. Прошу сказать, кто звонит и что передать.

Бука терпеливо слушает тридцать секунд, после чего сообщает:

— Я все записал, спасибо, до свидания.

Магнитофонная лента хранит изумленные ахи. Кто-кто? Электронный секретарь? Господи, это робот, что ли? Но удивляются только те, кто звонит впервые, а друзья и знакомые давно знают, что у Тормозовых надо быть готовым ко всему. Позвонишь в дверь, а тебе отвечает нечеловеческим голосом: «Хозяев нет дома. Говорит электронный секретарь Атос».

Теперь Атос работает больше, чем Бука. Хозяин отправил деревянного робота, как он выражается, на пенсию. Хватит, поблистал на всесоюзных и иных выставках, наполучал заслуженных наград — отдыхай. Иногда только, по праздникам, мигает он зелеными глазами для увеселения гостей или, если «велит» хозяин, включает звонок будильника в указанное ему время, настраивает и выключает приемник.

В этой квартире всюду какие-то чудеса. Лежит на кресле белый предмет. Похоже, электробритва? Нет, это целый пульт дистанционного управления телевизором. И транзистор здесь не просто транзистор, у него есть приставка и кнопочки, которые позволяют ему работать по программе, заданной хозяином. И сделано это все руками Иосифа Тормозова в основном из старых приборов, бросовых болтов и других железок.

Интересно! Но и это еще не все, чем способен Иосиф Тормозов поразить гостей. А гости у него сегодня — Сергей Бурыкин, Александр Сергеев и я. (Эти трое мужчин работают на авиационном заводе и живут в заводских домах, в районе, называемом смолянами Покровкой. Сергей — разметчик, Александр — технолог, а хозяин дома — заведующий лабораторией.)

На стене три акварельных портрета. Манера исполнения вполне реалистическая, но что-то в рисунках есть особенное, ни на какие манеры не похожее. Кто автор?

Иосиф, вертя в руках какую-то гайку (он говорит, что эта привычка уже, наверное, на всю жизнь — обязательно вертеть что-нибудь в руках; разговаривать, слушать — и свищивать, разъединять, монтировать), объясняет:

— У меня как-то был простой. Туго было в магазинах с радиодеталями. Дай, думаю, научусь рисовать. Это первые работы.

В портретах есть такая основательность, что с трудом верится, будто они первые. Но бывают же люди, одаренные не одним талантом!

А кто вырезал эти выразительные фигурки из белой, даже на вид мягкой липы?

Хозяин, проглядывая какую-то шайбочку на свет, опять говорит:

— У нас с другом Володей Орловым как-то был простой. Он говорит: «Давай научимся из дерева фигуры резать...»

Про чеканки, которыми плотно увешаны две

Лина ТАРХОВА,
специальный корреспондент
«Смены».

7. ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ВРЕМЯ?

стены, я уже не спрашиваю. Опять, наверное, не было деталей.

Про чеканку спрашивают Сергей и Саша. Они за тем и пришли, чтобы увидеть, как это делается. Иосиф выкатывает из-за шкафа тумбочку, накрытую толстым куском резины. Это его рабочее место, когда он чеканищик. Мужчины склоняются над ящиком с инструментами, перебирают чеканы, вникают в тонкости «производства».

Иосиф бежит на кухню.

— Лучше всего чеканить на свинце, — кричит на ходу, — у меня есть замечательный кусок свинца. Вечно его жена куда-то приспособит...

Гремят кастрюли. Наконец слиток обнаружен и положен на резину. А сверху — тонкий, весь в пятнах, лист меди. Цок-цок молоточком по чекану, цок-цок еще и еще. Мы не успеваем следить за движениями Иосифа и потому, хоть видели все с самого начала, удивляемся, когда на металле вдруг возникает тюльпан.

Если бы Иосиф сейчас сказал, что владеет искусством игры на кастаньетах или плетения корзин, я бы не удивилась.

— Вы уж скажите сразу, что еще умеете, — прошу его. — Убивать, так наполовину.

— А я все умею.

Иосиф произносит это совершенно серьезно, даже деловито.

— Может, это и нахальство, но я всегда говорю, что все могу, все умею. Не лично я, Иосиф Павлович Тормозов, а человек, любой человек. Всему можно научиться, если очень захотеть. Я убежден, что в человеке заложен миллион талантов...

т этого дома до озерца Скворцова дача километр, иу, может быть, два. А кажется, что бесконечность. Вернее, бесконечность пролегла между ребятами, которые по-свойски похлопывали Буку по лакированному плечу, и теми...

Они прибыли на мотоцикле. Один сидел на багажнике, вцепившись побелевшими руками в водителя, а восемь человек тряслись на прицепе, напоминавшем телегу. Машина широкино взлетела на высокий берег, пассажиры раскатились по земле, как арбузы, а на прицепе остался только один, его и помчал мотоциclist дальше, в гору, зверски мотая на колдобинах. А свалившиеся перед этим подъемом азартно наблюдали.

— Во! Дает земеля!

— Свалился, точняк!

Восторгу не было предела, когда «земеля» наконец угодил в кювет. И сразу же компания перестала им интересоваться, тем более, что в поле зрения

появились две дамы с догом необыкновенной красоты и благородства.

Один из парней (позже мы узнали, что зовут его Виктором) подбежал к собаке, протянул к ее морде дрожащие руки. Дог брезгливо дернулся, но отвернулся.

— Он не любит пьяных, — сердито сказала хозяйка.

— Да разве же я пьяный? — удивился Виктор. — Нет, разве я пьяный? Просто культурно отдохваю.

...Компания разбралась на кучки, утихла. Ждали гитару, послали за ней самого молодого. Кто-то мокнет в озере, кто-то развалился на единственной уцелевшей скамейке (каждое лето их десятками устанавливают в районе Скворцовой дачи, и каждое лето их топят или сжигают хулиганы).

А мы разговариваем с Виктором и выбравшимся наконец из кювета Владимиром Голубевым. Оба они рабочие завода торгового оборудования. После смены, как обычно, пришли сюда.

— И вчера так отдохвали?

— Нет, вчера лучше было. Мы жгли костер и прыгали через него, — басит Голубев, приземистый парень в запыленной кожаной куртке.

— И завтра так же будете отдохвать?

— Как можно так же? — Их даже обижает подобное предположение. — Завтра суббота, возьмем рикшу — мотоцикл, по-вашему, — и поедем в Красен бор пить пиво из бокалов.

— Из фужеров, — наставительно поправляет его Виктор.

— Поедем пить пиво из фужеров.

Им смертельно скучно. Гитары все нет, хмель выветрился из голов, дог ушел, последняя урина сброшена в озеро еще вчера. Взгляды лениво шарят по берегу. Хоть бы что-нибудь примечательное появилось, хоть бы кошка какая-нибудь...

— Ой, не могу, как мы кошек один раз хвостами связывали...

Десять здоровых, нормальных — у каждого две руки, две ноги, голова на плечах — парней на глазах окружающих медленной смертью умирали от безделья.

— Если уж сами не можете ничего интересного придумать, — продолжают разговор, пытаясь понять, как они сами оценивают свой сегодняшний вечер, — пошли бы в клуб или театр...

— Я был один раз в театре, — отзывается Виктор скромно, — от тоски чуть не скончался.

Если отвлечься от законных в этом случае отрицательных эмоций (в самом деле, разве достойное это человека состояние — пьяное безделье?), то невольно задумашься над такой странностью человеческой психики: мы ни друзьям, ни театру, ни телевизору не простим, если нам будет скучно, а себе — всегда пожалуйста. Трудно представить, что в тот единственный вечер, когда Виктор оказался в театре, ему было тосклившее, чем сейчас, среди задремавших на зеленом берегу приятелей. И все же цепко держит тот случай в памяти, боится повторить опыт и десятки, сотни вечеров проводит без пользы, без смысла, без интереса.

В чем здесь дело? Может быть, в том, что от театрального вечера Виктор ожидал чего-то запоминающегося, особого (в конце концов деньги платены), а от будничных, когда он развлекает себя сам, — нет?

Уже давно социологи не без основания пишут, что современный человек, особенно молодой, прежде всего ценит в работе возможность творчества. Недовольствованность характером труда — главная

причина текучести кадров сегодня. Кстати, и Голубев в свое время работал на предприятии, где ему не понравилось: «Я там ящики грузил. Каждый день одно и то же. Ушел».

Вот так: если каждый день одно и то же, это не устраивает, если же каждый вечер, годится вполне. Но ведь наше свободное время — выходные дни и будничные вечера — дает такой же простор для творчества, что и рабочие часы, и любой свободный вечер может стать при желании чудом фантазии и импровизации.

Kогда я в первый раз пришла в этот дом, на стене самой большой комнаты висели детские рисунки, над ними плакат: «Выставка произведений Юлии Черновой». Юное дарование в возрасте четырех лет сидело в креслице с перевязанным по случаю ангиной горлом (выставку для того и устроили, чтобы Юле не так горько было болеть) и охотно комментировало свои произведения. На столике лежала тетрадь в линейку для отзывов, полная уморительных записей «посетителей». Было это лет десять назад, а помнятся и рисунки и записи, потому что больше не приходилось мне бывать на такой замечательной выставке. Запомнился и весь вечер, проведенный в том доме. Тогда разговор с хозяевами, начавшимися полуслучиво, с обсуждения творческой манеры четырехлетней художницы, продолжился всерьез — о природе творчества вообще. Из богатейших шкафов были извлечены редкие книги — работы психологов, дневники и письма художников. Я узнала новые имена, я стала богаче в тот вечер.

А вот как праздновали в том доме день рождения хозяина. На стене, которую до этого занимали детские рисунки, были развешаны фотографии именинника с колыбельного возраста до наших дней. Гости — те, кому этого хотелось, — придумали к снимкам подписи, и самые остроумные из них были под общий ходок оглашены. Победитель получил специально отлитую шоколадную медаль с соответствующим текстом.

В разгар застолья, когда именинник начал слегка зазнаваться от хвалебных тостов, жена его и подросшая дочка спели очень смешные частушки, в которых со всей прямотой были отражены не только достоинства именинника, но и отдельные недостатки.

В продолжение всего вечера с полной нагрузкой работала «Бесильня» — комната, где были подготовлены аттракционы и разыгрыши и где взрослые и дети могли делать все, что им заблагорассудится. Кстати, взрослых в той комнате было значительно больше, чем детей, — оказалось, каждый немножко ребенок. Все мы стали моложе в тот вечер.

А уходя из дома Иосифа Тормозова, я почувствовала, что мои представления о человеческих возможностях значительно расширились. Я и раньше знала о существовании умельцев, творящих удивительные технические чудеса, но одно дело — знать понапаслыше, другое — самой услышать, как говорит лупоглазый робот, и увидеть, как одни и те же руки привычно включают его глаза-мигалки, чекают медь, режут дерево.

А чем одарил тот вечер Голубева и его друзей, что оставил он в памяти? Брезгливую гримасу добра?

Mы собрались в обкоме — первый секретарь Смоленского ОК ВЛКСМ Николай Булдаков, заведующий отделом пропаганды Виктор Борисов, секретарь Заднепровского райкома комсомола Юрий Юрьев и я. Обсуждали все ту же проблему свободного, «неорганизованного» вечера.

Одним из первых встал вопрос: почему молодые люди так по-разному воспитаны? Живут-то ведь в одно время, на одной земле...

— Я знаю Голубева, — сказал Юрев, — наш райком в свое время с ним возился, но, видно, мало. Так вот, родители у него такие, что не могли дать ему в детстве верного направления. Это не оправдание, а попытка пролить свет.

Но она ничего не объясняет. Потому что родители Иосифа Тормозова тоже немногому могли научить сына: отец имел за плечами четыре класса церковноприходской школы, а мать и того меньше. Иосиф начал мастерить не оттого, что кто-то за руку подвел его к этому. «Я это от безвыходности», — говорит он, — игрушек в то время не было». Володя Голубев рос в более благополучное время, когда игрушки перестали быть проблемой. Выходит, дело не только в родителях да и не во времени. Дело в человеке. Все мы до определенного момента живем, как живут люди рядом, по законам своей, узкой, среды, но рано или поздно приходит необходимость решить, хотим ли, можем ли жить по этим законам и дальше. Ответ зависит только от нас. И оправдания типа «он такой потому, что друзья такие» или «родители такие» применительно к взрослому человеку смехотворны. Так же, как и традиционный

вопрос «А где была комсомольская организация?» должен звучать во вторую очередь. Сначала: а где был ты сам, когда скатывался к пьяницам, проявлял в лени? Но спросить об этом Виктора и его приятелей не удалось: в тот вечер они были «не в форме», а в райком, куда их пригласили, не явились.

И потому мы обсуждаем только второй вопрос — о роли комсомола. Не только применительно к этому случаю, а шире: что вообще может сделать комсомольская организация в таком деликатном деле, как неорганизованный отдых молодежи.

— Прежде всего давайте договоримся, — говорит Николай Булдаков, — что эта работа ни в коей мере не должна подменяться контролем за тем, что именно делают ребята, по-вечерам. Человек в свободные часы хочет быть предоставлен самому себе и пускай себе наслаждается этой свободой. Но мы должны так его воспитать, чтобы быть спокойными за него в любой ситуации. Это — в идеале. Если же смотреть на вещи реально, то оказывается, что на предприятие приходят, как правило, сложившиеся люди, пусть им только по семнадцать лет. Правда, в первое время они психологически готовы к переменам, готовы принять законы нового коллектива, и проворонить этот момент — иногда значит проворонить человека. И все же воспитание потребности жить интересно, отыскать с пользой для души и ума следует начинать с детства. С малых лет нужно воспитывать эстетические и этические запросы, если можно так выражаться, обучать разным полезным навыкам. Комсомол же обязан принять эту эстафету и доверить формирование духовного мира, вкуса подростка.

В частности о вкусе. Сейчас из-за повального увлечения гитарой, когда играть берется любой, требовательность слушателей резко снизилась. Играет какой-нибудь «лабух», пальцы мимо струн, а все благосклонно слушают. Потому что гитара и такой, с позволяющим сказать, стилем исполнения — это модно. Данью моде отдает и небрежность некоторых юношей и девушек в отношениях друг с другом, грубость и разухабистость в обращении со старшими. Мы должны создавать свою моду, благо смолянам есть на чем ее «заквашивать». Наши земляки — Глинка, Исаковский, Твардовский...

Проблема воспитания вкуса молодежи не мелочь. Мы все это понимаем, но, если быть честным, не всегда руки доходят. Чаще другие заботы одолевают. Вот сейчас, например, все силы отнимает сенокос, — заканчивает свою мысль Николай Булдаков.

Смоленский обком комсомола серьезно занимается проблемами, о которых шла речь, их по-деловому обсуждали на специальном пленуме. Там правильно понимают задачу, и нужно только, чтобы руки скорее дошли, тем более что у комсомольского актива найдется множество добровольных помощников среди артистов местной филармонии, драматического театра, творческой интеллигенции.

В Смоленске живет удивительная женщина, Ирина Константиновна Джаврова — микробиолог, доцент медицинского института и одновременно заслуженный работник культуры РСФСР. Уже много лет она с одинаковым успехом ведет научную и педагогическую деятельность и руководит двумя кружками — биологии и хореографии. Последний не так давно преобразован в народную студию, балетный спектакль которой «Далекое — близкое» с восторгом принял смолянами.

К Ирине Константиновне меня привели те же вопросы, которые обсуждались в обкоме.

— Что может сделать общественность? — живо переспрашивал Ирина Константиновна. — Я думаю, правильнее поставить вопрос таким образом: что нужно сделать с общественностью? Ее нужно беспощадно эксплуатировать. Мы с коллегами читаем в институте лекции по истории архитектуры, балета, других видов искусства. Но только для студентов. В студии тоже большинство будущих медиков, хотя есть и рабочие: Галия Рыжкова, Люда Мицкова, например. У меня все дни забиты до предела, не помню, в каком году последний раз включала телевизор, но я готова выехать с нашей студией на любое предприятие, выступить на любой площадке города и области, если нас пригласят.

Будем надеяться, что приглашение не заставит ее ждать и что оно будет адресовано не только балетной студии, а всем тем талантливым людям Смоленска, которые готовы поделиться своими знаниями и душевным огнем с другими. Ведь речь идет не просто о воспитании любви к балету или радиоделу, речь о большем — о судьбах людей.

...Прощаясь с Иосифом Тормозовым, я спросила:

— Вам знакомо, что такое скуча?

— Скука... Да нет. Бывает досадно, трудно, но скучно — никогда.

Последнее, что я услышала, уходя от берега Скворцовой дачи, был нутряной вздох Голубева:

— Ску-учно! Что ж гитару-то ненесут?

ПРИКОСН К ВОЙНЕ

Виктор РОЗОВ,
лауреат Государственной премии СССР.

Я пишу не о событиях, не о явлениях природы и общества, не о предметах и даже не о людях, а только о своем чувствовании мира, о жизни человеческого духа. Моего духа. Я хочу вспомнить, что я чувствовал в такое-то время, в таком-то случае, при виде этого, при встрече с тем.

Я назвал эти заметки «Прикосновение к войне», потому что к войне я именно только прикоснулся. Я принимал участие всего-навсего в одном бою, был в нем тяжело ранен и сразу же выбыл из войны в собственном ее смысле. Все остальное было только подготовкой к этому бою, а потом госпиталь и тыл.

Однако даже прикосновение к войне обжигает и оставляет рубцы. Во время войны я получил много новых, удивительно сильных и совершенно неожиданных впечатлений. О них-то я и расскажу.

Mы, актеры Московского театра имени Революции, были на гастролях в Кисловодске... При встрече с Кавказом я тоже испытал сильнейшее и даже необыкновенное чувство и не могу о нем не рассказать.

Театр поехал сначала в Сочи. Было это в конце апреля 1941 года. Душа моя в тот год была истерзана битвой за жизнь. Полугодовое существование, плохое положение в театре — я никак не мог продвинуться дальше актера вспомогательного состава, — а главное, бурные нелады в любви. Все было не только серо, тускло, но и беспросветно. У меня над кроватью висел лист бумаги, расчерченный на 365 квадратиков, и я вечером перед сном раскрашивал каждый квадратик — прожитый день — в свой цвет. Их было три: красный, серый и черный. Иногда они чередовались, иногда шли полосами — один цвет подряд. Сейчас образовался такой беспространственно черный ряд, которого не бывало никогда. Измученный бессонными ночами, загнанный, истерзанный, злой, погруженный в глубокую безнадежность под холодным, мерзким дождем, который в Москве прыкал уже несколько суток без передышки, с драмой чмоданом я пересек площадь у Курского вокзала, спустился в тоннель, затем вылез на платформу (о, этот глупый и тоже мерзкий Курский вокзал с лазаньем вверх-вниз, как будто сделанный нарочно для мучения людей!), втащился в вагон и, ни с кем не разговаривая, ни на кого не глядя, забрался на верхнюю полку и уснул на голове доске. Мне хотелось превратиться в сон. И я превратился. Долго ли, коротко ли я спал, не знаю, не чувствовал. Спал беспробудно, без снов, намертво. Когда проснулся, не хотел открывать глаза, боялся их открыть. Во сне было хорошо, во сне ничего не было, а сейчас открою и — снова начнется ад. Медленно и лениво открывая.

Поезд стоит на полустанке. И первое, что увидел за окном, — ветку цветущего миндalia, яркую зелень деревьев, голубое небо и беспредельную синеву моря. Это было так сверкающее прекрасно, что мне показалось: я проснулся в другом мире. В мгновение ока, нет, я даже не успел сделать этого мгновения окном, какая-то высочайшая волна радости окатила меня с головы до ног и подняла ввысь. Я услышал голоса своих товарищей, их смех. Мне сделалось мильным все:

ОВЕНИЕ

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

из-под мороженого шампанское и с криками «ура» выпили. Назовите это мальчишеством, глупостью, идиотизмом, как угодно; но это было именно так. Именно это теперь меня и поражает, потому что сейчас, когда мне много лет, когда у меня дети, когда я знаю, заряд какой разрушительной силы кроется в слове «война», я бы не побежал в кафе, я бы не дурачился, не смеялся, а, обхватив голову руками, мучительно думал, как спасти детей. Но тогда вот эта-то необычайность — началась война! — сделала жизнь еще более интересной и любопытной: я узнаю, что такое война. Вроде повезло.

Вечером 22 июня мы играли спектакль в Пятигорске. Казалось, все на своем месте. Актеры надевают нарядные испанские костюмы (в этот вечер шла «Собака на сene» Лопе де Вега), громят, бугафоны раскладывают по местам необходимые вещи, стучат молотками рабочие сцены, в зрительном зале сверкают за jakiенные листья... Но мы полны любопытства: придет зритель в театр или не придет в этот странный и непонятный день. Всегда набито битком.

Третий звонок, постепенно тухнет свет в зале. Смотрю в щельку. Пустых мест около половины. И эти пустые стулья почему-то вселяют в душу тревогу. Первая тревога.

Спектакль идет как-то необычно. Те же слова, те же мизансцены. Но все вдруг обретают какую-то бессмыслицу. Началась война, а тут какая-то графиня из Бельфлер занимается глупостями: можно ей любить своего секретаря Теодора или не можно, уронит это ее графскую честь или не уронит. Ну кому до этого дело? Началась война! Играем — и какое-то чувство стыда.

После окончания спектакля, разгримировавшись, выходим из театра и... попадаем в кромешную тьму. Что такое? Почему не горят веселые вечерние огни Пятигорска? Приказ: свет в городах не включать, вражеские летчики ничего не должны видеть, если окажутся над городом. Война идет где-то там, за тридевять земель, за тысячи километров от нас, но дыхание ее сразу же дошло сюда, до тихих, божественных Минеральных Вод. Тревога номер два. Шаримся во тьме, держась за руки и скликая друг друга. Южные ночи черны.

А на следующий день под звуки оркестра идут новобрачные. Мы высакиваем из театра и видим эту картину. Оркестр гремит звонко, трубы поют в ясном, солнечном воздухе. Но почему в привычном уху марши слышится какая-то чеканная сухость и тревога? Так, да не так. А еще рядом быстро идут, почти бегут матери и отцы марширующих к вокзалу новобрачных. Тревога! Тревога номер три.

Много времени спустя, в 1942 году, после лечения в госпитале, ехал я, добираясь до дома, по Волге. Пароход привалил к Чебоксарам. Пристани были битком забиты людьми, а сверх того толпа стояла на берегу. Это тоже провоцировали новобрачцев. Пареньки моложе тех, что маршировали в Кисловодске, стали грузиться на пароход. Раздались прощальные слова, выкрики, всхлипы. Черная масса плотно скученных людей зашевелилась, закачалась, как одно большое, непонятное существо. Когда отдали трап, еще соединявший последней связью людей на пароходе с людьми на берегу, когда пароход стал отваливать, люди на пристани — отцы, матери, братья, сестры, невесты, друзья — вцепились руками в борта парохода, стараясь удержать его, не дать отвалить от пристани. Пространство между пароходом и пристанью становилось все шире. Тела стали вытягиваться над водой, но пальцы не разжимались. Матросы бегали вдоль палубы и отрывали эти руки от бортов. Через мгновение я услышал плеск падающих в воду тел, и река огласилась воплями. Пароход шел, а вслед ему несся этот единий многоголосый вой. Он тянулся за нами долго, как туман, как дым, как эхо.

Когда я писал в сценарии «Летят журавли» сцену проводов Бориса, я помнил и звуки оркестра в Кисловодске, и этотвой над Волгой, и проводы меня со 2-й Звенигородской улицы 10 июля 1941 года. Краснопресненская дивизия народного ополчения лавой плыла по ночных, темных московским улицам. По краям тротуаров стояли люди, и я услышал женский голос, благословляющий нас в путь: «Возвращайтесь живыми!» Эту реплику я в неприкосновенности отдал бабушке в пьесе «Вечно живые». Она заканчивает первый акт драмы.

До этого выхода из Москвы с первого дня войны возник и лично мой нравственный вопрос: где должен быть в это время я? Собственно, вопрос этот не мучил меня долго, он возник и немедленно был решен: я должен идти на фронт. Это было продиктовано не чувством патриотизма и тем более какого-либо желания проявить себя на военном поприще. Мне просто было бы стыдно оставаться в тылу в то время, когда мои сверстники были уже ТАМ. Я поклонился чувству внутреннего долга, обязанности быть там, где всего труднее (подобная фраза есть в пьесе «Вечно живые», ее произносит уходящий на фронт Борис).

Я знал, как воспринял это мое решение отец. Никогда до самой своей смерти он не обронил об этом ни одного слова. Да он и не мог сказать «нет», хотя сам прошел через все 1914—1918 годы с боями, ранением и пленом. Этого ему не разрешил бы его отцовский долг. Но он и не сказал бы «да» как знак одобрения. Отец был очень суров, и сентиментальность была ему решительно чужда. Да и слова одобрения в подобных ситуациях произносятся только со сцены или на собраниях чужими людьми. «Слова согнут, молчанье скажет все» (Шекспир).

Моя любимая девушка поправляла волосы перед зеркалом, когда я вошел и объявил, что ухожу в армию. Не отрывая глаз от своего хорошенького личика, не поворачивая головы в мою сторону, она беспечно произнесла: «Да? Какого числа?» Я назвал дату, и мы перешли к разговорам на другие темы.

Мне могут сказать: что, собственно, особенного, товарищ Розов, в вашем поступке? Десятки тысяч других юношей и девушек распорядились в эти дни и годы своей судьбой точно так же. Да, и из театра Революции мы ушли на фронт довольно большой группой. А когда нас, ополченцев Красной Пресни, выстроили во дворе школы на 2-й Звенигородской улице (теперь она называется улицей Народного ополчения) и командир отчеканил: «Кто имеет освобождение от воинской

и вагон, и друзья, и их смех, и это счастье за окном — цветы, небо, море. Вся моя черная хандра, вся тяжесть невзгод — все исчезло, как по взмаху волшебной палочки. Я снова сделался счастливым. Меня просто распирало счастье! И я чувствовал: это не на минуту, не на день, это уже навсегда.

Такое полное и глубокое постижение жизни, ощущение, что ты сам есть вся жизнь, часть всего мира — и часть и целое, — бывало со мной редко, но пронизывало всего насквозь и надолго. Первый раз это случилось, когда я однажды днем шел по Гоголевскому бульвару и в меня, как в мальчика Кая из сказки «Снежная королева», вдруг влетел осколок волшебного зеркала, только доброго зеркала. Я даже остановился, опешил. В одно мгновение я испытал невыразимое счастье всей жизни, с ног до головы.

Именно это повторилось при встрече с Кавказом... Таким образом, предвоенные дни сделались днями радости.

Из Сочи театр переехал в Кисловодск. Моря нет, все не так пышно, но тоже поглотило целиком своей мягкостью и величеством. А тут еще рядом Пятигорск, весь пропитанный

Лермонтовым. И сверх того незадолго до 22 июня на трупце прочли веселую, даже блестящую комедию в стихах — «Давным-давно» Александра Гладкова. Тоже приятно. Бабанова будет играть Надежду Дурову, Лукьянин — Раевского. Мы, молодежь, всегда взволнованно переживали выпуск спектакля — от читки пьесы до премьеры. Событие! Все отлично!

Тут бы написать: и вдруг все переменилось, началась война.

Так, да не так. Пожалуй, первое чувство, которое я испытал, когда услышал о начале войны, — острое любопытство, как перед ожиданием какого-то грандиозного представления. Что-то теперь будет, ай, как интересно! Глаза мои раскрылись шире в ожидании. Я увидел, как в первые же часы люди стали быстрее ходить по улицам, почти бегать. Возникло всеобщее возбуждение. Мы, молодежь театра, тоже были как-то взвинчены, возбуждены... Огромный шумной и веселой компанией мы ринулись в кафе-мороженое отмечать это совершившееся, но невидимое всем нам событие. Мы хохотали, остирили, дурачились и закончили «торжество» тем, что разлили в высокие металлические вазочки

обязанности или болен, шаг вперед! — ни один человек не сделал этого шага. Напротив, стоявший рядом со мной студент МГУ быстро снял свои сильные очки и спрятал их в карман.

Я пишу об этом своем решении потому, что находились люди, которые спрашивали меня: зачем ты сделал эту глупость? Ни подобные вопросы я покидал плечами и отшучивался. Иногда бывали более разные выражения: «Понимав, ты пошел добровольцем с товарищами, чтобы тебя не забрали и не бросили в общий котел чеरт знает куда. В ополчении все-таки легче». Я отвечал, что меня никуда бы не забрали, так как у меня был белый билет.

Дополнение. Когда я писал это, один очень славный и мыслящий молодой человек в разговоре о прошлом, который у нас шел, вдруг спросил:

— Виктор Сергеевич, а почему вы пошли добровольцем?

Я чутьне подпрыгнул на скамейке (дело было за городом, на даче). Ах, как кстати мне этот вопрос! Сейчас я проверю, достаточно ли ясно я написал о своем решении. И я пересказал молодому человеку все, что вы сейчас прочли. К моему огорчению, я понял: написал неполно, неубедительно. Потому что молодой человек спросил меня:

— А перед кем был ваш нравственный долг?

— Перед самим собой — без запинки, как натуральный отличник в школе, ответил я.

— Теперь я понимаю... — с какой-то нечеткой интонацией произнес мой собеседник.

Я подумал: то ли он действительно понял, то ли хочет прервать разговор, не надеясь услышать более внятное объяснение. Я добавил, что нравственный долг бывает только перед самим собой, а не перед кем-то. Привел примеры из своего личного опыта — когда мне удавалось его выполнять, когда нет — и закончил словами:

— Знаешь, Никита, мне казалось: я не мог бы дальше жить, если бы тогда не нырнул в ту купель.

На Бородинском поле мы рыли огромный противотанковый ров. Зачем? Чтобы не прошли немецкие танки. Руки были в кровавых мозолях, пальцы не могли взять кусок хлеба и ложку. Копали от зари до зари, а в иконе, как понимаете, это долгое время. Но немецкие танки потом прошли. И меня до сих пор берет зло, сам не пойму на что. На то ли, что немецкие танки, черт бы их побрал, прошли, на то ли, что мы рыли этот проклятый ров напрасно. Он организовался в моем уме символом бессмыслицы. Но это мелочь, чепуха, мало ли на войне было такого, что казавшееся верхом смысла, логики и необходимости в одно мгновение оборачивалось бессмыслицей. Например, нас, кого зачислили в полковые батареи, долго учили рыть артиллерийский окоп, делать площадки для орудия, вычисляя всевозможные размеры, чуть ли не с точностью миллиметра. Каждый орудийный номер обучался особенностям своего искусства. Я был хвостовым. Вместе с двумя другими ребятами надо было ловко и быстро протаскивать по заранее вырытому ходу сошник (хвост) старинной 76-миллиметровой пушки, которой нас оснастили. Хвост был тяжел, но втроем мы все же управлялись с ним. Особенно трудно было наводчику. На эту должность всегда выбирался лучший и умнейший в расчете. Освоить прицельный прибор и быть точно — дело нелегкое. Но в первом же бою все хитрости и ловкости оказались совершенно ненужными. Пушка наша стояла на пахоте, колеса ее зарылись в землю, тело ее наклонилось вбок чуть ли не на 45 градусов, и именно в таком положении мы начали вести наш первый бой, отражая атаки противника.

Должен сказать, что атаки противника были, на мой взгляд, еще более нелепыми. Немецкое подразделение вышло из молоденького живописного лесочка и, выстроенное ровным прямоугольником, двинулось на нас, прямо на нашу пушку. Командир шел сбоку, и на его бедре болталась сверкающая в утренних лучах солнца коричневая кожаная полевая сумка. Прямоугольник стройно шел на нас. Видимо, это была та самая психическая атака, которая так эффектно была сделана братьями Васильевыми в фильме «Чапаев». Очень мне эта сцена в кино нравилась. Страшная, даже жуткая. А то, что я увидел своими глазами, было настолько глупо, что, если бы не напряжение боя, можно было бы потешаться. Это их стройное движение на нашу пушку, пусть допотопную 76-миллиметровую, но все-таки огнедышащую, было попросту идиотизмом. Неужели они могли предполагать, что этот игрушечный марш может устрашать?

Вопреки всяkim правилам стрельбы из пушки мы открыли затвор и, глядя в ствол, как в заводскую трубу, навели его на движущихся идиотов. Навели (в трубу посмотрели все, даже я, Интересно!), зарядили снарядом и выстрелили. Куда попал снаряд, я не видел, но стройный прямоугольник вдруг рассыпался, и все немцы в самом обыкновенном беспорядке побежали обратно в живописный лесок. Побежали так быстро, что мы даже не успели дать по ним второй выстрел.

Кстати сказать, сошник пушки на пахотном поле оказался не так тяжел, как на твердом орудийном оконе. Я его поднимал один. Вот этот биологический феномен мне тоже хочется выделить жирным шрифтом. Тогда я и не знал, что для минут опасности у человека так много резервной силы. Я, довольно тщедушный молодой человек, оказался Геркулесом. Ни за что, никогда, ни при каких обстоятельствах в обычное время я не мог бы поднять этот сошник. В госпитале один раненый мне рассказывал, что он прошел на перебитой ноге несколько километров и сам не мог понять, как он это сделал. Он лежал на койке из-за этого самого ранения уже более полугода, а тогда, в минуту смертельной опасности,шел ишел.

Но все это было уже не на Бородинском поле. На Бородинском поле мы рыли, рыли, рыли, рыли противотанковый ров... И вдруг из-под застулов вместе с комьями земли стали выпадать человеческие черепа. Сделалось тихо. Мы прервали рытье. Склонившись над черепами, разглядывая их, мы, возможно, напоминали группу Гамлетов. «Бедный Иорик!..» Вероятно, это были черепа той далекой великой битвы, которая вошла в историю под названием Бородинского сражения. Кутузов, Барклай, Багратион, батарея Раевского... Каким-то мистическим ветром повеяло оттуда. Он соединил далекое прошлое с настоящим, пронизал насквозь. Были они, теперь мы. Великое прикосновение... Я и сейчас вижу эти темно-желтые с почвенением, уже порядком изъеденные временем черепа.

К теме Бородина я прикоснулся еще раз.

Мы артисты. А артист всегда артист. Пока были не на передовой, каких только забав мы не устраивали! Даже сделали целый концерт для своих же товарищ — бойцов и командиров. И номер у нас с Дмитрием Вуросом (он сейчас режиссер Театра кинодрамы)* был отменный: мнемотехника. Это когда один актер сидит на сцене с завязанными глазами, а другой ходит по залу, вынимает у зрителей из карманов расчески, платки, документы и спрашивает завязанного:

— Скажите, что я сейчас держу в руке?

— Паспорт, — поражая всех своим ясновидением, отвечает волшебник.

Зал глухо рокочет, пораженный тайной.

Вурос и я решили овладеть этой «оккультной наукой».

— Значит, так, Митя, когда я беру в руки паспорт (не удивляйтесь, у бойцов народного ополчения паспорта не отбирали, они были почти у каждого), я начинаю свой вопрос к тебе со слова, начинающегося на букву «п»: «Пожалуйста, скажите, что я держу в руках?» Если я возьму газету, начну с букв «г»: «Говорите, что у меня в руках». «Газета».

— Правильно. Какая?

— «Правда».

— Правильно. А сейчас я взял у товарища командира другую газету. Какая это газета?

— «Красная звезда».

— Пожалуйста, ответьте, какая теперь у меня в руках газета?

— «Комсомольская правда».

— А что я держу сейчас? Постарайтесь догадаться.

— Папиросы.

— Я взял другой предмет. Какой?

— Кисет.

— У меня в руках монета. Догадайтесь, какого достоинства монета.

— Две копейки.

И так далее. Честное слово, имели большой успех, доставляли радость. Конечно, профессиональный мнемотехник скажет: наивно. Вероятно. Но что могло быть в обиходе солдата и даже командира? Двадцать — тридцать предметов вместе с фотографией жены, детей или возлюбленной. А память в молодости свежая и цепкая: хол — и готово!

Так вот однажды на каком-то привале на опушке я влез на пенек и стал читать нашему отыхающимся на травке взводу «Скачки-ка, дядя, ведь недаром...». Читал громко, но не очень выразительно. Всё равно слушали хорошо, то, что называлось, глядели в рот. Артист! Но когда я дошел до слов «Ребята! не Москва ль за нами?», я вдруг почувствовал Москву, которая действительно была за моей спиной. Строчки вдруг сделались моими собственным текстом. Опять внутри меня что-то совершилось, и слова «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!» я произнес с той единственной, страшной интонацией, с которой, вероятно, и надо читать их всегда, с той интонацией, от которой у меня самого сжалось горло. Я остановился и, не дочитав стихотворение, слез с пенька. Аплодисментов не было, но и никто не сказал: что ж ты оборвал вроде на середине...

Почему я так долго, тридцать три года, помню этот, казалось бы, мимолетный факт? Думаю, потому, что подобные мгновения особым светом освещают что-то. Мне кажется, через них я лучше понимаю свое ремесло. Прожитая жизнь тоже имеет свою нервную систему, свои нервные узлы. Остальное если не лишнее, то просто плоть.

Вечно хотелось есть. Иногда пищу давали раз в сутки, и то вечером. И вот в один из таких дней, когда уже приближалась сумраки, а во рту не было еще ни крошки, мы, человек восемь бойцов, сидели на невысоком травянистом берегу тихонькой речушки и чуть не скучали. Вдруг видим, без гимнастерки, что-то держа в руках, к нам бежит еще один наш товарищ. Подбегает. Лицо сияющее. Сверток — это его гимнастерка, а в нее что-то завернуто.

— Смотрите! — победителем воскликнул Борис. Разворачивает гимнастерку, и в ней... живая дикая утка.

— Вижу: сидит, притаилась под кустиком. Я рубаху снял — и хол! Есть еда! Захарим.

Утка была некрупная, молодая. Поворачивая голову по сторонам, она смотрела на нас изумленными бусинками глаз. Нет, она не была напугана, для этого она была еще слишком мала. Она просто не могла понять, что это за странные милые существа ее окружают и смотрят на нее с таким восхищением. Она не вырывалась, не крякала, не вытягивала натужно шею, чтобы высокользнути из державших ее рук. Нет, она грациозно и с любопытством озиралась. Красавица уточка! А мы грубые, пропыленные, не чисто выбритые, голодные люди. Все залюбовались красавицей. И произошло чудо, как в добром сказке. Кто-то просто произнес:

— Отпусти!

Было брошено несколько логических реплик, вроде: «Что толку, нас девять человек, а она такая маленькая», «Еще возьмется!», «Подождем, придет же этот повар со своей походной кухней-тараторкой!», «Боря, неси ее обратно». И, уже ничем не покрываая, Борис бережно понес утку обратно. Вернувшись, сказал:

— Я ее на воду пустил. Нырнула. А где вынырнула, не видел. Ждал-ждал, чтоб посмотреть, но не увидел. Уже тонет.

Когда меня заматывала жизнь, когда начинаешь клясть все и всех, теряешь веру в людей, вот в эти минуты я вспоминаю дикую утку и думаю: нет-нет, в людей можно верить. Это все пройдет, все будет хорошо.

Мне могут сказать: «Ну да, это были вы, артисты, от вас всего можно ожидать». Нет, на войне все перемешалось и превратилось в одно целое — единое и неделимое. Во всяком случае, там, где служил я.

Наша батарея еще далеко от линии фронта. Учат обращаться с оружием, поплавки по-пластунски, колоть штыком соломенное чучело. Словом, осваивали все премудрости военной науки.

Расположились в бересковом лесу. Чистим личное оружие. Что это такое? Какой-то мгновенный свист и шлепок в береску прямо над головой. Опять свист и шлепок в дерево. Еще. Еще. Поняли: откуда-то летят пули, и прямо в нас. Немцы далеко.

* Дмитрий Вурос умер 22 июня 1975 года.

Что за пули? Все легли. А я — о глупость, о близорукость, о идиотизм! — в благородном раздражении вскакиваю и иду на пули. Да, да, иду туда, откуда летят пули, чтобы узнать, кто это безобразничает. Вышел из лесу на поле. Пули свистят, люди лежат в бересках, а я иду и иду. На вспаханном поле взлетают легкие облака пыли там, куда попадают пули. Ага, значит, иду правильно, они летят оттуда. И я пришел. За невысокими холмами другое подразделение устроило учебную стрельбу. Тоже обучаются. Не все снайперы, и пули летят поверх холма к нам.

Совсем по-штатски подошел к командиру и спросил:

— Что это вы делаете? — И погасил цель своего визита. Командир, вчера он тоже был, в общем, штатский, не потребовал от меня ни козырьяния, ни четкого рапорта по форме, а обратившись к упражнявшимся в стрельбе, крикнул:

— Отставить!

Я сказал «спасибо» и побрел к своим.

Это была не храбрость, не отвага, не долг совести. Что это было? Юношеское непонимание смертельной опасности. Оно свойственно молодому возрасту, когда смерть биологически вынесена за скобки. Взрослые называют это глупостью.

Тот единственный бой, в котором я принимал участие, длился с утреннего рассвета до темноты без передышки. Я уже говорил, что описывать события не буду. Все бои, по-моему, уже изображены и в кино и в романах. Однако при всем этом боевом изобилии для каждого, побывавшего на войне, его личные бои станут нерассказанными. Так, да не так. Словом, за четырнадцать часов я повидел порядком и все глубоко прочувствовал.

Крики «ура» в кафе-мороженом в Кисловодске кажутся до мерности дрянными и даже гнусными.

Причастившись крови и ужаса, мы сидели в овраге в оцепенении. Все мышцы тела судорожно сжаты и не могут разжаться. Мы, наверно, напоминали каменных истуканов: не шевелились, не говорили и, казалось, не моргали глазами. Я думал: «Конечно, с этого дня я никогда не буду улыбаться, чувствовать покой, бегать, развлекаться, любить вкусную еду и быть счастливым. Я навеки стал другим. Того, веселого и шустрого, не будет никогда».

В это время — свершившегося чуда я не мог тогда оценить, хотя и заметил его, в овраг спустился волшебник-повар со словами: «К вам не въехать. Давайте котелки, принесу».

Какая может быть сейчас еда! Нет, не сейчас, какая вообще может быть еда, зачем, как вообще можно чего-то хотеть! Однако некоторые бойцы молча и вяло стали черпать ложками суп и жевать хлеб. Видимо, они были крепче меня. У них двигались руки и раскрывались рты. Это была уже жизнь. Во мне ее не было. Потрясение было, может быть, самым сильным, какое я испытал за всю свою жизнь. Как ни стараюсь я сейчас воссоздать его в себе и снова почувствовать пережитое, не могу. Только помню.

Ошеломление продолжалось недолго, потому что не успели мои товарищи сесть и пяти ложек супа, как немцы двинулись на нас снова и ураган забушевал с новой силой. Все завертелось, только теперь не при свете дня, а впротымах. В ночи. Они окружили нас, были из всех видов оружия, ревели над головами самолетами. Товарищи падали рядом один за другим, один за другим. Юное, красивое лицо медсестры Нины было сплошь усыпано мелкими черными сколками, и она умерла через минуту, успев только сказать: «Что с моим лицом, посмотрите?» И не дождалась ответа.

...Много я бы не узнал без войны. А надо ли знать? Надо, если это было.

Коротко, совсем коротко.

Мы вырвались из окружения, буквально наехав на немецкое кольцо, видимо, в слабом его звенье. Мы — это орудийный расчет и медсестры — были в кузове грузовика, сзади которого болталась та самая 76-миллиметровая пушка. Многие в машине оказались мертвыми, иные ранены и несколько человек чудом уцелевших. Бессстрашная наша батарея сестра Рашиль Хачатуриян и мой друг Сергей Шумов переложили меня в другой грузовик. На нем я должен был ехать куда-то в полевой госпиталь.

Помню то место: край деревни, песчаные некрученые берега речушки, застывшая черно-зеленая трава, посыпанная снегом. Сергей ходил около машины. Широкое, по-крестьянски добре лицо его было серого цвета, скелы выступали резко.

Здесь было тихо... Но на несколько минут. Их снова прорвало. Все загудело, и на деревенку пошел огонь. Машина наша зафыркала и дрогнула.

— До свидания, Сережа...

Я был последним, кто видел Сережу живым. У него была молодая жена и совсем маленький ребенок. В театре имени Маяковского (бывший театр Революции) на мраморной доске вы можете прочесть и его фамилию, написанную золотыми буквами. Он был очень хороший парень. Золотые буквы и вечная память. Ах, лучше бы он жил!

Где меня мотала машина, не знаю, не помню. Помню только ночь под землей в полевом лазарете, керосиновые лампы на столах, дрожащую над головой от взрывов бомб землю. Что-то надо мной совершалось. Мое внимание — на товарища из нашей батареи. Забыл и имя его и фамилию. Он на другом операционном столе, близко. Сидит, широко открыв рот, а врач пинцетом вытаскивает из этого зева осколки, зубы, кости. Шея вздутая и белая, и по ней текут тоненькие струйки крови.

Я тихо спрашивала сестру, бесшумно лавирующую между столами:

— Будет жить?

Сестра отрицательно качает головой.

Вспомнил его фамилию: Кукушкин.

Шум Резкий, широкий шум. Бомба упала в госпиталь. И как муравейник: бегут, складывают инструменты, лекарства. Нас — на носилки, бегом опять в грузовики. С полумертвыми, с полуживыми, с докторами, с сестрами. Едем через корни, овражки, кочки. Ой, какой крик в машине! Переломанные кости при каждой вспышке вонзаются в твое собственное тело. Волим, все волим. Ой-ой-ой-ой!!!

— Давайте в Вязьму!

Вот она и Вязьма. Скоро доехим.

Стоп, машина!

— Что там? — говорит шофер.

— В Вязьму с другой стороны уже входят немецкие танки.

Мы в вагонах-теплушках. Поезд тянет набитые телами вагоны медленно. Налет авиации. Стоп! Скряжещут колеса, тормоза. Кто на ногах, выскакивает в лес. В раздвинутые двери нашего товарняка вижу, как лес взлетает корнями вверх. Убежавшие мчатся обратно в вагоны, а мы — лежачие — только лежим и ждем. Смерть так и носится, так и кружит над нами, а сделать ничего не можем. Пронесет или не пронесет?

Бомбёжка окончена. Едем дальше. Тишина. Куда-то приехали. И вдруг... Приятная, нежная музыка. Где это мы? На каком-то вокзале в Москве. На каком — так до сих пор и не знаю. Кто на ногах, идет на перрон. И у одного вернувшегося я вижу в руках белую булку. Белую, как пена, нежную, как батист, душистую, как жасмин.

Белая булка и музыка.

Как, они здесь заводят музыку? Едят белые булки? Что же это такое? В то время как там ад, светопреставление, здесь все, как было? Да как они могут?! Как они смеются?! Этого вообще никогда не может быть. Никогда. Белая булка и музыка — это кощунство.

Этот вояж в теплушке до Владимира, где нас выгрузили, продолжался шесть дней.

Жизнь между небом и землей. Ходячий здоровенный солдат с перебитой рукой в лубке, небритый и растрезаный, стоит надо мной, смотрит. Что смотрит — не знаю. Уж, поди, нагляделся на умирающих.

— Чего тебе надо? — вдруг спрашивает он.

Чего мне надо? Ничего не надо. Так и отвечаю.

— А чего хочешь? — хрюкает спрашивает он.

— Сладкого хочется.

Парень здоровой рукой лезет в карман зелено-серых военных штанов, достает грязнющий носовой платок и начинает зубами развязывать узелок, завязанный на конце этого платка. Развязывает медленно, деловито, осторожно. Развязал и бережно достал оттуда маленький замусоленный кусочек сахара.

— На, — протягивает он мне свое сокровище, свою драгоценность, свой клад. — Съешь.

Спасибо тебе, милый солдат! Жив ли ты, хорошо ли тебе, если жив? Хорошо бы — хорошо!

18 июля 1942 года я выписывалась из казанского госпиталя. Жара. А я не только в гимнастерке — в шинели. За плечами вециевый мешок, руки на костылях. Пот льет обильно, струйками бежит по лицу, стекает за воротник вдоль всего тела. Доскалькал до трамвая и еду к пристани через весь город по дамбе. Это теперь красавица Волга вошла в Казань, и берега ее оделись в камень, а тогда... Трамвай битком набит людьми, отчего жара совершенно нестерпимая. Кажется, едешь бесконечно.

Приехали. Слез с трамвая, иду к пароходам. Их два, и оба идут на Астрахань. Туда-то мне и надо. «Коммунистка» и «Гражданка». Стою на обрыве и решаю вопрос: Если пойду на «Коммунистку», она отходит только вечером. Но до «Коммунистки» надо идти метров триста лишних. «Гражданка» стоит рядом. Я еще никогда так долго не ходил на костылях и вообще почти год не ходил. Сил нет, слабость выбирает «Гражданку». Плетьтесь. Костили вязнут в песке. Вот они стучат по мосткам, и вот я на пароходе. Устроился.

«Коммунистка» пошла вниз. «Дурака сваял, что не поехал на нее. Уж плыл бы и плыл». Однако к вечеру и мы тронулись. Я прошел огонь, теперь прохожу воду. Кстати замечу, потом прошел и медные трубы. Они лежали на барже, на которой я эвакуировался из Махачкалы через Каспийское море, и по этим самым трубам я, как фокусник, ходил на костылях. Чего только не бывает на свете!

Милая моя Волга, дававшая мне столько детского счастья! В низовых уже идет битва за подступы к Сталинграду. И в первую же ночь немцы бомбят пароходы и баржи, идущие по Волге. Наш белоснежный красавец срочно на ходу перекрашивается в серый цвет, чтобы не выделялся ночью на воде, не был для летчиков приметной мишенью. Чем ниже мы спускаемся, тем жарче чувствуется пламя войны. Вон плывут трупы. Вон с ревом вырывается пламя из пробитой бомбой и выбросившейся на мель нефтянки. Черный дым коромыслом перекинулся с берега на берег, и мы едем под ним, как сквозь черную арку.

Бежит к нам катерок. Что-то кричат, машут руками:

— Стойте!

Пароход судорожно шлепает плициами, давая задний ход. В чем дело? Немцы забросали Волгу минами, ехать нельзя. Ждите, когда выловят.

Ждем. Махнули флагом — едем. Вон они, мины, — рогатые осьминоги, вывороченные на берег.

Каждую ночь пристаем прямо к берегу, где возможно. Бросаем длинные доски, и все пассажиры гуском сходят на землю и скрываются в лесу. Идет бомбёжка. Самолеты скрывают небо. Бомбы падают редко и глухо. Бывает то поселению, то по барже, то наугад: где-то что-то ему померещилось.

Едем много дней. Трупов на воде все больше и больше. Сохокенные селения попадаются все чаще. Разбитые баржи, пароходы тоже. У всех одна мысль: попадет в нас или не попадет. Едем медленно, крадучись.

Вон еще один пароход приблился к берегу. До чего же черен бывший белый красавец! Вот уж поистине сгорел в дым. Ни одного стекла в окнах, только зияющие чернильные проемы. Один остов. Крупно не повезло кому-то. Проезжаем ближе, и я читаю дугообразную надпись над колесом: «Коммунистка».

Много-много лет спустя я попал в Казань и захотел побывать на могиле Лобачевского. Как-то некоренно бывать в Казани и не пойти к этой могиле. Мы нашли памятник великому русскому математику, поклонились ему и уж было направиться к выходу, как мое внимание привлекла большая группа однообразных могил с пирамидками на вершинах которых были прикреплены пятиконечные красные звезды. Я спросил своих друзей-казанцев, чьи это могилы.

— Здесь похоронены раненые, которые умерли в казанском госпитале, — ответили мне.

Опять я испытал прикосновение чего-то холодного. Прилема мысль: вот тут, на этом самом месте, в этой земле, мог бы лежать и я. Но я выжил и живу. Зачем? Почему судьба бережет меня? Что я должен сделать?

Евгений АНТОШКИН

Вечность

Глухо Черное море вздыхает,
И смеется,
И плачет
Сквозь сон.
Солнце раннее отдыхает
За горюю Хамелеон.

Вечно спорить с волнами
уставшие,
Под покровом кромешной тьмы,
Словно витязи задремавшие,
Обступили море холмы.

Природа —
вечный твой учитель,
Как много тайн
хранит пока.

Хоть ты ее и повелитель,
Но ты —

в ее учениках.
О чем шумит сосна на взгорье,

О чем гудит
морской прибой?..

Все радости твои

и горе

С ее обречены судьбой.

И это
ничего не значит,
Что ты,
Взлетев быстрой копья,
Стремишься дальше обозначить
Уже границы бытия.

И в ногах ощущая жжение,
Я карабкаюсь вверх,
Где апрель,

В ветвях колдует ветровей,

Словно токами напряжения,

Все тропки спрятал,

Разбудил уже Коктебель.

Где след от туфельки твоей

Май отпечатал.

И воды
Горский йодистый запах

И стала красочной земля,

Над горами плывет невесом.

Как ты хотела.

И с востока опять

Накидка тополя в поля

на запад

Вдруг улетела.

Катит море волну
колесом.

Теперь другие вести жди —

Словно камешек, в небо

Ветра сквозные.

заброшенный,

Пойдут торопкие дожди

Утонувший в его глубине,

И затяжные.

На одном из холмов

Еще над веточкой любой

Волошин

Взгляд утра светел.

Спит и видит море

Но нашу первую любовь

во сне.

Уносит ветер.

В морозный день
Иль ясным летом
Ты видишь:
Свет звезды дрожит...
А мысль —
Она быстрее света,
В твоих руках уже
лежит
Модель таинственной
Планеты.

Иван БУРСОВ

22 июня 1941 года

С ауканьем

лето вломилось в леса.
В малиннике весело зною.
Просветы в листве,
как медвежьи глаза,
Наполнены желтизною.

Как печи, шершавые пни горячи.
Кроты задыхаются в норах.
Высокое солнце, ломая лучи,
Разводит костры на озерах.

Тепло подмывает небесную твердь,
Струясь над расплавленной рожью...
Птенцы оперились...
Им скоро лететь
По синему бездорожью.

В узких окнах тесно свету,
Бьются травы о порог...
Выхожу навстречу лету
В мир желаний
и тревог.

По-мальчишечи серьеzen,
С майской радостью в очах.
Восемнадцать ранних весен,
Словно крылья
на плечах.

В близком небе
звезд засилье,
Но моей звезды там нет...
Не успел расправить крылья —
Унесло...
за сорок лет.

Бредя по случайным дорогам,
В каком-нибудь знайном овражке,
Бывает, сорвешь ненароком
Цветок многокрылой ромашки.

Ощупаешь пальцами, слепо,
И что-то в душе растревожишь.
Как дождиком с ясного неба,
Обдаст тебя чем-то хорошим.

Из прошлого
капелька меда
Печаль подсластил
и растворяет...
Не о тебе сейчас кто-то —
«Любит — не любит» — гадает.

Юбиляры 1975 года

КОМСОМОЛ УЗБЕКИСТАНА НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

Эргеш ГАФУРЖАНОВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана

Комсомол Узбекистана прошел боевой и трудный путь от разрозненных комсомольских ячеек и кружков молодежи до одного из крупнейших отрядов ЛКСМ, объединенного в своих рядах полтора миллиона юношей и девушек. Республика стала организацией мужества и боязни с басмическими бандами, набиралась рабочего опыта: сооружала Большой Ферганский канал, Чирчакский электротехнический, Ташкентский и Ферганский текстильные комбинаты.

Великая Отечественная война потребовала от нашей Родины величайшего напряжения сил, духа, стойкости. Из скажки генерала довоенного промышленного производства, комсомол республики послал на фронт две трети своего состава — 220 тысяч юных комсомольцев. Больше половины из них за проявленную в боях с гитлеровцами смелость были награждены орденами и медалями. 230 воспитанников Ленинского комсомола стали Героями Советского Союза.

В послевоенные годы комсомол вновь надел рабочую спасовку. Полицейские символы трудового геройства молодежи Узбекистана стали строительство Бекабадского металлургического комбината, Фархадской ГЭС, Ферганского гидроэнергетического, Кошилского суперфосфатного завода. Руками десятков тысяч строителей были воздвигнуты новые промышленные города — Навои, Зарафшан, Ахангаран, Гисия.

Продолжая традиции отцов, нынешнее поколение комсомольцев Узбекистана все силы и энергию вкладывает в выполнение главных задач, стоящих перед трудиниками республики. Эти задачи грандиозны. Одна из них — превратить сотни тысяч гектаров мертвых пустынь в плодороднейшие земли. Лучшим своим воспитанникам комсомол направляет на строительство оросительных систем, которые пробудят к жизни необъятные просторы Джиззакской, Каршийской, Сурхан-Шерабадской степей. В любом большом деле на помощь узбекам приходит и происходит их братия — русские и украинцы, белорусы и эстонцы, молодые посланцы всех народов нашей великой многонациональной Родины. Так было в годы первых пятилеток, когда республика только набирала силы, закладывали фундамент будущих трудовых побед. Так было, когда в рекордные сроки встал новый гирд на месте разрушенного землетрясением Ташкента. Так есть сейчас, когда трудовой гений людей разных национальностей воздвигают гигантские индустриальные и моря, каналы и тысячекилометровые трубопроводы.

Рассказать, даже упомянуть о всех славных делах молодежи республики невозможно, но есть отрасль, к которой первоначально все узбеки, от малого до великого. Это клевок. Наша общая забота, общая гордость, наш национальный долг перед страной.

Комсомол Узбекистана всегда считал своей основной задачей быть в первых рядах битвы за большой клевок. Это значит постоянно шефствовать над индустрией комплексной механизации и клевководства, активно содействовать подготовке механизаторских кадров, быть душой создания коммунальных клевководческих бригад — ударных отрядов этой важнейшей отрасли. Всей стране известны имя воспитанника Ленинского комсомола, Героя Социалистического Труда Турсуной Ахуновой, бросившей клич: «Девушки, за руль!». За Турсуной ишли тысячи ее сверстниц, ставших выше прославленными клевкогородами, ударицами коммунистического труда, гвардейцами пятилеток. С каждым годом все больше и больше ручной труд уступал место передовой технике клевководства, для внедрения которой так много делают юные рационализаторы, инженеры, рабочие Узбекистана. 5 миллионов 230 тысяч тонн «белого золота» — столько еще никогда не собирались из наших полей — для республики стране в прошлом году. Столько же намерена дать в наступении!

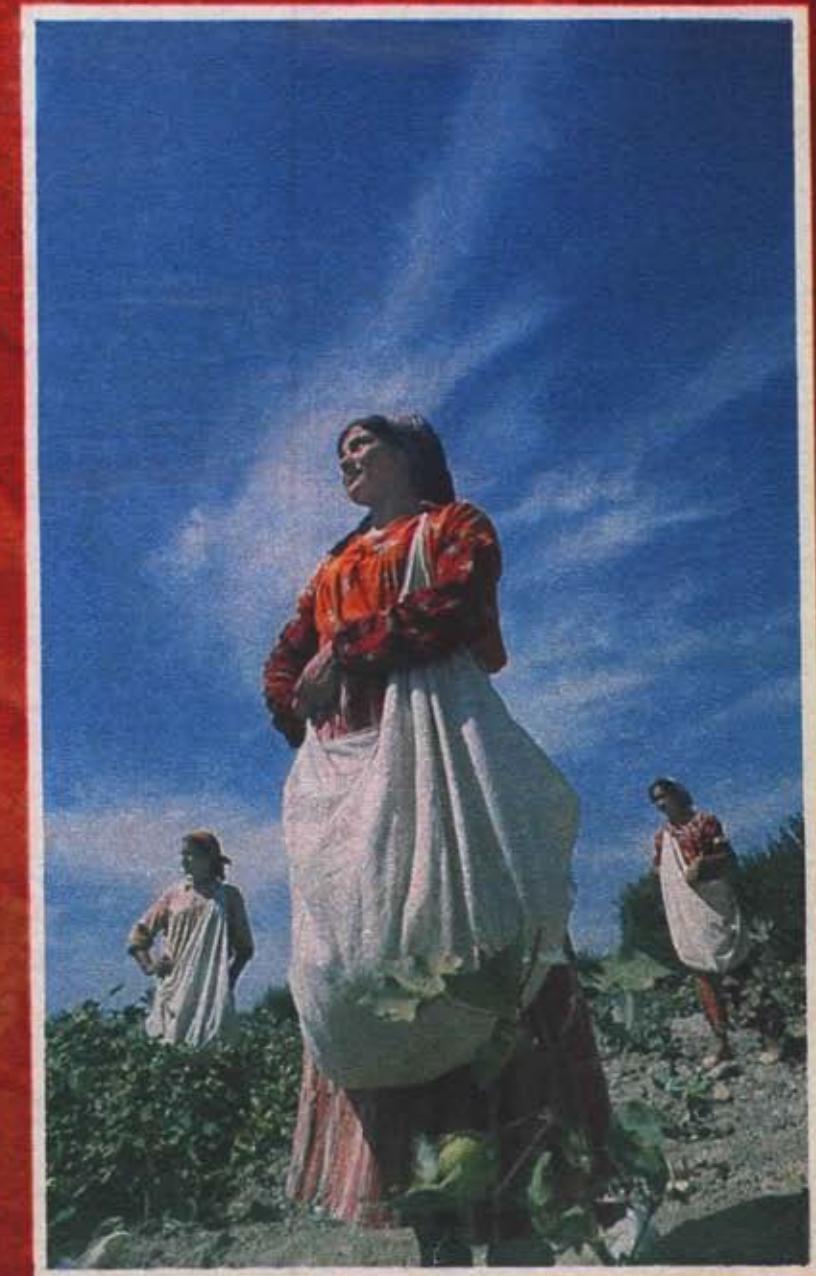
Накануне своего полувекового юбилея комсомол Узбекистана выступил с инициативой подготовить в этом году стотысячный отряд молодых механизаторов. Их знания и руки необходимы клевководству.

Готовясь достойно встретить XXV съезд партии, комсомольцы и молодежь города Ташкента стали инициаторами патриотического соревнования под девизом «XXV съезд — XXV ударных десят». Итоги соревнований подводятся каждые десять дней. Коллективы, объявленные победителями, будут удостоены права подписать трудовой рапорт партийному форуму. Одновременно молодежь республики изучает материалы партийных съездов, которым посвящены ударные десятки, историю Коммунистической партии.

Высшая награда — орден Ленина из золота комсомола республики — это свидетельство того, что молодежь Узбекистана справляется с делами, которые поручила ей Родина. Это — свидетельство иной трудовой и политической зрелости. Награда же многому обязывает нас, комсомольцев, всех юношей и девушек республики. И мы не поклонимся силам для того, чтобы оправдать высокую оценку нашей работы.

ЦЕНА З

Алексей ВЛАДИМИРОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты «Смены».

ОАО ГТА

Возможно, они никогда не встречались и не знают друг друга—молодые колхозники и текстильщики комбината. Но им хорошо известно, что делают они одно большое дело. Весь хлопок, собранный в этот трудный сезон умелыми руками комсомольцев колхоза имени Ахунбабаева, попадет в такие же умелые руки молодых текстильщиков. Здесь, на Бухарском хлопчатобумажном комбинате, детище девятой пятилетки, тонны «белого золота» будут переработаны в тысячи метров ткани и готовой продукцией придут к людям. Так молодые колхозники и текстильщики Узбекистана встречают знаменательное событие в жизни страны—XXV съезд КПСС.

Земля была сухая, как порох. Купол неба неподвижен и чист — ослепительно-синий в зените и белесовато-блеклый, точно на старом фарфоре, у горизонта. Далеко, за невидимым Зеравшаном, похоже в этот час на разрезанную пополам дыню солнце только поднимается, но всякий раз, когда райкомовский «газик» притормаживает на неровностях проселка, в открытые боковинки тянут горячий, пахнущий раскаляющейся пылью воздух. Кажется, чиркини спичкой — и вспыхнет земля.

Мы едем по земле колхоза имени Ахунбабаева, Свердловского района, Бухарской области. Кроме нас и водителя, в машине секретарь райкома комсомола Фарход Каримов бригадир одиннадцатой комсомольско-молодежной Туймурад Джуреев. Достаточно одного взгляда, чтобы понять: секретарь райкома ведет отнюдь не кабинетный образ жизни — на лице Каримова многослойный, всех сезонов, загар, какой крепко припечатывает полевому человеку средневзятское солнце. Лицо и руки бригадира тоже наскрепко отмечены печатью климата и полевого образа жизни, но необычно голубые для узбека глаза под выцветшими, в рыжинку ресницами делают Джуреева похожим на русского крестьяниня в страдную пору сенокоса. Но здесь сейчас другие заботы.

По обе стороны дороги тянутся до окна зеленые строчки кустов с трехпальмными листьями, покрытыми глянцевитой пылью. Поля обрамлены прямыми рядами тутовника. Дорога замысловато петляет в этой сухой (в буквальном здесь смысле) геометрии; «газик» то и дело вплзает на горбатые мостики, перекинутые через арыки. Иссохшие, в трещинах русла только на самом дне хранят остатки мутной влаги; вода, кажется, стяжилась в палящем жаре, готовая вот-вот иссякнуть. На дорогу никто не смотрит — все внимание на прямых, узких линиях высыхающих арыков и бесконечных прямоугольниках полей, трескающихся от жажды.

Секретарь и бригадир говорят по-узбекски, но, как постоянный удар гонга, повторяется в незнакомой речи одно слово:

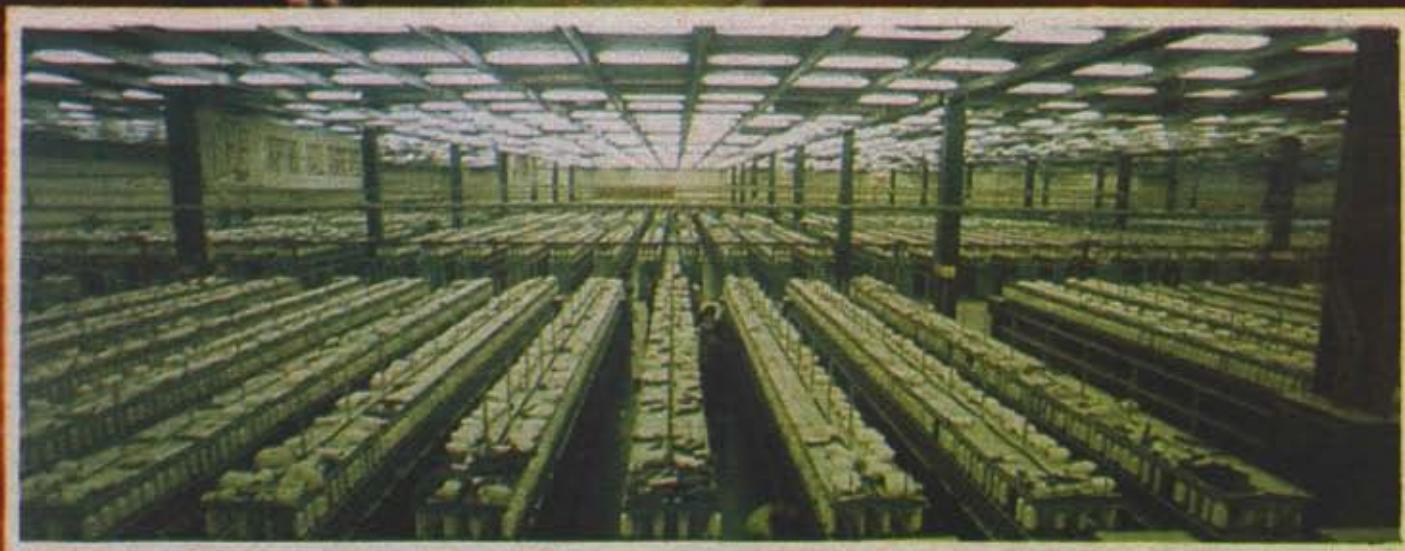
«пахта» — «хлопок». В интонациях, с какой оба его произносят, тревога и надежда.

Смысл и причины этого тревожного оживления стали понятны, когда, отпустив Каимова по неотложному делу вправление колхоза, мы вместе с бригадиром вышли на край хлопкового поля. В широколистной изгороди тутовника стояли пыльные кусты с раскрывшимися белыми коробочками. Хрупкая, беззащитная нежность выпестованного человеческими руками создания природы особенно остро чувствовалась в сухом, палящем зное начинавшегося дня. Тем более тревожен был рассказ бригадира.

Нынешний год дал хлопкоробам особое испытание, самое суровое по здешним меркам — маловодье. Джуреев не сказал, что такого не припомнит старики, хотя, по другим источникам, выходило именно так. Здесь, где в лучшие сезоны на учете едва ли не каждый литр воды, с ранней весны каналы стояли почти пустыми; Амударья с трудом добиралась до устья и дать воду дальним районам Бухарского оазиса была уже не в силах. А лето ударило нарастающим жаром, земля трескалась, как стекло, и каменела. Случись такое лет сорок назад, люди должны были бы смириться с мыслью остаться без хлопка, но и сегодня катастрофа казалась неминуемой.

Это понимали все. Но в не меньшей мере понимали и требования времени: имя года — завершающий — говорило само за себя. И все же я подумал: каким же должен быть дух людей, чтобы в этих условиях, не теряя чувства реальности, взять не только план, масштабов которого не знали здесь за всю историю хлопководства, но и присвоить к нему повышенные обязательства! На что рассчитывала одиннадцатая комсомольско-молодежная, когда на своих восемьдесят трех гектарах опаленной земли вместо плановых тридцати пяти центнеров с гектара обязалась собрать по сорок пять?

НА СОЛНЕЧНОМ КОЛХОЗНОМ ПОЛЕ БЕРЕЖНО ПЕСТЮТ МАЛЕНЬКИЕ ПУШИСТЫЕ КОМОЧКИ — ОНИ СПРАВЕДЛИВО ЗОВУТСЯ «БЕЛЫМ ЗОЛОТОМ».

Риск, известно, дело благородное, но слишком дорогой была ставка, чтобы положиться на эту шаткую категорию. Победу можно строить на точном расчете, но готовых формул для этого ни в каких известных справочниках не нашлось. Считали сами. Все возможное не один раз, казалось, до грамма было взвешено на бригадных комсомольских собраниях. Предлагалось многое, кое-что принимали, но еще больше отвергали. Момент был настолько серьезным и неподожданным на прежнее, что главное, ударное оружие нужно было искать не в новых методах и предложениях (хотя и их никто не отвергал), а в том, чтобы каждый поверил в свои силы, в возможности бригады так, как никогда раньше. Секретарь райкома и бригадир, приводя и тщательно анализируя примеры прошлых засушливых лет, не сулили ни одного легкого шага, но смогли убедить бригаду в том, что если уже и сделано все возможное, остаются еще невидимые сразу, подспудные резервы.

Так, с трудом созревало решение сделать немыслимое, на когда его принятия, об отступлении никто уже не думал. Основой работы и источником энергии стали: комсомольский энтузиазм, культура труда, доведенная до совершенства, и точный на каждый день план, предполагавший, однако, неожиданности.

Они начались сразу: хлопчатник взошел не весь. Пересевать поздно. Оставалось одно: выпестовать (как скажешь иначе?) обильный — небывалый еще — урожай на каждом живом кусте!..

Надо ли говорить о бессонных ночах, о работе в изнуряющий, сорокаградусный (это в тени, а в поле откуда тень?) знай. В срочном порядке бурили новые артезианские скважины, бетонировали каналы, чтобы не было потерь при фильтрации, не разгибали спины, рыхлили и рыхлили междуурядья, не давая земле твердеть, ради хлопка свели до минимума орошение других культур. Воду собирали и накапливали по крупицам, как золото.

Крайнее напряжение выдерживали только благодаря чувству ответственности. Она давала нечто вроде второго дыхания. Как пароль и приветствие, ходили в эти дни в бригаде слова: «Не уставай!»

Впрочем, думать об усталости было некогда, отдохнуть — тоже. В самую жаркую, нестерпимую для человека и земли пору — от часа до четырех, когда полагаются обеденный перерыв и сон в прохладном и тенистом бригадном шинопе, — поля не оставляли без присмотра. Поливальщики обходили их ряд за рядом, зная, что малейшее упущение — и отпадут с растений обожженные солнцем бледно-желтые цветы и хрупкие, еще не набравшие силы завязи, а потеря даже по одной на каждом кусте обойдется дорого — три-четыре центнера хлопка на гектар. По угодам бригады весел уже на тонны. Потом и имело особый, понятный для каждого смысл бригадное «Не уставай!».

В июле увидели: хлопок будет, много хлопка. Главное сделано.

— Осталось главное, — говорит Джураев, отирая влажным платком бисер пота с оливково-темного лба. — Осталось убрать урожай. Хлопок не пшеница, созревает не сразу. Убирать приходится по мере раскрытия коробочек. Так что девчата дела до зимы хватит.

Рассказ Джураева о событиях, которые начались весной и до краев заполнили небывало знойное лето, имел одну, крайне неудобную для меня особенность: бригадир ни словом не обмолвился о себе. По долгу профессии мне предстояло о нем рассказать, но при всем ярком узбекском солнце бригадир комсомольско-молодежной так и остался бы: для меня где-то в тени, если бы не одно маленькое обстоятельство. Случайность даже.

Бывает — нечасто, правда — одно движение, один жест человека скажет о нем так много и подробно, что он сразу становится виден и ясен. Вопросы, которые ты собираешься ему задать, не нуждаются уже в ответах словесных.

Мы стояли на краю хлопкового поля. Джураев смотрел из-под руки на цепочку девушек, рассыпанную в другом, дальнем конце. Потом взгляд его упал на пыльный зеленый куст с раскрывшимися белыми коробочками. Опустил темную большую ладонь в зеленую крону, Туймурад взял пушистый комочек, взял осторожно, но уверенно, как берет только что вылупившегося птенца опытный орнитолог. Тут впервые увидел я на всегда серьезном его лице улыбку. Особенную улыбку.

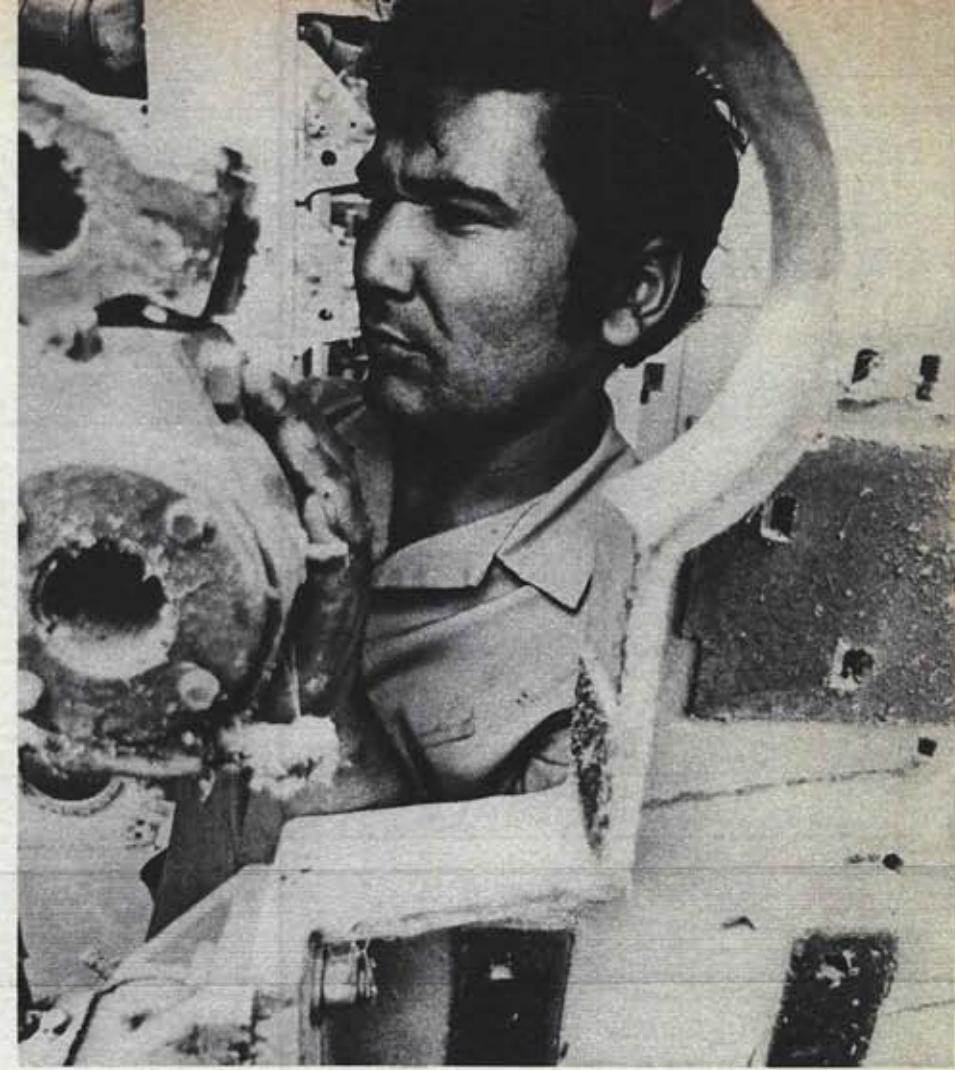
Эти движение и улыбка встали точным эпиграфом к портрету бригадира. Здесь было нечто большее, чем любовь к родному своему труду или благодарность поработавшего человека скромной, тяжелой земле. Здесь был весь человек, с его раскрывшимися сердцем, добротой, созна-

нием необходимости этой доброты, такой нужной в работе, если выбрал ее на всю жизнь. Невольно подумалось о тех, кто работает с ним: какими должны быть они?..

Нельзя было не залюбоваться этой картиной. Яркие национальные костюмы удивительно гармонично вписывались в зеленые ритмы поля под высоким солнцем. Несмотря на зной, движения девушек были четки и размеренные. Впрочем, на первый взгляд могло показаться, что ничего и искать особого разнообразия в работе сборщиц. Она, конечно, красива, но и проста: нагибайся, бери, снова нагибайся и опять бери — дело решают привычка и скорость. Но, думая так, уже через несколько минут я должен был признать себя невежественным дилетантом, потому что не было здесь ничего от заученного автоматизма. Напротив, работал целый комплекс человеческих качеств: темперамент, чутче, азарт, наконец, терпение, чтобы вовремя сдерживать этот азарт. Понятно, что каждому хочется взять больше хлопка и сделать это быстрее, и иной раз рука в азарте опередит чутью и выйдет из коробочки недозрелый сырье — и уже сбит ритм, минус качеству. Контролирует себя каждый по-своему, и когда замечаешь это, работа сборщиц наполняется особым смыслом, и один человек уже не похож на другого.

Идут по междурядью бок о бок Салима Раджабова и Мамлакат Баротова. Обе ладные, ловкие, изящно осанистые, и хотя вчера только сменили школьный портфель на сумку хлопкороба, здесь у каждой свой почерк, своя манера. Салима работает быстро, отрывисто, точно трель выбивает на клавишах. Движения Мамлакат более плавные, они шире, крупнее, и потому поначалу кажется, что работает она медленней. Но посмотрела: у обеих одновременно наполняются сумки белоснежным пухом, и обе одновременно спешат к полевым весам, где пух оказывается, кстати сказать, не таким уж легким — до двухсот килограммов этого самого «пуха» собирает в день каждая.

Работа девушек бригады Джураева захватывает высоким артистизмом. Это оче-

ГОРЫ ХЛОПКА ПРИХОДЯТ НА КОМБИНАТ. ТЕПЕРЬ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — ВЫПУСТИТЬ КАЧЕСТВЕННУЮ ПРОДУКЦИЮ.

Родины и какую поэтому высокую ответственность берет он на себя, если посвящает жизнь профессии хлопкороба.

Я заметил уже, что бригадир мыслит широко и обобщенно, но примеры приводит конкретные, из собственной практики.

После учебного года пришло в одиннадцатую бригаду новое пополнение молодежи. Конечно, никого не оставили без внимания, и скоро «новобранцы» стали работать хорошо, потом еще лучше. Но не чувствовалось, какая-то искра в работе, вдохновения, что ли. Бригадир начал с тревогой подмечать, что к девушкам приходит тот профессиональный автоматизм, который имеет хотя и высокую, но определенную школу предела. Автоматизм, самый совершенный даже, — веяще плохой: за ним превращается рост, человек останавливается в трудовом развитии, останавливается как личность. Нет, внешне все, кажется, было в порядке, и упрекнуть девушек бригадир не мог ни в чем. Он упрекал себя, ломал голову над тем, как помочь им миновать опасный предел, как вспечь искру вдохновения.

Думал не один, много говорили об этом в райкоме, но проблема оказалась настолько серьезной и тонкой, что готового ответа не могли дать даже опытные комсомольские работники. Однако не отмахнулись: работает, мол, бригада хорошо, к чему лезть в высокие материи, это уже область психологов, а наше дело — план и обязательства. С этим у тебя все в порядке. Нет, ответ искали, но нашелся он неожиданно. Хотя, если подумать, закономерно.

На очередном комсомольском собрании, после трудного страдного дня, решались текущие вопросы работы бригады. Но когда в протоколе поставлена уже была последняя точка, разговор пошел вдруг... о хлопке. Да, да, о хлопке, но не о достоинствах новых «ташкентских» сортов, не о культивации и методах поливов, не об оправдывавшем себя опыте соседней бригады, — разговор пошел о хлопке вообще, о хлопке как о явлении в масштабах страны.

Начали с малого, если малым можно назвать тот факт, что из каждого десяти полотняных сорочек семь изготовлено из них, узбекского хлопка. Потом с карандашом в руках подсчитали, что из хлопка, который обязалась собрать в этом году одна только одиннадцатая бригада, будет изготовлено двенадцать тысяч метров тка-

ния, но тут есть о чем подумать. В самом деле, сколько очерков, статей, репортажей и посвящено золотым рукам сборщиц, пестующих «белое золото» страны, сколько восторженных эпитетов и сравнений вычертано из кладезя богатого нашего языка, но вот посмотрела: свежим взглядом, и кажется, что главное так и не сказано, осталось где-то в стороне. А хочется понять глубокую причинную связь, хотя бы в этом нашем случае: как, почему в немыслимо засушливый год, когда земля буквально горит и просит воды, а природа не может дать лишней капли, почему молодежь, зеленая, простите, молодежь, которой опыта накопить еще и время не распорядилось, почему эта молодежь не только выполняет урочный свой план, но и берет огромные, повышенные обязательства в полной уверенности в своих силах и конечном результате. Мы видели, что на благородный риск ставки не делали. Неужели только золотые руки, не знающие усталости молодость да совершенство культуры труда тут причиной? Нет, должен быть какой-то особенный секрет, кроющийся в качественной стороне коллектива, в его сердцевине. Иначе чем объяснить, что далеко не каж-

дая, даже самая опытная бригада может похвастаться такими обязательствами и такими достижениями?

Я не пытаюсь искать ответа вслепую, строя разного рода непрофессиональные догадки, и с вопросом, в чем же главная причина успеха его бригады, обращаясь к Туймураду Джураеву, зная уже, что не в его характере отделяться общими словами.

И вот еще одна история одиннадцатой комсомольско-молодежной, как записал я ее со слов бригадира. История, мне кажется, поучительная и многое объясняющая.

Научить работать в поле быстро, даже красиво не так уж сложно, потому что хлопкороб — профессия здесь наследственная. Опыт и артистизм так или иначе приходят со временем, благо в хороших наставниках тоже нет недостатка. Придя в бригаду, скоро начинают работать хорошо, сначала выполняют, потом и перевыполняют норму. Казалось бы, цель достигнута. Но это еще не бригада высшего качества, недостает, по словам бригадира, духовного начала. А это-то самое трудное — чтобы человек, вчерашний школьник, глубоко, по-взрослому осознал, осмыслил, что значит этот невесомый «пух» для страны,

ней. Припомнили еще шестьдесят видов продукции, изготовленной из хлопка. Кто-то даже складывал по поводу того, что за легкое «белое» золото платят полновесным желтым. Но каламбур вышел серьезным, и совсем по-другому — проанализировано, прочувствовано, можно сказать, — осмыслен был тот факт, что в семидесятом году, после тяжелой засухи, доход страны от экспорта хлопка в три раза превысил расходы на импорт хлеба...

Это было воспитание конкретными фактами, доходчивыми и весомыми. Цифры, которыми оперировали на том памятном комсомольском собрании, были сильнее всякой агитации. Они действовали мгновенно и точно, пробуждая высокое рабочее самосознание, потому что молодежь глубоко постигала, осмысливала, каким же, в сущности, огромным, ответственным делом они занимаются в каждый свой рабочий день, в каждый час. Увлеченные разговором, они не подозревали, конечно, в тот вечер, что начали видеть значительно дальше границ своего поля, своего плана, начали мыслить экономически, граждански, если быть точным.

Одно комсомольское собрание высекло долго ожидаемую искру вдохновения. Разговор буквально взбудоражил всех и затянулся до рассвета, когда время было уже выходить в поле, но усталости не чувствовал никто. В тот день, начавшийся, строго говоря, вечером накануне, девушки перекрыли свои личные рекорды, а бригада — одна из шестидесяти бригад района — была занесена на доску почета. Но тогда никто еще не знал, что главное было не в высоких цифровых показателях, а в качественном новом осознании своей высокой ответственности за порученное дело. В сущности, произошло второе рождение одиннадцатой комсомольско-молодежной бригады, обретшей тот самый внутренний, духовный секрет успеха, который мы искали.

— Помню, отлично помню это комсомольское собрание. И последствия помню. Лишь тогда, сознаюсь, поверил я окончательно, что одиннадцатая не хватила через край, взяв весной такие повышенные обязательства.

Это говорит Фархад Каримов. Он только что приехал в поле на раскаленном своем и пыльном «газике», решил использовать «окно» и пройти ряд с сумкой сборщика. «Чтобы не забывалось». И вообще, как мы заметили, память у секретаря была отменная. Знания — тоже. С агрономом он говорил как агроном, с механизаторами — как механизатор. Потом мы узнали, что и через эти профессии прошла биография комсомольского секретаря...

— Ну как, бригадир, возьмете по сорок пять? — спрашивал Каримов, вываливая полную сумку в высокий белоснежный сугроб на краю поля. Пот катит с него градом.

— С такими помощниками можно и все пятьдесят, — улыбается Джуреев, переваливая увесистые тюки в высокий сечатый прицеп. Потом говорит серьезно, как отрубает: — Возьмем. Не можем не взять. Год — завершающий.

Утром в надежде проследить дальнейший путь хлопковой коробочки с колхозного поля мы были на Бухарском хлопчатобумажном комбинате. В ворота одна за другую въезжали машины с прицепами, сквозь сечатые борта которых выпирал тугу спрессованный хлопок. Был, конечно, здесь и тот, что выпестовал девушки из одиннадцатой комсомольско-молодежной бригады колхоза имени Ахунбаева. Новые цеха встречали эти белоснежные айсберги шумом, жужжанием тысяч веретен. Превращение хлопковой коробочки было поразительным, в когда мы увидели тысячуверстную дорогу мягкой готовой ткани, бежавшую с весяльных постукванием из зева ткацких станков, цикл, начатый трудной знайной весной на колхозном поле, не замкнулся. Не нужно было напрягать воображение, чтобы представить себе людей, которых согреет и украсит теперя белая пушистая коробочка, воплотившая в себе доброту человеческих рук и силу его разума. Комбинат был продолжением и началом другой жизни.

Нет, мы не успели хорошо познакомиться с работой молодого текстильного гиганта, рожденного девятнадцатилеткой, но здесь, как отблеск близкого будущего, сверкнула нам юбилейная, десятая. Самым популярным словом, которое слышали мы в цехах, в парткоме, в комитете комсомола, было новое для нас, но теперь уже знакомое узбекское слово «сифат» — качество...

Подумалось только, что в таких мухах родившаяся, с таким трудом выпестованная в поле хлопковая коробочка попала здесь в хорошие, надежные руки...

Командировка по письму читателя

Лидия ВАСИЛЬЕВА

«ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ!»

П

исмо продиктовано не только родственными чувствами человека, тревожащегося за судьбу своего племянника, оно написано человеком, понимающим, что такое рабочая гордость за свою комбинат, за свое ученище, за свое общежитие.

ГПТУ № 146 — среднее профессионально-техническое строительное училище, созданное на базе Бескудниковского комбината строительных материалов и конструкций № 1 Главного управления промышленности стройматериалов г. Москвы. Оно размещается в типовом корпусе, похожем на обычную школу-десантницу. Сходство со школой усиливается, когда поднимаешься по лестнице, проходишь мимо классов, где звонкий женский голос по-учительски шагито рассказывает о поэзии Маяковского, а по соседству — ребячий неустойчивый басок доказывает теорему.

Их 446 учеников, получающих здесь самую, пожалуй, необходимую сейчас для страны специальность — специальность строителя. Это будущие электромонтажники, слесари по ремонту строительного оборудования, слесари-сборщики строительных машин и механизмов, арматурники-электросварщики, штукатуры-отделочники. Государство обеспечивает учеников ПТУ бесплатным обучением, обмунированием, питанием, спортивным инвентарем, книгами. В строительном училище набирают кадры не только из Москвы и ее «зеленой зоны», но и со всех концов страны: приезжайте, общежитие государство предоставляет, прописку — тоже. Только учитесь, только скорее становитесь хорошими строителями.

Училище набирает силу: по плану 9-й пятилетки к концу 1975 года контингент учащихся увеличится до 550 человек. Естественно, расширится и общежитие, которое сейчас рассчитано на 200 иногородних учеников.

От ПТУ — полчаса на электричке до станции Депо, а оттуда 10 минут до молодежного общежития. Дом пятиэтажный, обычный: в одном подъезде — квартиры девушек, в другом — квартиры ребят. Расселены ученики свободно, искусственно. Я иду из комнаты в комнату, из квартиры в квартиру, но ничто не отличает одну от другой: тусклый свет (пластмассовый колпак сгорает от лампочки с большим накалом), поэтому комендант выключает яркие лампы, голые стены, пустые тумбочки — ни одной книги, ни одной индивидуальной преметы живущих здесь таких разных людей. Ребята лежат на койках, кто-то читает газету, порти зрение, кто-то спит, не сняв костюма, лежа поверх одеяла...

Мы собирались все вместе в красном уголке, чтобы поговорить о жизни: как она у них складывается, почему в общежитии бывают драки, воровство, скоры?

Сначала они молчали. Кто сразу отважился критиковать себя и своих соседей, выносить сор из избы, хотя этот сор мешает всем? Первыми отважились девочки, потом включились ребята, и в течение трех часов шел горячий разговор о судьбе 15—17-летних юношей и девушек, приехавших в столицу из далеких окраин, начинающих самостоятельную жизнь, овладевающих профессиями. В чем их вина, а в чем беда?

Надя Стародонова приехала в Москву из Рязанской области. Она будет арматурщицей и очень довольна своей будущей профессией. Но недовольна тем, как незинтересно, бесцветно живут они здесь: целями вечерами девушки сидят и вянут кофточки — и никаких других занятий! Экскурсии были лишь в самом начале учебного года. Билеты в театр комитета комсомола получает бесплатно, по перечислению за счет училища, однако предлагаются неинтересные, «горящие» спектакли Московского областного театра и концерты областной филармонии; ребята сходят в театр один раз, а во второй не пойдут. В красном уголке общежития — ни бесед, ни даже танцев: отсутствуют телевизор и проигрыватель; нет в общежитии и спортивных залов — ни лыж, ни коньков...

Нина Большакова из Алтайского края активнее относится к собственной жизни: она поступила на подготовительные курсы строительного института и три раза в неделю ездит в Москву. Но вот беда: ужин ребятам дают в 5 часов, значит, надо снова ехать в ПТУ, где расположена столовая. Времени на ужин уходит более двух часов. Ребята просят компенсировать ужин за обедом, или выдавать сухой паек, или привозить ужин в общежитие. И еще беда — готовиться к занятиям негде: в ПТУ кабинеты не открываются, чтобы не пропали наглядные пособия, а в общежитии учебных комнат нет.

На собрании выступил секретарь комитета комсомола ПТУ Николай Изюмов, упрекая ребят в том, что они не обращаются к нему за помощью. Но ни конкретных предложений, ни деловых выводов в его выступлении не было высказано. Формализм, равнодушие пахнуло от его слов. А ведь кому, как не комсоргу, должна быть понятна истинна: вне сферы общественной жизни человек не состоится. Занималась ли Николай Изюмов ребят общеполезным делом? Изучал ли интересы каждого, чтобы использовать их в общественной жизни училища? В общежитии нет настоящего коллектива, нет инициаторов хороших дел. От скучи, серости, лени и равнодушия возникают драки, скоры, выпивки, даже воровство.

Дорогая редакция! Просоветуйте, как навести порядок в общежитии ПТУ № 146, расположенному в Бескудникове.

В этом училище учится мой племянник и его товарищи. Их нравится учиться там, но в общежитии у них воруют. У ребят украли шапку, свитер и еще какие-то вещи. Я вызвала отца из деревни, чтобы он съездил, узнал, какие у них порядки. Он съездил в училище, мастер хвалил мальчиков за хорошую учебу и поведение.

Я пословала им рассказать все своему мастеру. Они рассказали, и на следующий день их избрали, и теперь они ездят ко мне ночевать. Это не дело, я хочу, чтобы годы, прожитые в училище, ребята вспоминали с радостью и другим советовали идти в это училище. Помогите, ведь ребята такие хорошие, деревенские, неизбалованные. И еще они жалуются, что далеко ездить в столицу.

Л. Яковлева,
Московская область.

Где нет культуры, интересной духовной жизни — там найдут место хулиганство и преступления. Видимо, комитету комсомола ПТУ следует перенести центр тяжести своей работы в общежитие, так как половина учащихся живет именно там.

Их двое, воспитателей общежития: Надежда Федоровна Алексеева — с педагогическим образованием — и Ольга Федоровна Фокина, без образования, недавно пришедшая на эту работу. Я спросила их о плане воспитательной работы. Обе долго молчали, потом обрадованно припомнили: мы объявили конкурс на лучшую комната!

Конечно, легче организовать конкурс, экскурсию, поход в театр, чем работать с каждым, пробуждая в человеке интерес к самому себе, умело поощряя самостоятельность, активность, а в этом одна из главных задач воспитателя.

Что же получается? Государство предоставляет ученикам ПТУ множество привилегий, а здесь они сводятся почти на нет. Во время нашего разговора было вскрыто много недостатков и в культурмассовой работе училища, и в быту общежития. Даже виновных вроде нашли: администрация, комитет комсомола, воспитатели общежития.

А что же сами ребята, безвинные? Где их собственная ответственность за свою же жизнь, где требовательность к себе? Почему они ждут, когда кто-то отведет их за руку в библиотеку, театр, музей, спортзал? Разве в шестнадцать — семнадцать лет, а не с детства человек понимает, что безделье, воровство, пьянство — преступление перед обществом и перед собой?

Действительно, как же ребята готовят себя в рабочие, что делают, чтобы войти в передовой класс общества полноправными его членами? Профессия требует от каждого самостоятельности, инициативы, творчества. А рабочий коллектив — гражданской твердости и убежденности, принципиальности в поступках.

Увы, этих качеств ребята не проявили во время нашего разговора в общежитии. Не нашлось смельчака, который бы резко, честно и прямо назвал тех, кто мешает спокойно жить, кто дерется, ворует, дебоширит. Ребята смолчали: слабые, боялись, чувствуют себя незащищенными, сильные были уверены, что их не выдадут. А раскаются ли втихомолку хулиганы, перестанут ли безобразничать при таком попустительстве? Коллектива, сильного своей сплоченностью, дружбой, в общежитии нет.

Молодой человек приехал из провинции в столицу. Профессия определена. Учись, набирайся ума, знаний, умения, культуры. Современный город щедр к любознательным и глуп к равнодушным. Кому-то он откроет свои сокровища — выставки, концертные залы, лектории, а для кого-то столица останется в памяти пятью-шестью кинотеатрами.

Жить в чужом городе, в общежитии трудно. Жизнь, отправленная от семейного порядка, от родительского внимания и заботы, требует от человека большой силы воли, смиренности и целесообразности. Годы учебы в московском профтехучилище для многих ребят станут годами, когда заложится фундамент их личности, то есть не только основа общеобразовательных, профессиональных знаний, но и основа политической сознательности, гражданской активности, чувства товарищества и дружбы. Очень это широкое понятие — учеба. Чеканными строчками стихов выразил Маяковский ликующую готовность советской молодежи начальную 30-х годов: «Я в рабочие пошел, пусть меня научат!»

А не появилось ли у ребят из бескудниковского общежития этакое потребительское отношение к когда-то боевому лозунгу: «Пусть меня научат!» Пусть государство обеспечит меня общежитием, всякого рода дотациями, льготами, знаниями, думают некоторые из них, а я, мол, так и быть, постараюсь это как-нибудь потребить.

Иждивенчество всегда оборачивается равнодушием к настоящей жизни и ее подлинным ценством. А это уже прямая угроза для человека.

Вот и задыхаются сейчас ребята из бескудниковского общежития из-за заниженности, приземленности собственных интересов, от бездуховности. Общение в их коллективе поверхностное, не взаимообогащающее, разговоры — «сплошной треп»: кто что купил, кто с кем «гулял».

Молодой человек «пришел в рабочие». Ему дадут знания, научат профессии. Но подлинно высококультурным рабочим, творческим активным человеком он станет только тогда, когда начнет создавать себя сам.

Р. С. Вскоре после описанной встречи администрация бескудниковского ПТУ сообщила в редакцию, что в учебных группах провели собрания на тему «Моральный облик комсомольца», из училищ отчислены двух самых трудных учеников, которых, кстати, подозревали в воровстве, и краж с тех пор не было; в общежитии силами ребят провели ремонт; в красном уголке установили телевизор, сменили коменданта. Достаточно ли этих мероприятий для того, чтобы изменить психологический климат не только в общежитии, но и в училище в целом? Достаточно ли для того, чтобы каждый из ребят стал настоящим рабочим?

Далекое — близкое

Альберт ЛИХАНОВ

тобольск

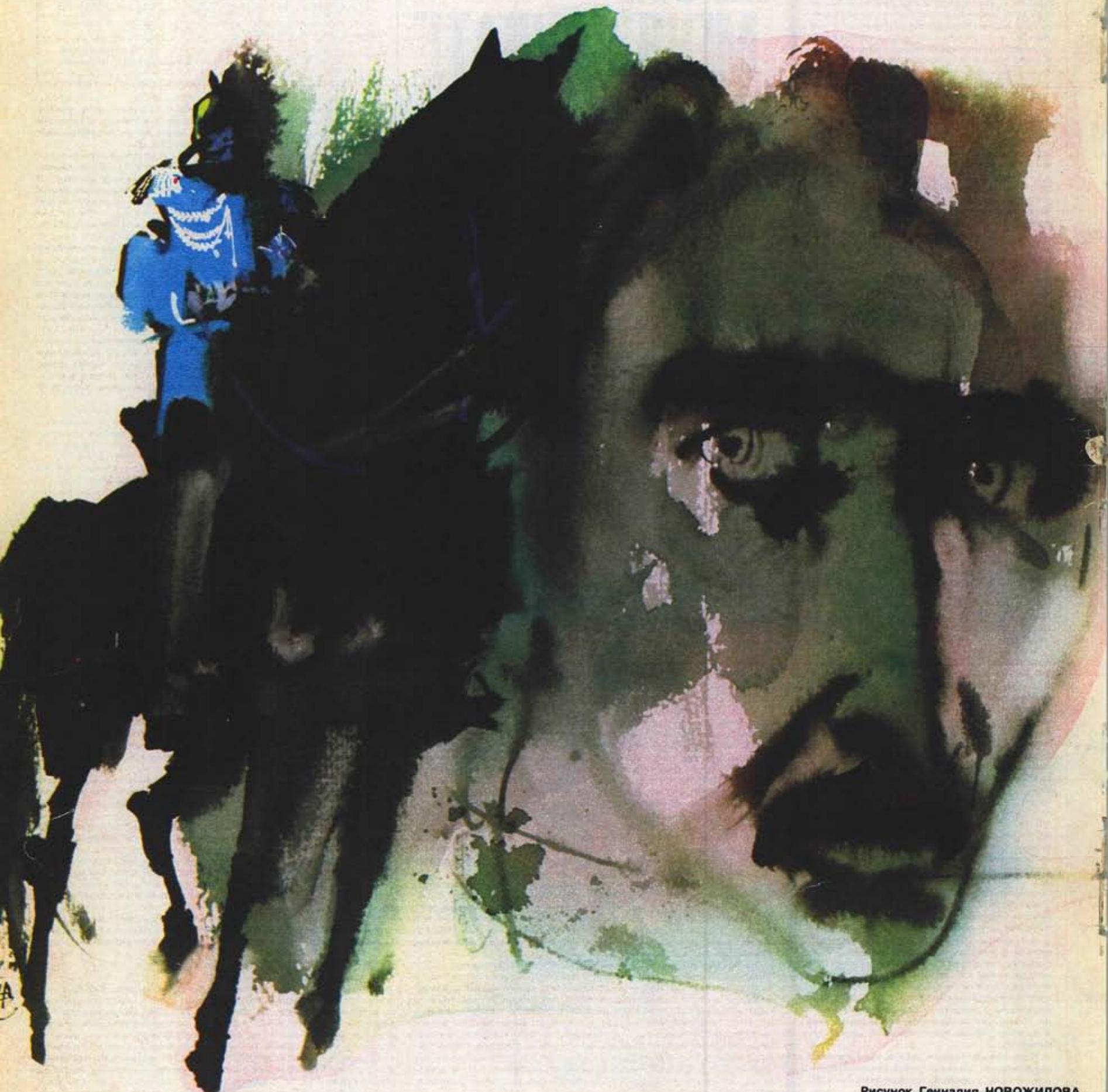

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ВИЙ УЗНИК

К 150-летию
восстания
декабристов

Рылеев казнен. Повешен дважды. Казнены еще четверо: Пестель, Бестужев-Рюмин, Ка-ховский, Муравьев-Апостол. Сто двадцать отправлены на каторгу и в ссылку.

В июне 1826 года началась еще одна глава в истории декабризма. Казнью пятерых Николай поставил лишь точку в прологе к книге казней.

Сибирь, Кавказ, армейские полки вместо гвардейских — казнь гражданская, казнь достоинства, поправки судеб.

Много лет спустя в глухой сибирской ссылке Вильгельм Кюхельбекер, тот самый Кюхля, лицейский друг Пушкина и Пущина, незадачливый, долговязый, смешной, запишет, встав рано поутру 12 мая, в своем дневнике:

«Сегодня ровно 14 лет моей очной ставке с К. (Каховским). — А. Л.). Чудный видел я сегодня поутру сон: будто я в какой-то земле, где Рылеева и Каховского, добавок Р. (Рылеева) будто бы жив, а между тем мне рассказали его смерть: он, говорили мне, когда объявили ему его жребий, попросил надеть белую рубашку и потом простились с женой, дочерью в какой-то комнате, и с тестем на дворе, куда старика привели в кандалах. Дочь при прощании он взял на руки и стал поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенок не закричал...».

И следующая запись. От 26 мая.

«Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!

В душу моей всплывает образ тех,
Которых я любил, к которым ныне

Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех.

Пережить всех — не слишком отрадный жребий! Высчитать ли мои утраты?

Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов; Дельвиг умный, веселый, рожденный, кажется, для счастья, а между тем несчастливый; бедный мой Пушкин, страдальц среди всех обольщений славы и лести, которого уполя и отправляли его сердце; прекрасный мой юноша, Николай Глинка, который бы был великим человеком, если бы не роковая пуля... и почти все они погибли насищенной смертью, а смерть Дельвига, смерть от тоски и грусти, чуть ли еще не хуже!»

Насильственная смерть... А разве сам он, Кюхля, умер смертью?

Десять лет томления в крепостях — тайно, так что даже близкие порой не знали, жив он или практально давно покончил на безвестном погосте; десять лет один на один с собой, чтобы потом получить монаршую милость — ссылку в Сибирь.

«Император», — писал Пушкин в 1835 году своей знакомой П. А. Осиповой, — явил милость свою многим из заговорщиков 1825 года, между прочими и моему бедному Кюхельбекеру. По указу должен он быть поселен в Южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желал бы знать, что он поближе к нам...».

Он радовался всей душой — усталый, подавленный, сломленный человек. Он уже не роптал. То, что когда-то могло казаться кощунством, теперь было благоденствием. Царь добился своего, уничтожив если не личность, то человека. Монарши суд приговорил Кюхлю к смертной казни отсечением головы. Монарши власть пронизла монаршую милость: за долговязого поэта заступился великий князь Михаил. Смерть заменена двадцатилетней каторгой и пожизненным поселением в Сибири — вот счастье... Потом каторгу заменили — срок и мера наказания показались, верно, смехотворными даже тем, у престола, — чем это лучше казни отсечением головы? Вместо каторги назначили пятнадцать, потом десять лет крепости, он их полностью отсидел; один — в холодных, сырьих камерах.

Друзья считали его чудаком. Чудачество привело его когда-то к дуэли с лучшим другом Пушкиным. Он выглядел чудаком и на Сенатской площади — в пушкинских бумагах есть даже рисунок: угрюмый Рылеев в треуголке, а перед ним долговязый Кюхля с пистолетом в руке — Кюхельбекер стрелял в великого князя Михаила, того самого, который позже ходатайствует о «помиловании», но пистолет не выстрелил. Многие декабристы, из тех, кого удалось сломить морально, потом вспоминали Кюхельбекера с долей иронии, порой обидной. За занавесом времени, ища оправдания, виня других, они зло посмеивались над высокочкой, который при «трезвом» размышлении не мог быть «движителем» серьезного предприятия.

Может, это и так.

Может, это говорилось из любви к Кюхле, чтобы спасти его жизнь, посмеяться над «великим замахом», который угрожал ему. Мне кажется, в этих обвинениях была порой и доля искренности. Многих раздражало, что Кюхельбекер, нажавший на спусковой крючок, оказался в чем-то как бы символом восстания: пистолет не выстрелил.

Впрочем, речь сейчас не о том.

Кюхля все-таки был чудак, это верно. И качество,

толкнувшее когда-то на дуэль с Пушкиным, теперь его спасло.

Десять лет крепости. Эта участь была уготована не многим декабристам. Разум более спокойный, уравновешенный, трезвый, мог бы, как это ни парадоксально, не выдержать этой пытки. Кюхля не был герой. В конце судебных испытаний он был готов принять любую вину. Но вынести наказание в десять лет крепости?..

В крепостях ему позволяли писать — вот что спасло его.

Холодный ум непременно пришел бы к мысли о бесполезности дальнейшего существования. О бессмыслицей любой деятельности — кругом стена, в которой невозможно пробить даже тонкую щель. Холодный, расщепленный, сильный — я подчеркиваю это определение, — именно сильный ум пришел бы к непременной мысли о необходимости конца. О физическом самоубийстве, как — в данной ситуации — превосходстве человека над наказанием. Мне думается, так поступил бы Рылеев. Оказавшись живо замуранным, точно зная безысходность своего положения, непременно ощущая нравственную казнь — неизъяма же, в самом деле, считать за проблем свободы дальнейшее вечное поселение, безгласность и абсолютную немоту — он, мне кажется, сильный, очень сильный духовно, покончил бы с собой.

Впрочем, это лишь посыл, вполне допускаю ошибочный. Спустя полтора века размышают о прошлом довольно легко — ведь не сам ты выбираешь свою судьбу...

Кюхля выдержал. Он писал стихи. Обращался к антике, рифмовал и рифмовал, читал книги, высказывая в дневнике свои замечания, порой серьезные, порой смешные. Он жил, погружавшись в себя, и, бесспорно, это качество спасло его физически. Спасло, можно сказать, и духовно, но лишь только применительно к нему самому.

Рылеева это существование бы не спасло.

Сочинчество в духе подражаний античной поэзии было бы ему не под силу...

Ясно одно: Кюхля выдержал потому, что был Кюхлей. А кроме того, не вправе мы, действительно, из нашего далека сравнивать реальную судьбу одного с предположительной судьбой другого.

Люди есть люди.

У них есть слабости и достоинства, и порой достоинства превращаются в слабости, как слабости могут стать своей противоположностью тоже. И как понятны мгновения человеческого счастья, донесенные до нас из невероятного далека...

В декабре 1835 года Вильгельм Кюхельбекер освобожден из крепостного заточения и с фельдъегерем отправлен в Баргузин.

После десятилетия одиночества он видит людей, может говорить с ними, смеяться, лять. Он может вдыхать прозрачный воздух.

«В судьбе моей», — пишет он Пушкину 3 августа 1836 года, — произошла такая огромная перемена, что и поньма душа не устоялась. Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружья, ни конвоя, не слышу ни скрытия замков, ни шепота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем — повериши ли? — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу; здесь все не так, как ожидал даже я, порядочно же, какись, разочарованный насчет людей и того, что можно от них требовать!..

Как понятно это письмо!

Он не слышит «скрытия» замков, зато едва ли не одинок среди близких людей. Его мысли тянутся к «идеалу», он ошибочно полагает, что идеал этот может жить в крепости надежней, чем среди людей, и это подтверждает, наверное, мою мысль: да, Кюхельбекер вынес крепость благодаря своим странностям — несторонний в ней бы погиб, оставшись живым среди людей, даже самых несовершенных.

У Кюхельбекера выходит все наоборот.

На «волне» он остро чувствует свою ненужность, неприспособленность к преодолению житейских трудностей.

В Баргузине он живет у брата Михаила.

Сибирское существование — дело тут понятное — отличается от всего предыдущего опыта любого из декабристов. Они ведь были дворяне. Многие — дворяне богатые. Были просто богачи. Их идея была оторвана от практической жизни — ведь и это имел в виду Ленин, когда говорил: «Странно далеки они от народа». Дворяне занимались трудом умственным — были чиновниками, как правило, немаленьими, служили в армии. Состояния позволяли им безбедно жить и не знать, что такое собственный труд.

Нет прямых доказательств, что Николай I учтивал это обстоятельство. Но объективно — учтивал. Жизнь в Сибири для многих декабристов, хоть и дворян, но не очень богатых, без связей, без родственников, стала двойным испытанием. И если первым из них было изгнание, то вторым — труд. Да, да, самый настоящий, обыкновенный труд. Работа.

Правда, казна давала кое-какие деньжонки на содержание декабристов. Но это были крохи. Так, для поддержания внешней видимости: все-таки дворяне, хоть и

лишенные сословного звания. А по существу, каждый должен был жить, как может. Есть родственники, состояния — пусть помогают, хотя и ограничено. А нет — пусть работают, зарабатывают себе на хлеб.

Царизм хотел вытряхнуть свободомыслие из голов декабристов и таким путем.

И тут декабризм расслоился.

Одни жили неплохо и в Сибири: помочь состоятельный родственников. Другие — и тут, мне кажется, определился демократизм этих декабристов, их близость к народу, к народной жизни, к труду — стали зарабатывать на хлеб своими руками. Третий не имели богатых родственников и, к сожалению, не умели работать физически. Эти выходили на новый круг дантова ада.

Им предстояли новые испытания — нравственные и физические. Но эти поступали по-разному. Отчаявшись, иные просились в солдаты на Кавказ — под пули, на верную смерть. Там, на мысе Адлер, погиб талантливый писатель, ближайший друг Рылеева Александр Бестужев-Марлинский. Другие — среди них был Кюхельбекер — подчинялись течению жизни, и жизнь их была вынуждена.

Осторожный, живущий не реалиями жизни, но памятью и возвышенными идеалами, бедный Кюхля попадает в ярмо сибирского быта. Живет в бане у брата — там ждут на наклебника, а помощника, не помочь Вильгельму ничем не может. Он пишет стихи. Просит родных хлопотать перед всем же великим князем Михаилом о позволении печатать произведения — такое мог придумать только Кюхля... Единственный, кто ему помогает, — Пушкин. Анонимно печатает часть «Ижорского», поэтической мистерии Кюхельбекера. Бесконечно благодарный, Вильгельм непрестанно думает о Пушкине. Пушкин для него единственный светоч — и литературный и человеческий.

Из Сибири шлет он Пушкину традиционные стихи к 19 октября, дню лицейской годовщины.

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? Как паруны
Сибирских гроз, его златые струны
Роконут... Песнопевца, это ты!
Твой образ — свет мне в море темноты.
Твои живые, веющие мечты
Меня не забывали в ту годину.
Когда, уединен, ты пил кружину.

Когда ты и, как некогда Назон,
К родному граду простирая облытья,
И над Невою встрепетали братья,
Услышав гармонический твой стон:
С седого Пейпса, волшебный, он
Раздался, прилетел и прервал сон,
Дремоту наших мелких попечений.
И погрузил нас в волны вдохновений.

Кюхля верен себе. Причину того, отчего «над Невою встрепетали братья» — вспыхнуло восстание — он видит в «гармоническом стоне» Пушкина. Впрочем, ведь стихи были адресованы другу и сочинены поэтом, не политиком, не борцом. Истина его тут не волновала, не в истине он видел цель стиха своего, хотя как сказать... Могло же перед ним быть нечто иное, другая цель, истина, так сказать, другого порядка, а именно — хоть в стихах, хоть спустя много лет, в сказать Пушкину: не правда ли, Александр, будь ты в ту пору в столице, и ты был бы с нами...

Да, наверное, так и есть, тем более что нам-то широко известен факт, когда Пушкин на вопрос царя, с кем он был бы 14 декабря, оказался в столице, ответил не колеблясь, с друзьями.

С друзьями — это не удивительно, это в характере Пушкина, удивительно, что спустя много лет, в Сибири, друг его, Вильгельм Кюхельбекер, подразумевает то же, не сомневаясь ни на мгновение в Александре.

Пушкинское послание «В Сибири» Кюхельбекер узнал, наверное, одним из самых последних. Если не самым последним. Так сложилась его личная судьба. Не знаю, обратил ли он внимание на одно слово — «дружество». В ту пору это было обычное обращение, так что, наверное, не обратил: «Любовь и дружество до вас дойдут сквозь мрачные затворы...» Это в наше время можно обратить внимание на архаичное ныне слово. Так вот о дружестве. Мне кажется, это не синоним слова «дружба». Я думаю, Пушкин вкладывал в это слово нечто иное. Дружба может быть между двумя, между группой людей. Сосланных в Сибири декабристов было около ста. Дружбы между иными, честно говоря, и не было, во всяком случае, сто человек друзей быть — все! — не могут, слишком много внутренних взаимосвязей, но вот дружество — да, это слово подходило, ссыльных декабристов без натяжки можно было назвать содружеством, а отношение к ним — дружеством. Пушкин выбрал самое точное слово.

Кюхельбекер пользовался дружбой Пушкина, дру-

гие — дружеством; дружество связывало их и между собой — широко известны факты, когда состоятельные декабристы силком помогали бедным, тем, кто влядел жалкое существование, кому было тяжело.

Но главное в содружестве не это.

Главное — другое наполнение, другой смысл слова «дружество».

Оно в памяти друг о друге — живых и мертвых. Пафос дружества — в верности собственной памяти.

Это было поразительно!

Всесильный хозяин страны хотел их растоптать, хотел их рассказать, как карточный домик, развеять даже по Сибири. Они — пусть не все! — умудрялись верить, помогать, помнить.

Кюхельбекер верил в Пушкина.

В этой вере был высший смысл, особое содержание. Пушкин был для Кюхельбекера представителем декабристов на свободе. Кюхля, конечно, не мог не понимать ограниченности этой свободы. Но наверняка он не предполагал, что у Николая достанет смелости — да, смелости в самом серьезном смысле слова — казнить Пушкина. Убить его пистолетом Дантеса.

Представьте себе Кюхлю.

Несуразного, длинного, подслеповатого идеалиста. С семью брата он не в ладах. Он одинок, даже женившись: жена его, Дроссида Ивановна Артемеева, дочь местного почтмейстера, — обыкновенная мещанская, далекая как от прошлого, так и от нынешнего своего мужа; единственное, что ему удается с ней поделить, — быть, воспринимаемый им иногда как любовь. Вся душа Кюхли, весь эпизентр его настроений — рядом с Пушкиным, в возможном — хотя бы и придуманном — будущем, в книге, которую, возможно, поможет выпустить Александр, наконец, в духовном сродстве с самым близким, самым гениальным.

И вдруг...

Как это написать?

Что с ним было? Что могло быть?

Известие о смерти Пушкина было посильнее дантесовского выстрела — он, конечно, плакал, Кюхля не мог не плакать, узнав, что Александра больше нет; он был в отчаянии — Вильгельм не мог не прийти в отчаяние; он кусал губы, люто ненавидя сероглазого и лысоватого Николая — Кюхельбекер не мог не ненавидеть царя, понимая, где зарыта собака...

Это было накануне 26 мая, дня рождения Пушкина. Спустя несколько месяцев после смерти Пушкина. Вот уже долго Пушкина нет, а Кюхельбекер думает об Александре как о живом. Как это ужасно — думать о мертвом, как о живом. Но не ужасней ли думать о живом, как о мертвом?

Он пишет стихи.

Итак, товарищ вдохновенный,
И ты! — я на прах священный
Слезы не пролил ни одной:
С привыки к горю и страданьям
Все высохли в груди больной.
Но образ твой моим мечтаниям
В ночах бессонных предстоит,
Но я тяжелой скорбы сырь.
Но, мрачной, близ жены мне милой
И думать о любви забы...
Там мысли, над твоей могилой!
Смолк шорох благозвучных крыл
Твоих волшебных песнопений,
На небо отлетел твой гений;
А визги желтой клеветы
Глуццов, которые марали,
Как был ты жив, твои черты
И ныне, в час святой печали,
Бездушные, не замолчали;
Гордисы! Ей-богу, стыд и срам
Их подлая любовь! Пусть жалят!
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;
За зависть дорого я дам.
Гордисы: никто тебе не равен,
Никто из сверстников-певцов;
Не смиреннее ты во мгле веков,—
В веках тебе клевет Державин.

Он называет стихотворение «Тени Пушкина». Он как бы ведет некий отчет: «Тени Рылеева», «Памяти Грибоедова», «На смерть Николая Глинки», «На смерть Якубовича»... Печальная участь — стихами отмечать потери. Ведь это не просто стихи. Это перевернутые страницы жизни.

Дружба и дружество для таких людей, как Кюхельбекер, были едва ли не главным в жизни. Быт и повседневность проносились мимо, топча, подавляя, но все-таки — мимо. Потерянная дружба лишала частицы души. Она убивала. Медленно, но убивала.

Вот этого Николай наверняка не предвидел.

Не мог предвидеть по причине своего существования.

А может, предвидел и это?

Ведь плач может быть изощренным. А изощренности предела нет. Изощренность переступает пределы ограниченностей и тупости. В изощренности злодей может стать гением.

Каждого или почти каждого, у кого было сердце и не угасла память, медленно, но упорно убивали известия о смерти товарищей. Особенно Кюхельбекера. Его странность, его остраненность, его причудливость были лишь частью его физиологической, что ли, психологической по крайней мере личности. В нем была жива душа. Тоже странная, но обладающая великолепными достоинствами — душа тонкая, ранимая, бесконечно верная.

Царь казнил Кюхельбекера смертями друзей.

Он как бы стоял возле виселицы и носком лакированного сапога медленно выбивал табурет, стоявший под Кюхлей. Он выбивал опору его духовной и нравственной жизни. Выбивал то, что связывало его с Пушкиным, Грибоедовым, Рылеевым, — дружбу. То, что связывало с остальными, — дружество.

Он умирает, не в прямом — в переносном смысле, хотя и стойко сопротивляется смерти. На что он надеется? Весь надеется не на что...

Вот его автопортрет той поры.

«Не был я красавцем никогда, — напротив, всегда был неловок и нескладен. Теперь же волос седой, зубов мало, спина сутуловата, — чтобы не сказать — горбата, — одно плечо выше другого: вот тебе портрет твоего дяди при росте 9 с половиной вершков, то есть 2 аршина 9,5 вершка и худощавости, что, кажется, в кольцо пролезешь. Аристократического у меня осталось — белые, мягкие руки, потому что поневоле не могу заниматься полевыми работами: сил нет, да и левой рукой не владею».

Из Баргузина он переезжал в пограничный городок Акшу — наконец-то находился способ зарабатывать, кормить семью своими руками, — в переносном, конечно, смысле слова: руками он может лишь писать своим никому не нужные, всех вокруг раздражающие стихи да листать книги. На сей раз работа соответствует его возможностям: он едет в Акшу воспитателем дочерей начальника города — была раньше такая должность.

Он ожидал, задумал написать русскую историю в форме писем одной из своих учениц, Акшу кажется ему раев, но всякий самообман рано или поздно кончается болью.

Семейство начальника города переезжает в другое место, помочь Кюхельбекеру оно более не в силах, умирает сын Иван, болеет жена, два года он тщетно добивается перевода из Акши, которая теперь уже не кажется никаким раев, наконец переезжает под Курган, затем в Тобольск.

Палач добился своего.

Долговязый, целивщий не столько в великого князя, сколько в него — пусть даже пистолет дал осечку, — уже казнен. Почти казнен.

Он болен туберкулезом. Он ослеп.

Это можно уже зачеркнуть.

Беспомощный, забытый, раздавленный куждой, разбитанный потерями друзей, он умер 11 августа 1846 года в половине двенадцатого пополночи и похоронен на Завальному кладбище в Тобольске возле церкви Семи Отроков.

Вдова, Дроссида Ивановна, уехала в Иркутск, его детей забрала сестра Вильгельма Юстина Глинка — там они и жили под фамилией Васильевых.

Даже фамилию отца носить не могли.

В 1856 году детям Кюхли возвратили дворянское звание и имя отца. Дроссида же Ивановна пережила мужа на сорок лет, а когда умерла, Михаил Волконский, сын Марии Николаевны и Сергея Григорьевича, родившийся в Сибири, выхлопотал от казны 150 рублей на ее похороны.

Вот, кажется, и все.

Нет!

Ведь остались же рукописи. Слепой Кюхельбекер продиктовал свое литературное завещание Ивану Ивановичу Пущину, лицейскому другу, незадолго до смерти, когда тот заехал навестить товарища.

Среди того, что лежало в сундуке с бумагами, было и это стихотворение.

Первое в ряду печального отчета Кюхли, пережившего многих, но оттого лишь растиравшего свои муки на эшафоте. Стихотворение посыпалось другу — декабристу Петру Александровичу Муханову и называлось «Тень Рылеева».

Рылеев был для Кюхли первой тенью из огромного мира теней, счетоводом которого, стоя у входа с грустной своей лирой, долго был Вильгельм.

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточены был заклан
Булатом ослепленного убийцы,—
Во тьме на узником одре лежал
Певец, поклонник пламенной свободы;
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счаствия искал.
Но не придут обратно дни былья:

Прошла пора надежды и снов,

И вы, мечты, вы, призраки златые,

Не позлатить железных вам оков!

Тогда-то не был сон — во мрак темницы

Небесное видение сошло:

Раздался звук торжественной цевницы,

Испуганный певец поднял чело

И зрит: на облаках несомый,

Явился образ, узнику знакомый.

«Несу товарищу привет:

Из области, где нет тиранов,

Где вечен мир, где вечен свет,

Где нет ни бури, ни туманов.

Блажен и славен мой удел:

Свобода русскому народу

Могучим гласом я воспел,

Воспел и умер за свободу!

Счастливец, я запечател

Любовь к земле родимой кровью!

И ты — я знаю — пламенел

К отчине чистою любовью.

Грядущее твоим очам

Разоблачу я в утешенье...

Поверь: не жертвовал ты снам;

Надеждам будешь исполнен».

Он рек — и бестелесно рукой

Раздвинул стены, растворил затворы,

Воздвиг певца воссторженные взоры

И видит: на Руси святой

Свобода, счастье и покой!

Под стихом, в нынешних изданиях, стоят еще две строчки. Как бы вычеканенные из нерукотворного материала времени:

«1827

Шлиссельбургская крепость».

Человек среди людей

четвертому курсу Люська ничем не отличалась от однокурсниц: и юбку завела коротенькую (при матери Люська ее никогда не надевала — стеснялась), и брюки хоть мостовую подметай, и сапожки, в которых плотные ее ноги походили на две блестящие черные бутылки.

Смешно вспомнить, какая она приехала поступать в медучилище: тихая, скромная, слова лишнего на первых порах не вымолвила. В деревенской-то школе, кажется, не ходила в робких, председатель совета дружин — не шутка. А тут! Девочки все собирались городские — кто с матерью, кто с отцом, и только она, Люська, вовсе одна. Мать целыми днями в полевой бригаде, и хоть сердце-то болело, а все же сказала: «Поезжай, дочка, не пропадешь, сама разберешься».

Она и в самом деле не пропала. Девочки в группе оказались славные. На частной квартире промаялась всего год, на другой дали место в общежитии, и опять комната подобралась удачная. Ну, скорились, случалось, не без того, а общем, жили не тужили, бегали в клуб на танцы, в кино на два сеанса подряд, «телек» смотрели по вечерам.

Люська не просто привыкла к училищу. Она полюбила свою хрестяющую белый халат, кокетливую «докторскую» шапочку и даже то, что от нее всегда чуть пахло лекарствами («Карболик какой-то тянет», — ворчал Алексей). А на втором курсе при новой классной руководительнице (литераторшу Людмилу Аркадьевну назначили) жизнь пошла просто прекрасная и удивительная.

Людмила Аркадьевна была не из тех учительниц, о которых говорят, мол, своя в доску. Напротив, она жила в каком-то ином измерении, манила девочонок своей непохожестью на других, особым, недоступным им пока изяществом, нездешними, непривычными их слуху словами, оборотами речи. Ее даже чуть-чуть побаивались, на уроках сидели не дыша и, когда она приходила в общежитие, смущенно жались к стенкам с прикрепленными фотографиями киноактеров. Она вешала на крючок свое пальто, засовывала в руку беретик, поправляла и без того затянутые волосы... и начиналось чудо. Людмила Аркадьевна знала безумно стихов и читала их поразительно — не по-актерски, а так, как часто читают поrepidуциами и маленький магнитофон.

Девочки готовы были любые танцы, любое кино променять на эти вечера у стола, застланного потрескавшейся клеенкой, под сиротливо оголенной лампочкой на длинном шнуре. Впрочем, Людмила Аркадьевна и была постепенно преображала на свой лад. К какому-то празднику подарила гравюру — портрет Блока, потом принесла из дома абажур, а однажды пришла с мужем, длинным, застенчивым, в очках, и он приладил какие-то самодельные бра над каждой кроватью.

Постепенно они полюбили учительницу так, что жизни не мыслили без своей «Людочки». Ей исповедовались, ее призывали в третий суды, ее приговоры не подлежали обсуждению, немедленно обратят силу закона.

Вот в это-то самое время одна из девочонок вдруг, по общему мнению, зазналась, стала всеми командовать, подчеркивая при этом свою дружбу с воспитательницей обежчики Максимовой, которую все единодушно не могли терпеть. Татьяна и в самом деле из максимовского дома не вылезала, девочкам казалось, что все их «тайны» выносятся за стены комнаты. Назревала скора — они и посвятили во все перипетии Людмилу Аркадьевну.

Ну что ж. Людмила Аркадьевна пригласила к себе Татьяну. О чем они говорили, девочки не знали. Только видели, что после разговора Татьяна выскочила вся красная и побежала к Максимовой. А назавтра по училищу поползла безобразная сплетня: будто Людмила Аркадьевна обвинила Таню в том, что она, Таня, с мужем Максимовой... и еще бог знает в чем. Повторить невозможно.

Группа поднялась на дыбы. Людмила Аркадьевна и... тако? Да зачем, к чему? Татьяна явно сочинила весь разговор. Но опять-таки зачем? Все терялись в догадках. Максимова же тем написала заявление на имя директора училища: мол, так и так. Оскорблению нанесено не только ученица, но и ей, воспитательница.

И случилось нечто чудовищное. Экзамены на носу, а Людмила Аркадьевна увольняют за аморальное поведение.

Слова эти звучали в сочетании с ее именем кошмаром, фантастикой. Девочки бросились к директору. Анатолий Федорович встретил их строго. «Не только вам — и преподавателям объяснять не стану. Идите, девочки, ваше дело учиться. Учительница по литературе у вас будет, классная руководительница — тоже. Так что все в порядке. В порядке», — отрезал он.

СТОЙКИЙ ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Ирина ОВЧИННИКОВА

ОЛОВЯННЫЙ СОЛДАТИК

Легко сказать! Какой уж там порядок. Людмила Аркадьевна вся покривела, ходила с опухшими от слез глазами. Девчонки плакали вместе с ней, не оставляя ее ни на час. Все допытывались, какое такое «аморальное» поведение? ей приписывают. Наконец, она не выдержала. Оказалось, ее обвиняли в незаконной связи с женатым мужчиной. Девчонки взвились. Они не раз долгие вечера проводили в Людмиловом доме, ходили на лыжах вместе с ней и ее мужем, любясь их удивительно трогательной привязанностью друг к другу. Им ли было не знать: все ложь, клевета, мерзость. Не могло этого с их Людмилой быть, потому что не могло быть никогда.

Письмо в облздрав сочинили всей группой — Люська только первышком по бумаге видела. Сто тридцать человек подписали. Должны же в облздраве разобраться!

Как они ждали ответа! Каких только порогов не обивали! Наконец пришла в училище товарищ Дергачева. Руководящая, видно, женщина. Собрала группу — Люська прямо напряглась вся: сейчас все разъяснятся, и их Людмила Аркадьевна снова войдет в класс, и все станут на свое место. Но товарищ Дергачева спрашивала только про одного: кто писал? Других вопросов у нее не было. Все попытки девчонок повернуть разговор к сути дела ни к чему не привели. Люська сидела ошеломленная. Как же так? Ну, ладно, она писала, но ведь самое главное — правда. Люське нужна была правда, одна только правда, вся правда.

Девочки сами уговорили Людмилу Аркадьевну подать в суд.

— Все пойдем, — захлебывались они, — и все скажем.

Потом решили: всех не спросят. Отрядили пятерых в свидетели. Люська назвали первой.

Анатолий Федорович вызвал их в кабинет по одной.

— Вы у меня попляшете. Вы у меня с такими характеристиками уйдете — в тюрьму не примут.

Четверо сломались. Вечером в общежитии прятали друг от друга глаза. По утрам в классе еще хуже было. Держалась одна Люська. Она побледнела, похудела. Шуткали — каждый день Анатолий Федорович обрабатывал ее часа по три. Даже домой приглашал. И угрозами и лаской — всяко приступал. Вместе с завучем Тамарой Афанасьевной и один на один. По-разному уговаривал.

— Тебе что, Гликкина, больше всех надо? Да знаешь ли ты, в какую грязь лезешь — всю жизнь потом не отмоешься.

Люська то молчала, насупившись, то плакала. Только один раз сорвалась, в крик закричала:

— Да как же вам не стыдно? Вы же нам какие слова говорите на уроках, чему учите? Да разве так можно? Вы же сами знаете про Людмилу Аркадьевну — святая она, чище чистого. Да я ни есть, ни пить, ни спать — ничего не смогу, пока правды не добьюсь.

Анатолий Федорович только плечами пожал:

— Ненормальная ты, Гликкина. Не знаю, как жить будешь. Ну вот, пойдешь медсестрой работать, и не понравится тебе то, что главврач говорит или делает. Так ты, что ж, прымиком ему все и выложишь?

— А как же? — выкрикнула Люська. — Конечно, выложу.

— Ну, Гликкина, на себя пеньяй, если что. Я ведь как отец с собой. А пока пойди и подумай еще.

«Пойди и подумай». Так кончался каждый разговор. И Люська шла и думала. Она забросила уроки, не могла куска проглотить — все думала. Назавтра ее опять звали к Анатолию Федоровичу, она стояла перед ним, упрямо наклонив голову, и повторяла, что ничего не придумала.

Думала же она не о том, что вот будет суд и придется выйти перед всеми и отвечать на вопросы — ей ведь со всех сторон твердили: в твоем-то возрасте и на суд, да еще в таком деле свидетелем, постыдились бы. Нет, она знала, что правду не стыдно говорить в любом возрасте, и так отвечала всем. Ее мучило: ну, а другое-то как же? Неужели все такие, как Анатолий Федорович? Вдруг ее, правды-то... подумать страшно.

Суд был для Люсеки испытанием, каких еще не выпадало на ее коротеньку жизнь. Она, не отрываясь, смотрела на Людмилу Аркадьевну. Казалось, клубок сплетен, одна другой омерзительней, разматывалась, обивая ее с ног до головы. Своего голоса она не слышала, что говорила — не помнит. Перед глазами все мелькали строчки, которые она откуда-то выписала: «Говори правду, и тогда не надо будет ничего запоминать».

Суд восстановил Людмилу Аркадьевну на работе. Клевета была названа клеветой. Черное — черным, белое — белым! И хоть Людмила Аркадьевна прямо там же, в суде, написала заявление об уходе по собственному желанию. Люська чувствовала себя победительницей. Все в ней пело. «Ага, взяли? Есть она, правда-то, есть».

Но Люсека не была бы Люсекой, если бы ее удовлетворила роль единственной обладательницы правды. Ей нужно было,

чтобы правду знали все, чтобы добродетель торжествовала громко, во всеуслышание, а порок чтобы был посыпан тоже не потихоньку, а вслух.

Именно Люська придумала провести в группе комсомольское собрание, рассказать про суд, а Татьяну, как комсомолку, наказать по всей строгости. Девочки идею поддержали. Решили обойтись сами, но каким-то образом про собрание стало известно, и не успели они рассесться по местам, как явились директор, кто-то из области, секретарь комсомольской организации училища и председатель профкома. У вас в группе, говорят, обстановка сложилась нервозная. Вы не учитесь, а черт знает чем занимаетесь. Давайте разбирасться.

И пошло. Опять все про Людмилу Аркадьевну, и про то, что никто ее на работе не восстанавливал, и что человек она аморальный, а потому что никто не смел не только домой к ней ходить, но даже разговаривать. Люська вскочила с места, хоть ей никто слова не давал, и, задыхаясь, не поспевая вытират слезы, пыталась перекричать начальство.

— Да как вы можете? — надрывалась она. — Да ведь вы сами слышали! Людмила Аркадьевна хорошая, лучше всех. И суд признал... Слышите, девочки, суд признал.

— Садись, Гликкина, прекрати истерику и агитацию свою дурячку тоже, — рявкнул директор.

Но девочки уже взвинтились.

— Решение суда прочтите. Ре-ше-ниe, — скандировали они.

— Я вам сейчас покажу решение. Кончай базар. Ишь, развели тут...

— Тогда забирайте от нас вашу Татьяну. Не хотим мы с ней учиться, смотреть на нее, сидеть рядом не можем.

— А ну-ка, расходитесь по домам, — вдруг скомандовал директор.

И тут, словно из воздушных шариков вышел весь воздух, девчонки сразу как-то сникли, умолкли, стали поспешно складывать книги и, не глядя друг на друга, разошлись. В классе осталась одна Люська.

Она смотрела внизально высохшими глазами на взрослых в упор. Вцепившись в спинку стула, она готова была стоять так до последнего, как стояли герои ее любимых книжек.

— Слушай, — вдруг в наступившей тишине вымолвил представитель облздрава. — Слушай, сегодня ведь ты не сможешь спокойно разговаривать. Так что иди-ка выспись. А уж завтра мы с тобой все обсудим.

Он потрепал Люску по плечу и легонько подтолкнул к выходу.

Утром прямо с первого урока ее вызвали в директорский кабинет. Дядечка из облздрава сидел за столом Анатолия Федоровича.

— Ну, Гликкина, давай-ка расскажи нам про свою жизнь. Понять хочется, каким таким медом эта самая ваша Людмила Аркадьевна обмазана, что ты прямо на людей за нее кидаешься.

— Никаким не медом, — угрюмо возразила Люська. — И не я кидаюсь — на нее кидаются.

— Ну, ладно, ладно, не ворчи. Но все-таки за что же ты ее тащишь?

Люська подняла глаза. Всерьез ли спрашивают, или так? А что, если всерьез?

— Да она... знаете какая? — заторопилась она. — Я вот через десять учительниц прошла, а такой не было. Самая честная, самая твердая, самая добрая — вот она какая. И ее предадут!

— Так-так. — Дядечка покрутил в руках шариковую ручку. — Ну, а то, что она чужого мужа хотела из семьи увести, детей осиротить, тебя не смущает?

— Не знаю я этого, — вскипела опять Люська. — Не знаю и знать не хочу. И никто не знает, да если бы и знал, так судить не смеет.

— Ага, значит, все-таки ты допускаешь такую мысль? Анатолий Федорович, — обратился он к директору, — объясните девочке, чтоб не сомневалась.

— Не хочу я слушать, — зашлась Люська, — вы права не имеете. И суд доказал...

Зачем она только купилась? Зачем полезла в объяснения, слезы распустила? Нет, больше она слова не скажет. И лицо ее приобрело то выражение непроницаемости, которое еще маму когда-то выводило из себя.

— Так ты что, бунтовать вздумала, Гликкина? — повысил голос представитель облздрава. — Девчонок взваламутила, учиться никому не давай. Так вот знай, если не уймешься — для начала строгий выговор тебе вкатим, потом в другую группу переведем, а там и матери сообщим. Полюбуйтесь, выросло сокровище — поищите-ка для своей лапушки другое учебное заведение. Так что, милая, не берет тебя мытье, возьмем катанье.

Люська все выслушала. Что ж, сказала, если есть у вас на то право, переводите в другую группу. Только вы не образованные люди, а деспоты.

Всю ночь девчонки обсуждали Люсекину беду. Что делать? Опять писать, что ли?

— Не надо, девочки, — Люська засунула руки в карманы, посмотрела на всех, и соседкам ее почудилось, что она стала старше эдак лет на десять, — не надо без толку нервы трепать. Мне Алешка говорил и, видно, прав был: мол, брось ты, дуреха, комиссарские эти замашки.

Люська села на кровать, поджалла под себя ноги.

— Черт с ними. Не в своей группе — в чужой доучусь. Жалко, конечно. Ну да переживем. Скоро мы с Алешкой поженимся, уедем отсюда, все забудется. Ложитесь-ка, девчонки, спать: утро вечера мудренее.

Утром на первый же урок Анатолий Федорович пришел в группу.

— Гликкина, ты почему здесь? Забыла, что ли?

Тут девчонки опять зашумели.

— Я что сказал, Гликкина? Ну-ка, собирай манатки. А вы, — он обернулся к группе, — если не успокойтесь, всех раскидаю вот так же. Всю группу расформирую, так и знайте.

Он взял Люску за руки и вывел из кабинета.

— Так-то, милушка. Не верила? Ну, теперь хлебай лиха. Нечего было Жанну Д'Арк из себя коринить.

До экзамена оставалось два месяца... На выпускном вечере Анатолий Федорович произнес напутственную речь. Он ждал своим питомцам быть всегда принципиальными, справедливыми, беззаветно любить дело, которому они будут служить, и людей, которые доверят им свои жизни. Очень хорошая была речь.

Историю эту я не придумала — о ней рассказала в письме та, которую я назвала Люсекой. Теперь она уже не Люсека, а Людмила Ивановна: вышла замуж за того самого Алексея, что учил ее уму-разуму. Уехала с ним и живет далеко от того города, где училась. Уже два года работает фельдшером, довольна. Как видим, все в ее жизни изменилось: и обстоятельства времени и обстоятельства места. Ну, а образ действий? Он-то остался прежним? Или тоже подвергся изменениям?

Думаю, нет, не подвергся. Потому что Людмила Ивановна до сих пор задается вопросом: «Была ли я права тогда или наивнчайша по молодости лет?» Спрашивая так, она сама же в конце письма развивает свою тревогу: «Если бы тогда промолчала, я бы не чувствовала себя гражданином».

Согласитесь, что человек, который вкладывает в слово «гражданин» такое содержание, имеет полное право называть себя гражданином. Солдат оказался отнюдь не бумажным, в очень даже стойким.

Тогда, спросит читатель, из-за чего, собственно, шум, где горит? А дело в том, что нам надо всеми средствами бороться с такими горе-воспитателями, которые, провозглашая гражданские добродетели венцом всех педагогических усилий, в действительности отвращают воспитанников от стремления (кстати, присущего юности) говорить «на безупречном языке поступка».

Если мы хотим, чтобы гражданская зрелость наступала в свое время и не превращалась в пустой звук, прежде всего мы должны научить детей, подростков, юношей поднимать голос в защиту тех, кого они любят и уважают.

Но если мы позволим себе раз-другой отвратить юного человека от исполнения этой святой обязанности, если одернем, строго указав: не твоё, мол, дело, носом еще не вышел взрослых рассуживать, то не надо удивляться, когда, сам став взрослым, этот человек будет презренным «проходящим мимо», адептом философии невмешательства. Мы сделали его таким — с нас и спрос.

Школу гражданского поведения молодые люди проходят, что называется, с младых ногтей, постигая его правила и в пионерскую свою пору и еще более того в комсомоле. Вот почему и для самой бывшей Люсеки, хоть и оказалась она молодцом, и для меня, читавшей ее письмо, непонятно и странно то, что в той конфликтной истории среди завзятых молчунов оказалась и секретарь комитета комсомола училища. Ей-то уж по мандату долга было положено выступить в защиту справедливости.

Люсеке, в общем, повезло: весь предшествующий опыт ее коротенькой жизни восстал против пошлого опыта, про который поэт сказал, что это «ум глупцов». Восстал и победил. Однако можем ли, имеем ли мы право полагаться на случай, на везение? Разве не лучше было бы и для Люсеки и для всех нас, если бы вокруг не оказались люди, много людей, с которыми она по праву разделила бы радость победы?

Юбилеи 1975 года

КОМСОМОЛ ТУРКМЕНИИ
НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Амангельды ДУРДЫЕВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Туркмении

Когда из знамени комсомола Туркмении засияла высокая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени, — всех нас переполнило чувство огромного счастья и глубокой благодарности партии, Советскому правительству за высокую оценку наших дел. Орден Красного Знамени — это награда комсомолам Туркменистана всех поколений. Она вдохновляет нас на новые подвиги во имя социалистической Родины, во имя счастливого будущего.

Мы, комсомольцы семидесятых годов, приняли эстафету предавности делу партии из рук старших поколений. Каждое из них оставил яркий след в истории комсомола республики, всего Советского Туркменистана.

Сегодня, идя навстречу XXV съезду родной партии, комсомол республики обвязал себя ударным отрядом завершающего года штандартом. В комсомольских организациях все шире развертывается соревнование молодежи под девизом — «Пятилетка — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!». Комсомольцы считают для себя большой честью включиться в борьбу за право подписать рапорт Ленинского комсомола сыску партии.

Комсомолско-молодежная бригада конструкторов Ашхабадского завода «XX лет ТССР», возглавляемая П. Фирсовым, первой среди комсомольско-молодежных коллективов стала на трудовую выкату «XXV съезду КПСС — 25 ударных лекций!» Молодые рабочие обязались выполнить план 1975 года к 20 декабря, а к 24 февраля — завершить программу двух месяцев 1976 года, выпускать продукцию только отличного качества.

Этот почин нашел широкую поддержку в комсомольских организациях республики.

Центральный Комитет Коммунистической партии Туркмении, Совет Министров ТССР, Туркменский Совет профсоюзов и Центральный Комитет ЛКСМ Туркменистана обвязали республиканским гранито-литым соревнованием в честь XXV съезда КПСС.

В целях широкой гласности этого соревнования и распространения передового опыта учреждена книга-эстафета трудовых подвигов трудающих Туркменской ССР XXV съезду КПСС.

Мы уверены, что, встав на трудовую выкату в честь XXV съезда нашей партии, комсомольцы и молодежь республики еще раз продемонстрируют свою готовность быть всегда и во всем с партией Ленина, с партией коммунистов. Их ударный труд, отличная учеба станут достойным подарком предстоящему съезду, в книгу-эстафете трудовых подвигов будут внесены новые страницы славных комсомольских дел.

Более узко 50 лет комсомол Туркменистана имеет, трудится и борется под руководством великой партии коммунистов. Мы верны делу своих отцов, тех, кто создал и отстоял первое в мире социалистическое государство. Мы, как никогда, тесно сплочены вокруг родной партии и ее ленинского Центрального Комитета. Отмечая 50-летие комсомола Туркменистана, мы призываем во верность партии, своей социалистической Родине, советскому народу, великому делу строительства коммунизма!

МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Как разглядеть первые ростки творчества?

И как помочь становлению молодого художника? При ЦК ЛКСМ Туркменистана создана комиссия по работе с творческой молодежью. В ее составе — лауреаты премии комсомола, лучшие представители творческой молодежи республики. Эта комиссия организует поездки молодых художников, артистов, музыкантов по городам и районам республики, устраивает встречи с рабочей молодежью, ежегодно проводят различные выставки, художественные конкурсы, оказывает многообразную помощь выпускникам творческих вузов. Концертные бригады нередко выступают и в соседних республиках, на крупных стройках. В этом году, в частности, молодые туркменские артисты побывали на БАМе. Активно действует и постоянная агитбригада, участники которой — частые гости у рабочих и нефтяников, чабанов и хлопкоробов, пограничников и учащихся. Разумеется, все это лишь часть той огромной работы, которую ведет комсомол Туркменистана, выполняя наказ XVII съезда ВЛКСМ: «...постоянно совершенствовать работу с молодой творческой интеллигенцией».

Андрей БАТАШЕВ, специальный корреспондент «Смены».

МНОГОЗВУЧНЫЙ ДВОР

Фото Станислава КОРЫТНИКОВА и Сергея ПЕТРУХИНА

Бахши — так называют в Туркмении народных певцов, сказителей, музыкантов. В руках у башиб дутар — цилиндрический двухструнный инструмент со слабым и нежным звучанием...

Редкостен дар певца, редкостен дар артиста, способного создать мелодию, которая, отделившись от своего творца, вдруг поплынет над землей, заставляя людей жить возвышенными, очищающими страстями. Таким образом был наделен знаменитый Шукур-башиб (1881—1930 гг.).

Я вспоминаю кадры из фильма «Состязание». Медленно ступает скакун, а в седле башиб, у которого нет ничего, кроме бесконечного свитка мелодий... Шукур-башиб долго не был дома, а когда вернулся, узнал: его брата увезли в плен, в Иран. Туркменский хан предложил собрать войско и выступить в поход. Но потому, конечно, что ему так уж дорог был брат музыканта. Просто предоставлялась великолепная возможность пограбить иранские села под предлогом борьбы за справедливость.

Шукур-башиб понимал все это и знал, сколько крови прольется в этом походе, сколько детей останется сиротами...

Ткань долговечности тонка.
Что на людей надето — дым.
Их кровь, текущая с клинка, —
Скользящий без запрета дым.

Шукур представил себе плачущих детей и услышал колыбельную, может быть, ту, что когда-то пела ему мать...

— Народные мелодии, — рассказал мне композитор Аман Агаджиков, выданный в этом году на сокращение премии комсомола Туркмении, — берут свое начало

от стариных плачей и колыбельных. У нас очень развиты колыбельные...

Наверное, потому, думаю я, что в истории туркмен слишком много битв, слишком много кровавых походов. И когда не оставалось никакой защиты, матери пытались спасти, оградить детей от всех бед своей великой нежности, превратившейся в колыбельные...

Шукур отказался от предложения своего властелина. Он решил отправиться к иранскому хану один, взяв с собой не клинок, а дутар. Ему налегкоть было сказать об этом. Несравненно труднее, чем иным эстрадным звездам заявить: «Я спою и завоюю весь мир!» Хан судил артистов строже, чем жюри самого представительного международного конкурса. И мог тут же казнить башиба. За дерзость.

Но Шукур верил, что вдохновение придет к нему именно в тот миг, когда это будет необходимо. Потому что вся его жизнь была почти непрерывной цепью таких мгновений, когда он чувствовал, как вибрирует все его существо, отзываясь на голос родной земли...

Чтобы ощутить все это, мне было мало фильма. Я и познакомился в Ашхабаде с современным башибом — кандидатом филологических наук Даолетгельды Окдиревым, представленным на сокращение премии комсомола республики. Я просил рассказать его, как рождается песня, как возникает прихотливый, словно узор текинского ковра, рисунок дутарной мелодии.

— Когда я беру дутар и начинаю играть, — говорит Даолетгельды, — я думаю о родном селе, о родных и близких, о природе. Я вырос в долине Карагала, которая славится у нас своей красотой. И бывает, что вот так, задумавшись, ты забываешь о том, что играешь, хотя дутар и продолжает звучать под твоими пальцами. И вдруг замечаешь, что возник какой-то интерес-

¹ Махтумкули, «Дым».

ный музыкальный элемент. Постепенно я развиваю его. И со временем получается музыка.

У Шукура-бахши времени не было. Для начала его бросили в темницу. Но в конце концов отвели к хану. «Какое у тебя дело ко мне?» — спросил хан.

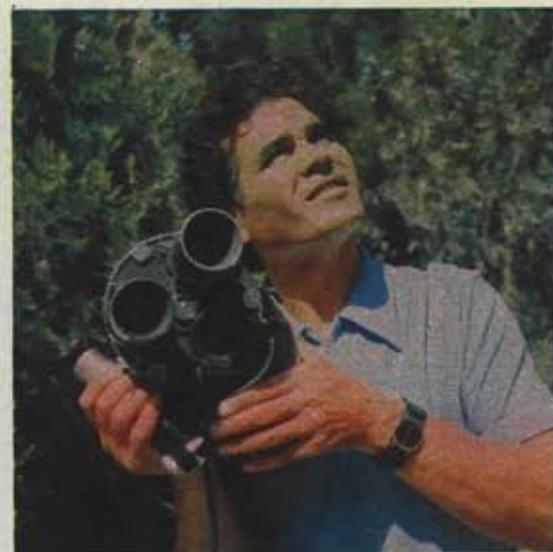
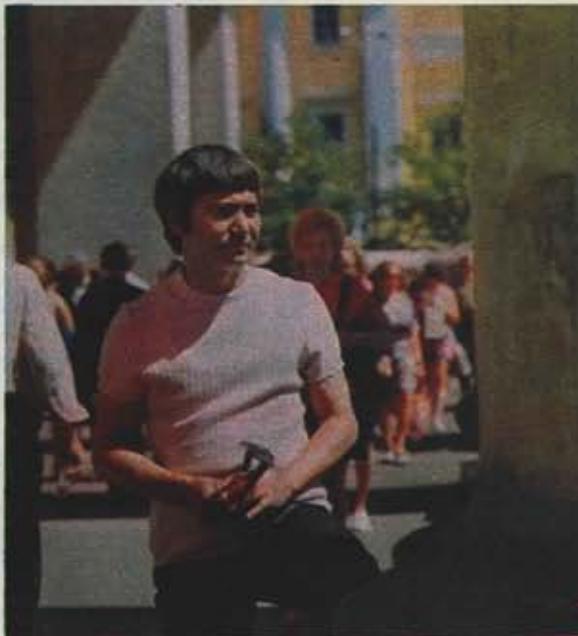
«Дело небольшое, хан-ага, — спокойно отвечал туркмен. — Я приехал сыграть тебе две-три песни, какие я знаю. — Он сделал небольшую паузу. — И еще, кроме того, в твоих руках находится мой родной брат. Я хотел бы увезти его отсюда. Вот и все. Других дел у меня нет».

Хана окружали отборные воины. Но и Шукур был не один. С ним был его дутар...

— У туркмен особое отношение к музыке, — объяснял мне Аман Агаджиков. — По народным поверьям музыка обладает целительной силой. Поэтому к больному ребенку, чтобы он скорее выздоровел, родители приглашали музыканта, — непрерывно петь и играть.

Шукур-бахши должен был победить нечто более страшное, чем болезнь. Он должен был одержать верх над самим злом в образе войны.

Уверенный в победе своего придворного музыканта, хан разрешил устроить состязание между своим бахши и туркменом. В игре придворного было только то, что поддается объективной оценке: высокий темп, чистота звука, точность орнаменталь-

КИНООПЕРАТОР МУРАД КУРБАНЛЫЧЕВ.
КОМПОЗИТОР АМАН АГАДЖИКОВ.

ЧАРЫ АМАНГЕЛЬДЫЕВ. «БАХШИ».

ного рисунка. Игра Шукура была иной. Для него словно не существовало ни хана, ни его приближенных. Был только он, артист, и было высокое небо. И в этот миг он ощущал себя и голосом родины и ее защитником. Да, Шукур-бахши был истинный народный певец, бессребренник и философ. Ничто — даже угроза смерти — не могло убить в нем музыку, потому что его человеческое достоинство, его честь артиста были сильнее страха смерти. И это ощущение дарило ему спокойствие, благороднуюдержанность, предшествующие творческому восторгу.

Долгое время ни один из музыкантов не уступал другому. Но вот наступил момент, когда по условиям состязания нужно было сыграть новую мелодию.

Что увидел в этот миг Шукур? Какой красотой, каким страданием был переполнен?

В этот счастливый и трагический миг совершился чудесный переход. Духовная энергия артиста стала мелодией, в которой отныне и навсегда будет жить он, Шукур-бахши. Поэтому его и не могла устрашить смерть, которой грозил ему ханский гнев.

...Исчез мое тело, словно
хвост, гори!
Буду я обжигать. Пожелавший согреться,
слов моих не бери:
Мое слово, как уголь, покривевший
снаружи, ярко-красный внутри².

Шукур выиграл состязание и освободил брата, остановив занесенные клинки, победив войну.

...Я слушаю Окдирова и думаю, что в его искусстве есть частичка души Шукура. Когда Окдиров прикасается к дутару, он тоже

забывает обо всем. И тогда кажется, что мелодия, которую он начал играть, зазвучала задолго до того, как музыкант прикоснулся к инструменту. И будет звучать после того, как артист отложит дутар в сторону. Только я ее не услышу... Бахши же может в считанные секунды внутренне сконцентрироваться и, услышав в тишине музыку, подарить ее всем.

— Я пою все время, — говорит он. — Иногда не замечаю этого. В автобусе еду и вдруг вижу: один человек с удивлением на меня смотрит. Только тут я понял, что пою.

Я не тороплюсь, не пытаюсь сочинить как можно больше песен. В год у меня одна — две получаются. Если подходящих слов нет, я жду...

Артист ждет того мгновения, когда вдруг соединятся все впечатления, все ритмы, и сам он с удивлением услышит новую песню, которую создал сейчас, сию секунду. Но для этого нужна вся жизнь, необходимы все мгновения ее, радостные и печальные, тюльпаны на склонах гор, запах родниковской воды и гранатов в Сумбарской долине, открытая доверчивость детей и величественная мудрость стариков...

Ни разума, ни глаз я не берег,
Желаниям препятствовать не мог,
И плачу я в сетях земных дорог.

А жизнь летит, как птица бьет крылами³.

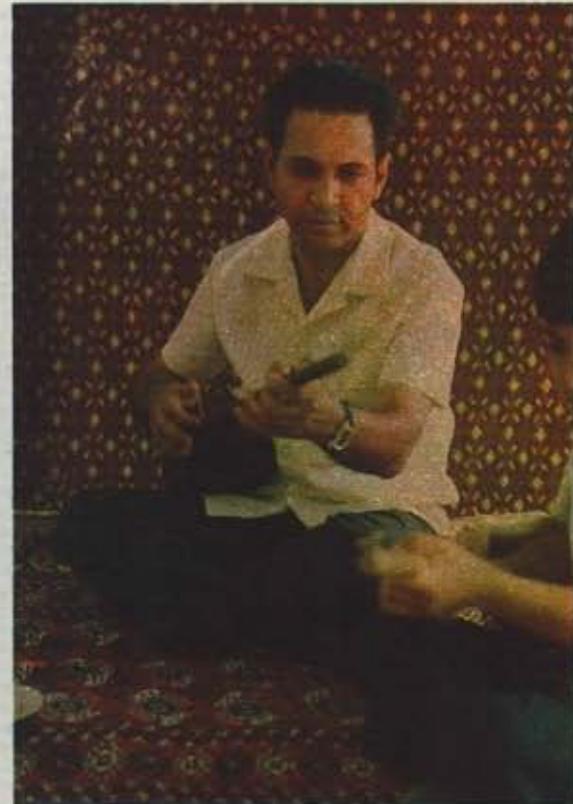
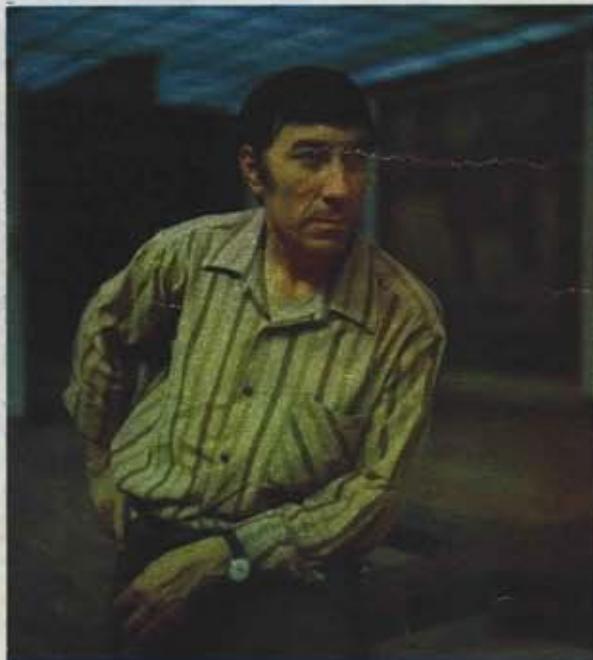
— У Кемине есть стихотворение «Твои локонь». — продолжает Довлетгельды. — Однажды яшел на работу и все повторял строки Кемине. И увидел девушку. Она шла передо мной, видимо, спешила, и у нее были такие же локонь, какие воспевал поэт. И вдруг мои шаги, ритм стихотворения, облик девушки — все совпало. И родилась песня. Я даже на работу (а работаю я в республиканском Институте усовершенствования учителей) опоздал. Ведь я не знаю нот, и, чтобы запомнить мелодию, я должен был несколько раз ее повторить. Я не знаю, как рассказать об этом, но в музыке должен еще обязательно чувствовать цвет. Зеленый, как склоны гор, красный, как тюльпаны...

Цвет. Я хотел увидеть мир таким же ярким, горящим красками, каким видел его Шукур-бахши, каким видит его Окдиров. Эти краски открылись мне в мастерской художника, лауреата премии комсомола Туркменистана Чары Амангельдыева. И первая же картина, которую он показал мне, называлась «Бахши».

³ Махтумкули, «Сердцу».

БАХШИ ДОВЛЕТГЕЛЬДЫ ОКДИРОВ.

ХУДОЖНИК ЧАРЫ АМАНГЕЛЬДЫЕВ.

² Махтумкули, «Не могу отличить».

— Я хотел написать известного нашего музыканта Оразгельды Ильясова,— рассказал художник.—Оразгельды прожил бурную, горячую жизнь. Пел он с трепетом...

Темное, разнообразно светящееся оттенками синего цвета небо, словно срез фантастического сочного плода. И под этим небом—бахши. Не дрогнут губы, не изменится взгляд—все духовные силы, все до капли, отдал он мелодии. Поэтому так странно неподвижно его лицо и так величаво спокойно...

— Я начал с музыки,—продолжает художник.—Прослушал все записи Ильясова, и мне стало яснее его образ. Брат Оразгельды Байрами—дутарист, и я ходил с ним на свадьбы, слушал, смотрел, делал эскизы. Музыка дает мне цветовой строй, колорит. В музыке есть темперамент. Я должен был исполнить свою картину так же, как Оразгельды исполнял свои произведения. Только тогда моя картина смогла бы вместить его образ. Вместить и выдержать.

Я долго думал, искал. Сделал быстро—загорелось надо... Сам он, бахши, всегда загорался, когда выходил на сцену.

— Когда Ильясов брал в руки дутар,—вспоминает Окдиров,—он другим становился. Смотришь—кто-то сильный идет на тебя. Как горный барс. А закончил песню, положил дутар—и будто исчез. Совсем маленький стал, простой... Как будто ничего не знает, ничего не умеет. Но присоединился к дутару—и преобразился.

— С музыкантом мне хорошо было,—говорит Чары Амангельдыев.—Представишь цвет, представишь музыку и можешь работать три дня. По чувству. Мне Оразгельды представлялся таким, как Шукур-бахши, как Сергей Есенин.

Шукур-бахши, Есенин... Амангельдыев говорил о той очарованности словом, музыкой, которая позволяет художнику, забыв о себе, увидеть услышать весь мир. Именно об этой способности истинного артиста рассказывала жена Роберта Бернса: «Я увидела, как он расхаживает по берегу, что-то мурлычет про себя. И вдруг он обернулся и стал читать мне вслух стихи, задыхаясь от счастья. Он читал очень громко, и слезы катились у него по лицу».

Я смотрю на бахши, изображенного Чары Амангельдыевым, и понимаю, что он тоже пел, «задыхаясь от счастья»...

— Каждый предмет должен быть весомым,—говорит Чары.—Цвет этим только и занимается—передачей материальности предмета. Цвета богаты колебаниями. Белый цвет гипса отличен от цвета белой лилии. Если разобраться в этих колебаниях—красиво можно написать. В природе и в музыке эти колебания тоньше, чем в живописи.

Чтобы достичь своей цели, художник должен соединить свою мысль с цветом.

— У каждого художника,—говорю я,—свои любимые цвета. У Сергея Есенина, например, это лимонный и синий... А какие цвета стали музыкой Шукур-бахши или Оразгельды Ильясова?

Вместо ответа Чары показывает мне коллекцию халатов, выполненных безвестными народными мастерами.

— Я раньше удивлялся,—говорит он,—почему у туркмен такие яркие, такие декоративные одеяния. Откуда столько красного цвета? Но отправьтесь весной в горы—они красные от цветов. Вот, можно различить, это маки, а это тюльпаны, только изображенные условно. Все взято из природы. Весной выйдешь в поле—там сияние этих красок.

Глядите, это красная гамма, это желтая... Это же картины! Нужно только разыграть на этом фоне свой театр, вписав своих персонажей...

Образы природы, преображаясь в сознании художника, становятся образами искусства. А потом эти изображения рождаются в нас, зрителях, цепочку ассоциаций. Нам легко представить и фантастические дворцы, и таинственные птицы и животных... И вполне возможно, что в бесчисленных этих, уже зрительских, образах промелькнут и те, первичные, которые когда-то вдохновили мастера. И получается, что орнамент связал жизнь прекрасного в действительности с новым и всякий раз современным восприятием человека, чуткого к красоте.

— Когда я смотрю на этот узор,—говорит Чары,—я слышу дутар. К каждой своей картине я могу найти музикальный сюжет. Уверен, что когда народные мастера создавали свои произведения, в их душе тоже звучала орнаментальная дутарная мелодия.

— Наша музыка, может быть, еще более орнаментальна, чем произведения декоративно-прикладного искусства,—говорил мне потом Аман Агаджиков.—Игра дутариста—тот же ковер. Он может четыре раза подряд исполнять вроде бы одну и ту же

фразу, каждый раз видоизменяя ее и находя новые краски.

Туркменские мелодии невозможны записать с абсолютной точностью, потому что между нотами тоже что-то есть... Такие характерные, плавные, скользящие подходы. Причем дутаристы, когда играют, иногда левой рукой немножечко тянут гриф назад. Изменяется натяжение струны и ее звучание. Народ очень чутко воспринимает и ценит такие новансы...

Аман Агаджиков тоже лет в шесть начал играть на дутаре. Затем—уже в музыкальной школе—играл на виолончели.

— Когда я тянул длинные ноты,—вспоминает Аман,—мне хотелось, чтобы, кроме виолончели, звучало еще что-то. Я играл и пел, воображая, что я—бахши... Получалось какое-то полифоническое сочетание. Я пытался записывать свои импровизации. Впоследствии из этих записей я сделал три небольших квартета. Они пригодились мне, когда я поступал в Московскую консерваторию по классу композиции...

Консерваторию Аман Агаджиков окончил с отличием. И сегодня он—известный в республике композитор, автор оперы «Сона», балета «Фирюза», симфонии «Память героев Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», множества других сочинений. Но в каждом его инструментальном произведении живет дутар, а в каждой песне, в каждой оперной арии слышится голос бахши...

— Нам очень дорога народная музыка,—говорит композитор.—Но мы хотим сделать ее более масштабной, полновзвучной. Мы должны использовать существующую гармонию, приблизив ее к дутарному звучанию. Мы стремимся создавать и новую гармонию, но исходя из потребностей народной музыки. Потому что песни бахши, искусство бахши ценится в народе, словно капли воды в пустыне...

Капля воды. Одна-единственная нота, слабая и нежная, но навсегда остающаяся в памяти...

— Мы снимали ленту «Песнь о воде»,—рассказывал мне кинооператор Мурат Курбанлычев, за цикл своих работ выдвинутый на премию комсомола.—Однажды я поднялся рано утром. Солнце уже появилось. И смотрю—воробей прилетел. Сел рядом с умывальником. Ждет, когда капля созреет и оборвется. И ловит ее на лету.

Я решил снять этот кадр крупно. Но только включил аппарат—воробей улетел. Тогда я сделал длинный шнур, перенес аккумуляторы в помещение, сам ушел. Стал пускать аппарат с помощью дистанционного управления. Вхолостую, чтобы привлечь воробья к шуму. Часа через три воробей понял, что ничего страшного здесь нет. Да и жажда замучила. И мы сняли метров шестьдесят. В фильм вошло 3—4 метра, но для меня это были, наверное, самые ценные метры...

Мурат рассказал мне и о другом эпизоде. Как создавался киносюжет о добье газа. Чтобы передать образ света и тепла, тащащегося в этом незримом ископаемом, все снимали сквозь пылающий факел.

— Факел держал режиссер Ходжберды Нарлиев. Жар в лицо, руки обжигают... Ну и температура в пустыне—градусов шестьдесят... Снимали дней двадцать. Людей, машины, буровые—все сквозь огонь...

Потом буровики говорили нам:

— Да, наша работа трудная, но и ваша не легче...

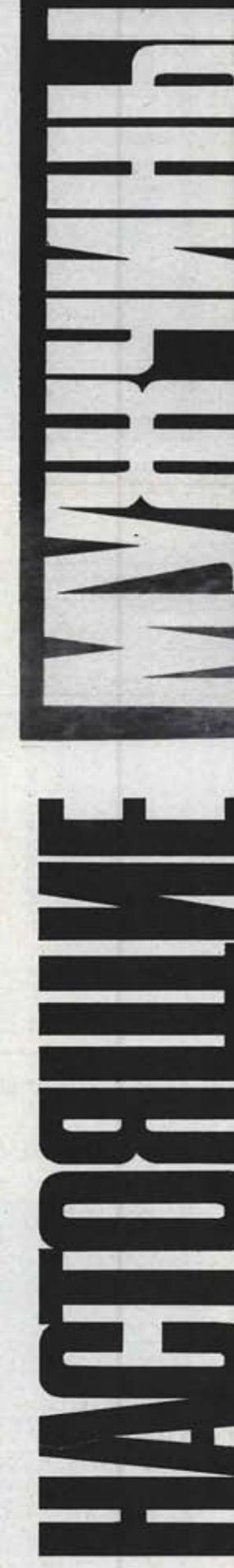
Этот факел, сквозь который авторы киносюжета увидели современную жизнь пустыни,—еще одна нота, жаркая, горячая, сияющая... Это тоже звучание дутара, но только в современном гармоническом изложении.

Две контрастные ноты. Всего две. Но чтобы услышать их, нужно обладать сердцем артиста, душою бахши.

Бахши... Это человек-искусство, человек-мелодия. И он обязан подарить слушателям то, чего они не смогут получить нигде. Ни за какие деньги. Обязан подарить им высокие чувства, облагораживающие эмоции. И он должен быть философом, человеком, который не заботится о собственном благополучии—ведь привязанность к материальным благам лишила бы его возможности жить чувствами и страстями героев любых времен.

Единственная ценность бахши—дутар... Туркмены говорят, что дутар лучше всего слушать на рассвете, когда вчерашние заботы уже исчезли, а сегодняшние еще не пришли, когда звучание дутара легко и естественно соединяет реальность и фантазию, прошлое и настояще...

И тогда, вслушиваясь в эту музыку, помогающую вспоминать и предчувствовать, понимаешь, что слабое и нежное звучание дутара пронизывает все туркменское искусство, сплетая все его виды в сложный и постоянно развивающийся узор...

Гарий НЕМЧЕНКО

жизни этого маленького городка бывает пора, когда на центральных улицах становятся видны заметно больше посторонних лиц с племянницами, увереными в крепкими, уверенными лицами. Занятые своими заботами, ты сперва и раз и другой невольно обернешься изо всех сторон, и только потом до тебя дойдет: самбисты!

Значит, опять приехали к нам и москвичи с ленинградцами и сибиряками, опять несколько дней тихий Майкоп будет жить, ожидаям жарких схваток, будет сворачивать до хрюкоты и строить прогнозы, а потом в переполненном до отказа зале пединститута раздастся удар гонга, и на коврах сядут ребята в белых, перептищих разноцветными поясами, холщовых куртках...

Надо хоть раз побывать в этом зале, чтобы представить себе болельщиков: и плотная, будто слившаяся воедино толпа юношей, таких решительных, словно каждый из них тоже готов в любую минуту покинуть на ковре; и убеленные сединами, с помолодевшими глазами мужчины; и стайка черноволосых девчонок—студенток, по ярко пылающим лицам которых можно определить не только предмет симпатии, но, кажется, даже срок будущей свадьбы; и старец в горской папахе, издалека приехавший посмотреть на успехи внука; и какой-нибудь толстощекий завсегдатай, поглядывающий вокруг себя с таким видом, как будто это исключительно ему все обязаны этим шумным праздником; и поднимающий крышу, раздвигавший стены крик—это в его честь; и сидящая у ног его на полу панчанка, завороженно следящая за каждым движением чемпиона; и тихая, в крестильном платке, с огрубевшими от работы руками женщина, которой, несмотря на всеобщую давку, нашлось почетное место в первом ряду,—его мама...

Среди всеобщего гомона, среди этих тугих хлопков тела после удачного броска, среди коротких судейских свистков неслышимым шагом иногда пройдет к ковру невысокий человек с внимательными глазами на кротком лице, присядет на низенькой скамеечке, наблюдает за схваткой, бывает, что-нибудь негромко подскажет, а то так и просидит молча, только уже после победы дружески улыбнется тому, ради кого пришел сюда. Опять почти незаметно пройдет по залу, и походка его при этом будет такая, словно он идет через комнату, в которой прилегли отдохнуть.

Не знаю, отчего мне всегда было любопытно исподволь наблюдать за этим человеком, и всегда мне почему-то казалось, будто

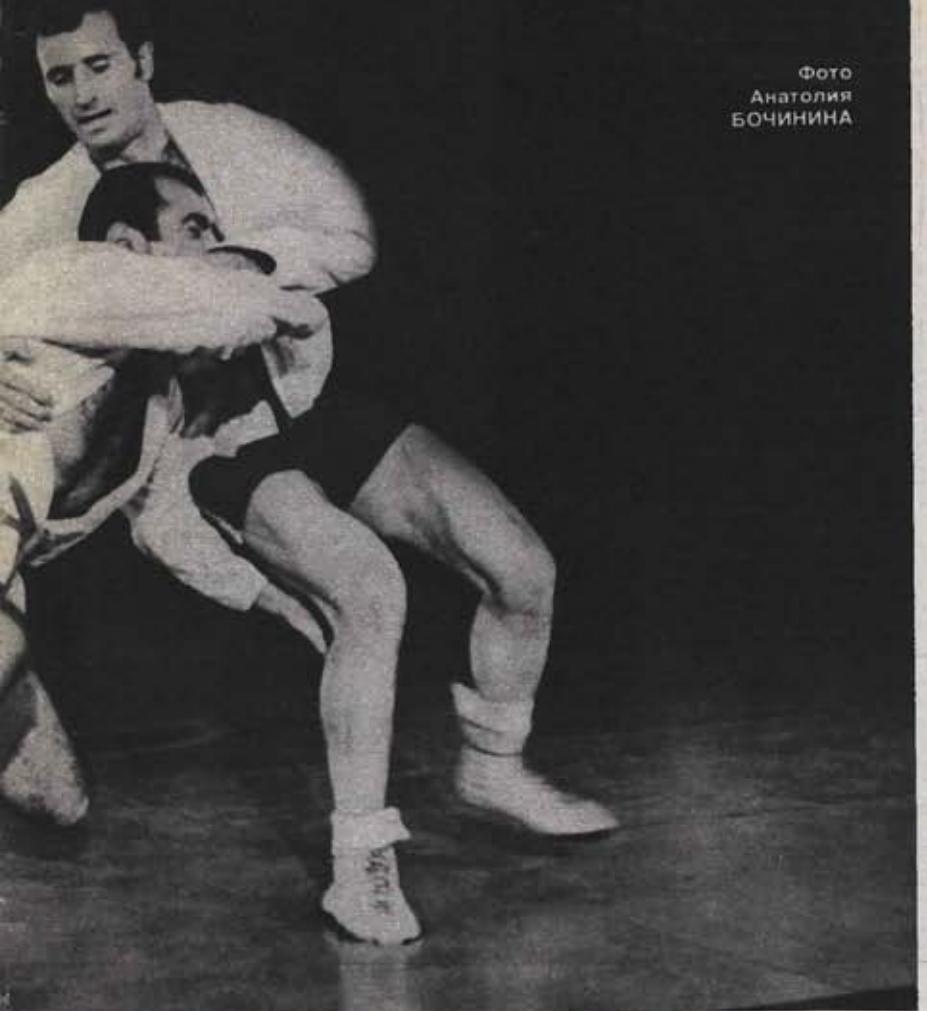

Фото
Анатолия
БОЧИНИНА

он, воспитавший здесь стольких ребятишек, и мени, сорокалетнего, может научить чему-то очень важному в жизни — то ли терпеливому спокойствию и упорству, то ли небрежному достоинству...

Чего там, мало ли тех, кто по собственной славе сохнет и, если люди не потеропятся, сам себе ее принимается тщательно устраивать, и бережет потом, и всячески холят...

Он же не гонялся за собственной славой, никогда было — работал. Слава нашла его сама.

Десять лет назад из Кипинева в родную Адыгею вернулся мастер спорта по самбо Якуб Коблев. Пошел работать ассистентом в местном педагогическом институте, а в свободное от занятий время на общественных началах стал вести секцию самбистов.

Об этом виде борьбы в ту пору знали в Майкопе немногие. «Самбо?.. Это руки-ноги ломать?» И молодому тренеру пришлось обойти не один двор, не в одну дверь, постучаться, не в один аул поехать, чтобы поручиться перед родителями: ничего плохого с их мальчиком не случится.

Зал был крохотный, шесть на восемь, в нем даже настенный борцовский ковер не помещался, и занятия приходилось вести в три-четыре смены. Здесь в семь утра начинал он свой рабочий день и здесь же в одиннадцать почти его заканчивал. Теперь под хорошее настроение насыщенные чемпионы, бывает, улыбаются наставнику: «Якуб Камболович, а помните?..» Тогда они, приди в зал, случалось, заставали своего тренера спящим и, стараясь не разбудить его, потихоньку начинали разминаться. Присядывали палец к губам и шикнули друг на друга, а он, свернувшись калачиком, пять или десять минут еще подремывал на уголке ковра и только потом, словно очнувшись, присподнимался: «Приступили? Следующее упражнение...»

Первым из воспитанников Коблева норму мастера спорта выполнил Гумер Костоков. Как говорится, лиха беда начало. Теперь в Майкопе около семидесяти мастеров. Пятеро из них — международного класса. Один имеет это звание по двум видам: по самбо и по дзю-до.

В вестибюле Адыгейского педагогического института висит большой стенд — «Наши чемпионы». И после сказанного выше можно, конечно, догадаться, что речь идет не о первенстве среди факультетов. Арамбий Ханай — чемпион мира по самбо семьдесят четвертого года. Гумер Костоков и Арамбий Емж — чемпионы европейского первенства в Мадриде. Владимир Невзоров — чемпион Европы семьдесят первого и семьдесят второго года по самбо и по дзю-до. Аристотель

Спиров — победитель спортивных состязаний на десятом Всемирном фестивале молодежи, серебряный призер первенства Европы по дзю-до и абсолютный чемпион Спартакиады народов РСФСР семьдесят пятого года. Владимир Гурий — чемпион СССР семьдесят четвертого года по дзю-до среди молодежи. Список этот, как в таких случаях говорится, можно продолжить.

В Майкопе теперь проводятся многие крупные соревнования. Сборная команда страны готовилась тут к проходившему в Тегеране чемпионату мира. Майкоп назван базой подготовки нашей олимпийской команды.

А что Коблев? Он теперь не только заслуженный тренер РСФСР, но и кандидат наук, доцент, декан открывшегося недавно в педагогическом институте факультета физоспорта. Это, так сказать, официальные данные. А послушать-ка все те легенды, которые ходят теперь вокруг его имени!

В шестьдесят пятом мама тридцатилетнего подростка Мини Рубанова, решившись наконец, твердой рукой написала записку: «Товарищ Якуб! Разрешаю своему сыну...» Два года назад Михаил, тоже мастер спорта, закончил физмат, но, верный своему наставнику, работать остался с Коблевым. Сейчас он заместитель декана факультета физоспорта.

Желая проверить одну из легенд, однажды я спросил его: а правду ли говорят — для того, чтобы повезти команду на первые соревнования, Коблеву пришлось продать собственную машину?

Высокий и на редкость широкоплечий, но еще с юношеским пушком на щеках заместитель декана на секунду задумался:

— Вообще-то он продал бы, Якуб Камболович. Если бы... она у него была. Теперь мы стали старше, и многое начинаешь понимать... Как он тогда одевался? Лишь бы чисто да выглажено. Зато если покупать чистое — всем ребятам, если идти в кино — всей командой. Думаете, не знаем, что это были деньги? Потому что какие тогда были командировочные — одни слезы.

Изинившись, и позволил себе спросить еще об одной вещи: этот здешний обычай, когда в ресторане уважаемому человеку посыпают через официанта коньяк или шампанское... Говорят, стоит Коблеву появиться за столиком, как тот через пять минут уже ломится от бутылок, но, когда тренер уходит, они так и остаются нетронутыми. Как же Якуб Камболович выходит из положения?

— А никак. Просто улыбается... Только за те десять лет, что мы его знаем, он не выпил, пожалуй, и двадцати граммов.

Подумайте о себе. Повторите прошлое. Припомните уже покрытые легкой дымкой забывания ошибки свои или неудачи... Разве никогда не хотелось вам иметь мудрого и надежного старшего друга? Разве не тосковали вы по наставнику и тогда, когда в пору было самому уже наставлять молодых?

А теперь представьте себе этих вчерашних мальчишек, этих юношей, этих молодых мужчин, с каждым из которых он готов разделить и горечи и радости, каждого из которых готов, чем только может, поддержать в трудную минуту. Он научил их не только броскам и подсечкам, не только приемам борьбы, но и чему-то куда более важному и достойному — может, оттого-то ему во время схватки бывает достаточно просто тихонько посидеть рядом с ковром?

Здесь же во время всероссийских соревнований и видел тренера, проводившего подростка-неудачника, на которого только что возлагал надежды, с ковра звонкой затрещиной... И видел другого, который во всю излановскую орал во время схватки: «Труп! Ты у меня больше не занимаешься! Домой пешком пойдешь — все!»

Самбисты-майкопчане, приехавшие с соревнований в Подмосковье, рассказывали, как их подвел чужой тренер. Сказал в электричке, что взял билеты на всех, а после, когда с двух сторон понялись контролеры, потихоньку встал, показал один-единственный, быстро вышел в тамбур и, когда полвагона спортивменов виновато оправдывались, только поглядывал иногда из-за двери.

У здешних ребят это в голове не укладывалось: «Да разве мог бы такое Якуб?!

Никого из них он ни разу не обманул. Никого не подвел. И они отвечают ему такой же преданностью — не случалось еще, чтобы кто-то из майкопчан польстился на иногородние посулы. А разве их не было?

Из Майкопа уезжают только в двух случаях: или учиться, или служить в армии.

Как-то недавно и заглянул в спортзал института. У борцов шли занятия. Мальчишки, которых он когда-то кормил мороженым и многие из которых объехали уже полсвета, покоряя всеми мужеством своим и мастерством, бывшие эти мальчишки сидели вокруг него на ковре. Тренер говорил совсем тихо, почти неслышно, и я вдруг поймал себя на том, что подумал: никогда, может быть, не слышал я такой деловой и вместе с тем такой почтительной тишиной...

Два или три года назад на всесоюзных соревнованиях ребята указали мне на одного из судей: «Учитель Якуба!» В перерыве мы разговаривали, и Андрей Андреевич Дога, тренер сборной Молдавии, сказал: «Одним словомничай характер, конечно, не определишь, но, если бы пришлось выбирать, я бы у Якуба такое главное качество назвал: самоуверженность... Понимаете, всегда — полная отдача». А в другой раз на правах болельщика и заговорил с Генриком Карловичем Шульцем, бывшим шестикратным чемпионом страны по самбо, а теперь одним из наставников нашей сборной. Речь зашла о Володе Невзорове, и Шульц улыбнулся: «На соревнованиях говорят: ты на тренировке все не выкладывай, кое-что про себя придержи. А он забудется и опять давай на всю катушку... Такая школа!»

Может быть, именно потому, что сам наставник имеет на то моральное право, в школе этой нет места тому, что мы называем серединкой на половине, каждая тренировка тут — самая важная. Михаил Рубанов рассказывал: «Общеизвестно ведь какая штука — полночи с ребятами проговоришь, а на тренировке потом как вареный. Чувствуешь, что не в полную силу работаешь, на Якуба Камболовича глянешь, и он уже как будто ждет, чтобы ты на него посмотрел. Потом в конце занятий: все свободны, а ты остаешься еще на полчаса. Тут-то с тебя положенные семь потов и сойдут...» Другой раз попросили: что-то и не в форме — можно сегодня просто на стадионе побегать? Можно. Снова обратишься с такой же просьбой, а он: вообще-то и уже говорил с тренером по легкой атлетике, он возьмет тебя...

Из секции здесь отчисляют только за пропуски. Все остальное считается поправимым — лишь бы ты любил спорт и жил одними заботами с коллективом.

Не надо думать, конечно, что у самбистов всегда все хорошо. Случаются тут «что». И есть тут свои «трудные дети» — все, как везде. Вот только подход к проблемам воспитания особый. Бывает, все испробовано, остается только навсегда вычеркнуть парня из спортивной секции, но здесь как крайняя мера применяется такой вариант — вызывает человека декан, протягивает начку денег: «Здесь ровно восемьсот. Повезешь ребят в Киев. Будешь за старшего...»

И из Киева или, предположим, из Краснодаря возвращается уже другой человек, и его победа над собой считается, может быть, самой важной из всех тех, с какими вернулась команда в родной город.

Бывает, где-нибудь на шумной улице, на вокзале или в аэропорту увидишь шагающих вразвалочку, с громкими голосами и развязными жестами молодых людей, весь вид которых подскажет тебе: спортсмены команды. Воспитанники Коблева тоже отличаются в tolke, но только по приметам совершенно противоположным. Там, где появляются эти ребята, сразу устанавливается какая-то удивительная атмосфера. Не знаю, в чем тут дело, но от каждого из них словно исходит свет особенного, юношеского достоинства.

Нравственный авторитет самбистов неподвижный. Приходит к тренеру женщина с лицом растерянным и печальным, начинает рассказывать о собственном сыне: «Уже и милицию просила что-нибудь сделать и где только не была — теперь надежда только на вас...» И по дворам теперь не надо ходить. От родителей, которые доверительно просят тренера сделать из сына «настоящего мужчины», нет отбоя.

В Майкопе нынче работает детская спортивная школа по самбо, и филиалы ее созданы не только в аулах, но и за пределами Адыгеи: в Хадыженске, в Усть-Лабинске. Нередко в гости к своим подшефным приезжают майкопчане, или аульские ребята отправляются в Майкоп. А два последних дня каждого месяца и первый день очередного здесь проходит тренерский совет — на нем учатся друг у друга сами наставники, молодые воспитанники Коблева.

Не стану скрывать своих симпатий к майкопским самбистам, верным болельщиком которых я сделался сразу же, стоило мне впервые прийти в зал. Но, когда в городе начались соревнования, когда сюда приезжали ребята из Сибири, душа моя разрывалась надвое, подбадривать я принимался сибиряков и потом, когда они честенько проигрывали. Невольно мне становилось обидно за Сибирь, за этот громадный край с его миллионными городами, с тяжелыми селами: неужели там перевелись нынче болельщики?

Стараясь докопаться до истины, не раз и две беседовал с сибирскими тренерами, многие из которых во время пребывания в Майкопе старались как можно больше разузнать о школе Коблева и кое-чему здесь научиться.

— Конечно, все так, — сказал мне один из сибиряков. — И бороться в аулах начинают чуть ли не с трех лет, а теперь, когда появились Якуб и, того, небось, раньше... И тренер он, конечно, не только выдающийся, но, посмею сказать, гениальный — это нам всем еще предстоит открыть. Все так. Но, знаете, если бы председатель нашего облисполкома сделал для самбистов хотя бы половину того, что здесь для ребят в пединституте делает ректор!

Легкового автомобиля у Коблева в шестьдесят пятом году и верно не было. Зато рядом с ним были люди, которым так же, как и ему самому, было чуждо равнодушие. Ректор пединститута Александр Корохович Ячков и помогал найти средства для первых поездок и сколько сил вложил потом в строительство спортивного зала — того самого, в который съезжаются нынче не только со всех концов страны, но и из-за рубежа! Совсем недавно здесь принимали иностранных мастеров дзю-до и самбо. И сборная России, составленная исключительно из майкопчан, не подвела: соревнования по самбо закончились вничью, а по дзю-до из восьми схваток гостям удалось выиграть только одну.

— Конечно, мы слышали о борцах из нашего города, — сказал на прощание тренер японец Виктор Кога. — Но то, что здесь увидели, превзошло все наши ожидания... Но, погодите, в следующем году мы привезем другую команду!

Недавно в Японии с ответным визитом побывали советские самбисты, и среди них — несколько майкопчан. Тренер их нынче тоже за рулем: в Мадриде помогает готовиться к Олимпийским играм испанской сборной по самбо.

Наверное, Александр Корохович Ячков имел полное право подумать, что в успехах майкопских самбистов и их тренера есть доля его участия. Но от меценатства этот человек очень далек. Говорят, будто ему принадлежит слово: «Если бы Коблев занимался не самбо, а, предположим, лыжами или конным спортом, если бы он вообще был специалистом другого профиля — он нашел бы у руководства института точно такую поддержку, потому что нельзя не помочь человеку, который так беззаветно предан своему делу...»

Прекрасная эта штука — когда самоуважение бывает оценено по достоинству!

...Стихает шум в спортзале пединститута. Разъезжаются по домам крепкие ребята — рослые здоровяки, косая сажень в плечах. Но самые мужественные и самые сильные остаются в Майкопе: их дом — этот маленький город.

Юбилеи 1975 года

КОМСОМОЛ КИРГИЗИИ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Алмаз РЫСМЕНДИЕВ,
первый секретарь ЦК ЛКСМ Киргизии

Мысленно оглядывая путь, пройденный за полвека, мы с гордостью говорим, что с первых дней своего существования комсомол Киргизии был боевым актиком нашей молодежи, надежным резервом и помощником партии. Через годы, через все трудности и испытания он пронес непоколебимую преданность революции, идеалам коммунизма.

Сотни тысяч киргизов прошли школу Ленинского комсомола, получили, работая в нем, идеальную и трудовую закалку. Они боролись с контрреволюцией, строили, мечтали, сподали последний вздох на стенах Москвы и Сталитграда в годы Великой Отечественной. Многие из них не дожили до следующего радостного дня. Имена их, известных и безымянных героев, живут и будут жить в нас вечно.

Магнами Туреуна — создатели революции, боец за установление Советской власти в Киргизии, комсомолец, на плах смерти храбрых в жестоких боях с басмачами. Еркүн Салманов — нестижимый боец за коммунизм, социалистическую деревню. В свои неполные 20 лет комсомолка была зверски убита разоблаченными ею кудаками. Панфиловцы Дубашенул Шопоков и Чолпонбай Тузебердин, повторяющий подвиг Александра Матросова — Героя Советского Союза, отдавшие свои жизни в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Владимир Буслаев — комсомолец, транспортируя нашинопытательной станции Кантского района республики, погиб при испытании новой техники.

Все они и сегодня на правом фланге ударного строительства, в нашем многочисленном строю.

Отмечая день рождения Ленинского комсомола, мы с радостью видим, что спиралью всех комсомольских поколений находит свое живое продолжение в делах комсомольцев и молодежи 70-х годов, наших современников. На высокогорных джайлоо и в долинах Киргизии молодежь водит открытым, растущим клубом, на заводах и фабриках ее руками выпускаются точные станки, ткани всех цветов радуги, добывается в шахтах уголь. Примеры трудовой любви показывают молодые труженики Токтогульской ГЭС и Фрунзенской ТЭЦ, Киргизского камвольно-суконного и Ошского текстильного комбинатов, Фрунзенского автосборочного и Кантского цементно-шиферного заводов.

Зыгает их спиртное — активных участников движения «Пятилетка — ударный труд, мастерство и поиск молодых!» работают под девизами «За себя и за того парня», «В труде как в бою!», «Все для трудовой победы». Эти призыва и сегодня звучат так же по-боевому, как и для первых пятилеток и военных лет. Надежда Алиева, Миннегали Сабиров, Николай Онисиенко, Мухамед Садыков, Анатолий Андреев, Анна Бек-

турсунова, Петр Якухин, Александр Марозов, Алибек Токиев — на них равняется молодежь.

Одним из главных направлений трудовой инициативы является борьба за отечественные качества продукции, за повышение производительности труда, широкое внедрение достижений научно-технического прогресса. Только в 1974 году в производство внедрено 4500 предложений молодых рационализаторов и изобретателей, в результате получено экономический эффект 6,5 миллиона рублей.

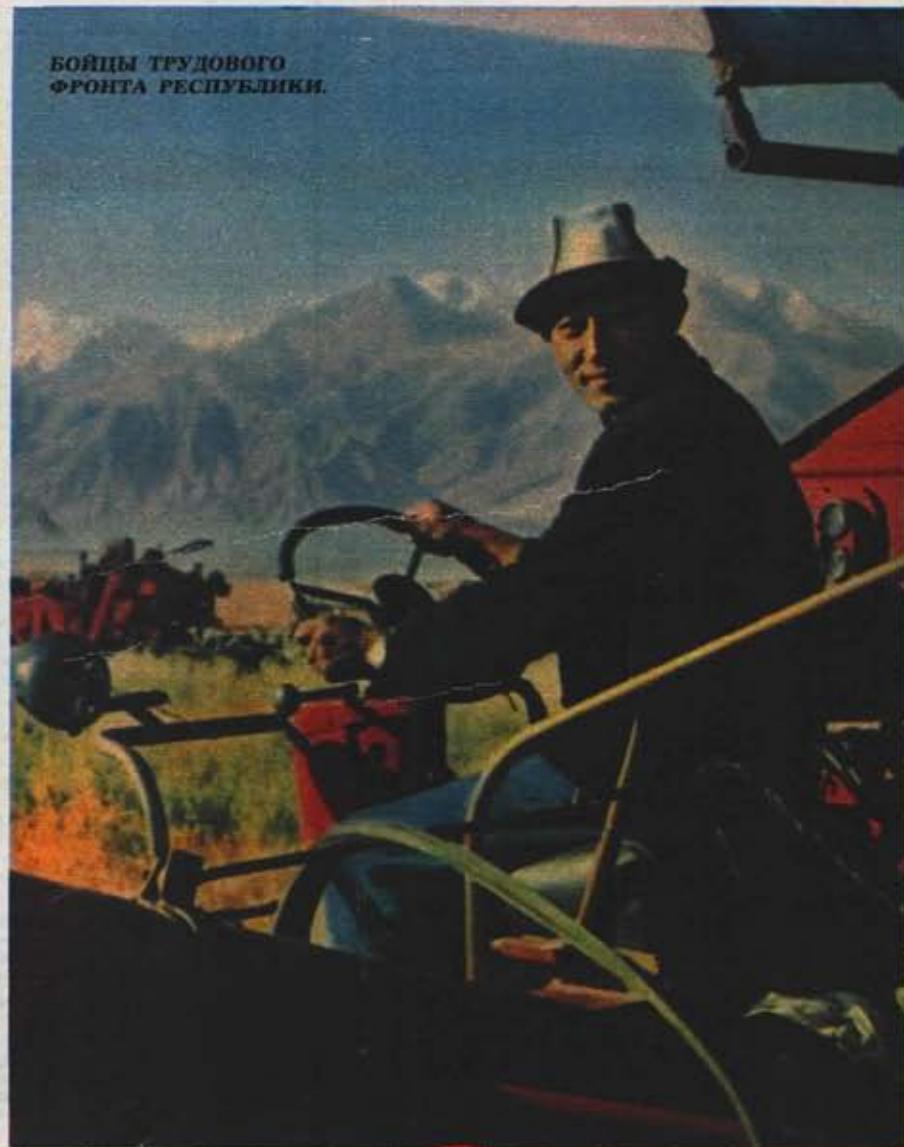
Предметом постоянной заботы комсомола стало нефть под сооружением Токтогульской ГЭС. Коллектив Всесоюзной ударной — это в большинстве своем молодежь, представители 40 национальностей нашей страны. И again, испытанные турбинами Токтогула, — это прядильный газета в честь их драматического и самоотверженного труда.

Таков сегодняшний трудовой день комсомольцев и молодежи республики, который весомо влияет в общий большой день нашей необъятной Родины.

Глубоко изволил сказать юношей в девушки республики высокая оценка, данная Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым деятельности молодых и юные комсомольцы г. Москвы — победителям социалистического соревнования: «Партия высоко ценит трудовой энтузиазм советской молодежи, видит в Ленинском комсомоле свой боевой резерв и надежную силу». В этих словах черпают вдохновение и комсомольцы Киргизии. Более 9 тысяч молодых производственников республики выполнили задания демонстрации пятилетки, 314 лучших юношей и девушек завоевали право сфотографироваться у святыни нашего народа — Знамени Победы.

В созидательном труде время летит особенно быстро. В мае этого года комсомол Киргизии отпраздновал свое 50-летие, ему была вручена высшая награда Родины — орден Трудового Красного Знамени, а сегодня молодые передовики промышленности в сельском хозяйстве, пелаге комсомольско-молодежные бригады, ясли, ясли, ясли и предшкольную науку, величавые в широке развернувшееся по всей стране движение под девизом «Пятилетие — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу». Все помыслы молодых направлены на то, чтобы завоевать право подписать рапорт Ленинскому комсомолу XXV съезду партии.

У истоков Ленинского комсомола стоит великий Ленин. Комсомольцы всей молодежи четырежды орденоносного Киргизстана своим трудом доказывают верность ленинским заветам, преданность Коммунистической партии.

БОЙЦЫ ТРУДОВОГО
ФРОНТА РЕСПУБЛИКИ.

Алим БАБЕТОВ

...С КАЖДЫМ ГОДОМ МНЕ МИЛЕЙ МОЯ ЗЕМЛЯ"

ЦАРИЦА ПРАЗДНИКА

Так ее называл отец. Ведь дочка родилась 7 ноября. Поначалу сомневался: слишком, может, возвышенно? Но в аиле одобрили. Хорошее совпадение — родиться в такой праздник. Дочка подрастала, и отец уже не сомневался, а радовался столь удачно выбранному имени. Майрам — праздник, кан — царица.

И праздники начались для нее со сказок...

Отец удивлялся: ну, сколько ей можно рассказывать их! Все, какие знал, пересказал, а дочка требует еще и еще. И Абылкасым-ата стал выдумывать свои сказки. О добре и зле. Но больше о добре. Во всех выдуманных сказках он, сельский учитель, утверждал: добро побеждает зло. Отец видел, взволнованные, широко раскрытые глаза Майрамкан и вдохновлялся. Он импровизировал, вплетая в свои сказки народные легенды, сказания.

Поутру, по росе, когда аил, притягивающий к красным горам, еще не освободился от ночной дремоты, босоногая девочка бежала на дальний лужок: встретиться со вчерашними героями сказок. Ягненка звала братом Иванушкой.

На берегу речки Майрамкан ждала появление волшебной феи. А она все не выходила. Только первые лучи солнца плескались в красноватой воде. Но девочка верила: фея покажется — и бежала по лужайке, пугая лазоревок, пеночек. Сколько радости дарило ей майское утро! Девочка возвращалась с лужайки домой — в глазах неуемная, будоражащая радость. А у дома почему-то дядя хмурые, тети плачут...

Мама умерла... Мама, у которой «пальцы ее — десять солнечных нежных лучей».

Светлых сказок не стало. Повзрослая девочка. Необыкновенно горе скжalo плечи. Отец успокаивал, как мог. Вместо сказок родились маленькие трагедии. Девочка их воспринимала, как боль. И постепенно образная трагедийность вытеснила реальную, житейскую.

О СВОЕМ ДЕТСТВЕ МАЙРАМКАН СКАЗАЛА:

Несмышленой меня захватила беда,
И от птиц ожидала я весточки с фронта.
Я же видела — птицы летели туда,
За черту горизонта.
Вслед за мной, босоногой, на дальний лужок
Мчался тощий ягненок, кудрявый дружок,
А в нетопленом классе худыми руками
Мы писали, волнуясь, диктанты о том,
Как отцы наши боятся с коварным врагом,
Как хранят пионеры спасенное знамя...

Мы любили цветы, мы очень любили цветы,
Но сажали тогда не цветы, а картошку...

В школу Майрамкан пошла, наизусту зная несколько отрывков из «Манаса».

Первое стихотворение — сатирическое — написала по поводу... Мальчик-одноклассник пропустил уроки. Есть у киргизов традиция: когда ребенок сделал первые шаги — это праздник. Его должностным образом отмечают. Так вот, мальчик, у которого братишка сделал первые шаги, по этому поводу и прогулял. Майрамкан высмеяла его. И долго-долго потом переживала... Потому что мальчик обиделся и не разговаривал с нею.

Вот с тех детских пор человек научился переживать и сопреживать.

О ЮНОСТИ ОНА СКАЗАЛА:

Алела земляника на откосах,
Склонялись над смородиной утесы,
А я рвала тюльпаны, чтобы их
Вплетать в свои свисающие косы.
Ах, травы,
Что успели в пух одеться!
Ах, пики гор, вознесшиеся дерзко!
Весной вы снова маните меня,
Как воплощение скрывшегося детства.

ГИМН ЛЮБВИ

Стройная, с косичками вразлет, покидала родной аил царица праздника. Чтобы продолжать свой праздник. Чтобы начинать свое будущее. Чтобы любить и творить, дерзать и мучиться.

Фрунзе — море людей, зданий, парков.

— Я поведу тебя по городу, — сказал ей юноша. — Я покажу тебе город-сад и подарю его тебе. Ты согласна?

Сколько цветов этой весны!
Сколько тюльпанов желтых и красных!
Сколько травы этой весны!
Щедрые грозы прошли не напрасно!

Смотрите — трава блестит под дождем!
А сколько в каждой улыбке привета!
Кажется, мир — сегодня рожден...
Смотрите, смотрите, как много света!

А чтобы воспринять все это, надо иметь широко распахнутое сердце. Такое, как у Майрамкан. «Несчастен человек, перед которым вход в красоту закроется навек».

В вестибюле пединститута — объявление: «Всем! Всем! Всем! В компнате № 36 вы можете записаться в литературный кружок. Вас ждут встречи с Аалы Токомбаевым, Темиркулом Уметалиевым, Кубанычбеком Маликовым, Абдырасулом Токтомышевым, Суонбаем Эралиевым, Касымали Балыгиновым и другими». Записывайтесь у Майрамкан Абылкасымовой...

Не ожидала Майрамкан, что столько желающих будет. Спорили. Радовались и опять спорили. А главное, много читали. Это было одним из требований к кружковцам.

«Шоопла» в переводе на русский — светильник. Так называли свой кружок энтузиасты. Ну, а светильник должен светить. Приглашались именные поэты, писатели, музыканты, певцы. Выпускалась огромная стенгазета. Майрамкан писала переводчики, рисовала карикатуры, придумывала веселые шутки. И еще писала стихи.

И шла я, миллионы следов оставляя
На пыльных асфальтах струящихся улиц.
Чего я искала, покоя не знаю?
О мама, ты бы видела, как подросла я!
Теперь я уже со смущением скрытым
Иду и поглядываю на джигитов,
В глазах отражая их гордые лица.

Ну, конечно же, юная душа была переполнена. И все, что в ней копилось, не могло, никак не могло оставаться внутри. Оно должно было вырваться наружу. И оно вырвалось. Стихи Майрамкан публикуют газеты, журналы.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СВАДЬБА

Мой джигит, моя опора,
твой платочек мною вышит.
Дай к твоей груди прижаться,
нежной лаской обогрей.
Видишь, как сияют горы,
как на них тюльпаны пышут?
Крепче, крепче стисни пальцы,
силой поделись своей.

О ЗРЕЛОСТИ МАЙРАМКАН СКАЗАЛА:

Отчизне, всей душой ее любя,
Я отдавала мужество и силы.
Мечтаю, солнцем маленьким взойдя,
Светить с вершинами своему аилу.
Чтоб каждый день мой, что пришел на свет,
В котором все — и радости, и беды.
Усталости неизгладимый след —
Был днем моей, хоть маленькой, победы.

У молодой киргизской поэтессы Майрамкан Абылкасымовой вышло уже семь поэтических сборников. Два из них переведены на русский язык. За сборник стихов «Веру в сердце храню» и поэмы «Отчизна это знает», «Памятник немолчит» Майрамкан Абылкасымова удостоена премии Ленинского комсомола.

ЗА ЗВЕЗДОЙ ЗВЕЗДА

Трудно писать о поэзии. И я не случайно часто обращаюсь к ее стихам. Это ее самовыражение. Ее понимание самой сути жизни. В стихах — она вся. Иначе и не может быть. Строки не пишутся, они льются из души. И нет такой силы, чтобы их сдержать.

Есть такое счастливое совпадение: и на виду и в себе — одно целое. На виду — ее стихи. В себе — их истини.

Идет по улицам Фрунзе молодая женщина. Элегантная, подтянутая, а в глазах... детство.

Сегодня гранил вдруг весенний дождь.
Покой земли он радостно нарушил.
И никуда от вихря не уйдешь —
Ворвался в душу.
Опять всем сердцем чувствую весну,
Опять стянула я оцепенение...
Но снова слышу грустную весну
И гулкое сердцебиение.
Хочу услышать запахи полей
И жаворонков золотые трели,
Хочу я стать немного посмелей,
Хочу побить в апреле...

После встреч с поэтессой я по-новому начинаю воспринимать окружающее. Такие встречи дарят нам счастливые минуты бытия. Вспоминаю свою мать. Помните: «Пальцы ее — десять солнечных нежных лучей». Читаете стихи Майрамкан и... узнаешь себя, своих близких, друзей, сегодняшний день.

Представьте себе Майрамкан на официальных приемах в Москве, Киеве, Софии, Вене, Улан-Баторе, Будапеште. Страгая, взыскательная. И представьте — в своем родном аиле, среди детишек, женщин. Она одинакова.

Член ревизионной комиссии Союза писателей СССР, член клубов творческой молодежи Болгария — СССР, Монголия — СССР, член республиканского Совета женщин. Коммунист с 1970 года.

Работает в журнале «Ала-Тоо». Сколько молодых приходит к ней! И она всем помогает, советует. Ведь когда-то ей тоже помогали, советовали. Да и сейчас она учится у народных аயыков, писателей. Любит Ольгу Бергтолц, Мустая Карима, Анну Ахматову, Александра Твардовского, Кайсына Кулиева... Всех не перечислишь. Дома полки заполнены книгами.

Есть такой талант — делать добро людям. Не щадя себя. Майрамкан — такая. Она могла бы сказать словами шекспировской Джульетты: «Чем больше я трачу, тем становлюсь безбрежней и богаче».

...С каждым годом мне милей моя земля. Это от шедрости души. От таланта «тратить» и воспринимать. Шедре земля становится с каждым годом потому, что сама Майрамкан не только с каждым годом — с каждым месяцем, днем становится щедре.

Здесь, пожалуй, умело привести мысли, высказанные Чингизом Айтматовым.

— Я, как литератор, общаюсь с моими коллегами по искусству и нахожу в них много такого, что меня радует, огорчает, волнует. Нахожу то, что заставляет меня думать. Этим последним качеством отличается, на мой взгляд, творчество Майрамкан Абылкасымовой.

Ну, а теперь давайте попрощаемся с Майрамкан. Попрощаемся, чтобы обязательно снова с ней встретиться. Ведь с ее стихами трудно расстаться. Они живут в нас.

Снова, снова бодрит весна.
Хочу бежать по траве с букетом,
Снова, снова я влюблена!
Снова, снова пою об этом!

Горячая радость бурлит во мне.
Хочу испить воды родниковой.
Снова моя голова в огне.
Все повторяется снова.

ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 1. СКОЛЬКО СТОИТ КОНСЕРВАТИЗМ?**
- 2. ДРЕВНИЕ ИСПАНЦЫ — ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АМЕРИКИ?**
- 3. АТАКА НА ПТИЦ**
- 4. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПИРАМИД**
- 5. НОВОЕ ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ?**
- 6. ЗИМОЙ — ЛЫЖИ, ЛЕТОМ — САНКИ**
- 7. МИФ О КОВБОЯХ**
- 8. МИР МОДНЫХ АРОМАТОВ**
- 9. ДРУЗЬЯ ИЗ ПОДВОДНОГО МИРА**
- 10. КАК В ДЕТЕКТИВНОМ ФИЛЬМЕ**
- 11. ПОДЗЕМНЫЙ ЛЕС**
- 12. В ОЖИДАНИИ... КОНЦА СВЕТА**
- 13. ШЕСТОЕ ЧУВСТВО МОШЕННИКА**

Обзор зарубежной прессы.
Материалы печатаются в изложении

1.

Постепенный переход Канады к метрической (десятничной) системе мер приводит к тому, что Соединенные Штаты Америки остаются единственной высокоразвитой страной, избегающей самой распространенной в мире системы мер. Канада уже отказалась от шкалы Фаренгейта в пользу термометра Цельсия, а выпадающие осадки будут отныне измеряться в сантиметрах, а не в дюймах. Мерами гастрономических и бакалейных товаров теперь чаще становятся граммы и литры, нежели унции или кварты и понты.

Несколько лет назад Торговая палата США установила, что в процессе торговых операций с другими государствами страны теряет ежегодно около миллиарда долларов вследствие своей догматической привязанности к громоздкой и неудобной системе мер, которой давно уже не пользуются ведущие индустриальные державы. Недавно в докладе федерального резервного банка Миннеаполиса констатировалось, что компании, занятые в международной торговле и торговле внутри страны, должны тратить дополнительные суммы из-за того, что им приходится использовать одновременно два комплекта оборудования и инвентаря.

Потери американских компаний еще более возрастают, поскольку Канада — крупнейший торговый партнер США.

До сих пор конгресс игнорировал все неудобства, что обусловлены архаичной системой мер. Но есть надежда, что опыт Канады заставит и ее южного соседа задуматься над решением давно назревшей проблемы.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

2.

В последнее время среди ученых все большую популярность приобретает гипотеза об открытии Америки задолго перед викингами древними испанцами. Мысль о том, что первыми к берегам американского континента прибыли древние испанские мореплаватели, была высказана 40 лет назад археологом С. Глэдвином. Сейчас эту гипотезу воскресил профессор Томас Ли, который во время своего выступления в Квебекском университете сообщил о находке вблизи Монреаля трех камней с надписями, свидетельствующими о том, что испанские моряки были в этой области ранее 150 года до нашей эры. В поддержку гипотезы высказался также известный ученый из Гарвардского университета профессор Фелл, который считает, что надписи на камнях были высечены между 450 и 150 годами до нашей эры. Из надписей следует, что первые европейцы на американском континенте происходили из испанской области Кадис. Они высекли на камнях свои имена и использовали диалект, известный из археологических находок на территории Испании. Профессор Фелл утверждает, что подобные надписи не единичны. По его мнению, камни с надписями древних испанских мореплавателей можно обнаружить как в Канаде, так и на побережье Мексики и американских штатов Род-Айленд и Мэн.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

3.

Свообразный «клад» в защиту окружающей среды решили внести американские военно-воздушные силы. В районах двух воздушных баз в штатах Кентукки и Теннесси подготавливается уничтожение почти десяти миллионов птиц. Способ уже разработан. Птиц будут опрыскивать с вертолетов химикатом, который удаляет с их оперения жировой слой, защищающий от холода. После подобной обработки первый же дождь приведет к массовой гибели птиц. Однако, как заявил представитель Пентагона по вопросам печати, «не беда, если нет дождя — смертельный для птиц

окажется и падение температуры ниже +7 градусов С».

Большие стада птиц действительно представляют опасность для воздушного движения, однако в других местах борьба с ними успешно ведется не уничтожением, а применением специальных отпугивающих средств. Этот аргумент среди прочих выдвинуло Американское общество защиты животных, выступившее с резкими протестами против намеченной кампании. Представители общества предупредили также о неизбежном после тотального истребления птиц размножении насекомых и грызунов. Судебные органы США, однако, отклонили их протесты, разрешив акцию уничтожения.

«РЕПЮЛЕШ», ВЕНГРИЯ

4.

Каждый из нас может жить до двухсот лет, а свежая пища может храниться в три раза дольше, чем сейчас, — вот какую гипотезу выдвинули ученые, занимающиеся изучением египетских пирамид.

Извдавна считалось, что эти гигантские сооружения из каменных блоков служили лишь гробницами фараонов. Но позднейшие исследования показали: пирамиды могли быть и громадными телескопами, а размеры их сторон в определенной пропорции отражают расстояния до планет Солнечной системы.

Теперь раскрылся еще один секрет пирамид.

Впервые об этом заговорили в самом начале нынешнего века, когда французский ученый Эмиль Бови обнаружил в одной из пирамид несколько мертвых крыс. Крысы не разложились, как можно было бы ожидать, а, напротив, были полностью мумифицированы. Бови предположил, что самое строение пирамид столь же благоприятствовало процессу мумификации фараонов, как и бальзамирование их останков.

Ученый вернулся во Францию и приступил к опытам. Он оставил в модели пирамиды мертвое животное и какое-то время спустя обнаружил, что животное начало превращаться в мумию. Размышляя над этим загадочным явлением, специалисты задумались: а не скажется ли оно и на возможности продления жизни человека?

Американские продовольственные фирмы начали эксперименты с целью выяснения влияния пирамид на сохранение пищи. Уже стало ясно, что здесь имеет место процесс обезвоживания, который, как известно, способствует длительному сохранению продуктов питания. В какой степени это открытие может быть использовано в коммерческих целях, пока сказать трудно. Но уже подтверждено, что если делать пирамиды не из камня, а из металла, то пищу в них хранить будет нельзя.

Любопытно, что в Сан-Франциско некоторые люди начали строить жилые дома в форме пирамид, надеясь, что сон в таких помещениях продлит их жизнь. Но, как нетрудно догадаться, потребуется какое-то время, чтобы выяснить, оправдаются ли надежды этих энтузиастов.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

5.

Следует ли приручить ламантинов? Такой вопрос был поставлен недавно на международной конференции в Джорджтауне (Гайана), где ученые десяти стран обсуждали, нельзя ли с помощью ламантина решить ряд проблем тропических стран. Ламантин, иначе называемый морской коровой, является малоизученным мlekопитающим, которое, к сожалению, вымирает. Это общительное, ласковое и добродушное животное представляется интересом для человека по двум причинам: во-первых, у него очень вкусное мясо (отходы и браконьерство, которое в конечном счете может привести к полному исчезновению ламантина), и, во-вторых, ламантин способен во множестве поедать водяные растения. В тропических странах эти растения сильно засоряют реки и каналы. Так, например, река Нил в Судане на протяжении тысячи километров покрыта толстым слоем водяных гиацинтов. Водяные растения блокируют каналы, увеличивают испарение, благоприятствуют размножению комаров и загрязняют воду. Поэтому-то и возникла идея заселить реки ламантинами.

Сейчас в каналах рек Гайаны живет 120 ламантинов. Ученые считают, что для нормального функционирования национальной соросительной системы требуется 250 животных. Но прежде следует более подробно изучить вопросы, связанные с питанием, размножением и патологией морских коров. И, конечно, необходимо принять все возможные меры для защиты этих полезных животных от браконьеров.

«СЬЯНС Э АВЕНИР», ФРАНЦИЯ

6.

Подъемник для лыжников, построенный в Вассербахе (ФРГ), был, естественно, предназначен для использования только в зимний сезон. Наверху, на высоте 732 метра, проектировщики предусмотрели смотровую террасу и небольшой ресторан. Но летом здесь бывает слишком мало народа, так что возить и обслуживать было практически некого. Ничто не влечет туристов в Вассербах летом, и обслуживающие учреждения — подъемник, ресторан и прочее — стояли, как говорится, на приколе.

И вот принято решение построить саночный путь. И, конечно, не на основе ненадежного в летнюю пору снега, а самый современный — из асбокемента. Для этой цели были специально сконструированы санки с корпусом из легкой пластмассы и системой двойных тормозов. Седом может сам регулировать скорость движения, что является немаловажным психологическим фактором с точки зрения безопасности движения. Впрочем, скорость спуска, который продолжается три минуты, не может быть опасно большой, так как на асбокементном пути предусмотрено много небольших поворотов. За час по этой трассе может проехать 300 человек.

Это новшество принесло Вассербаху известность: в летний сезон здесь бывает по 250 тысяч человек, желающих испытать необычное ощущение — стремительную поездку по гладкому асбокементному желобу с вершины горы.

«ХОББИ», ФРГ

7.

Он, пожалуй, самая заметная фигура американского фольклора — стройный, самоуверенный, гордый ковбой, смело защищающий закон. Однако в последнее десятилетие это традиционное представление о благородном бродяге пошатнулось. Причина — естественная реакция на поток насилия, низвергающейся с теле- и киноэкранов.

По мнению У. Сэндика, историка из Оклендского университета, реальные ковбои, состоящие на треть из негров, мексиканцев и индейцев, были неотесанными и грубо-языкими парнями 18—25 лет, баграками, в большинстве случаев не имевшими даже собственной лошади. Хозяин ранчо строго следил, чтобы они не пользовались огнестрельным оружием, не играли в азартные игры, не устраивали скачек в свободное время. С тех пор хозяева голливудских «фабрик греха» обыграли незамысловатый сюжет в стольких вариантах, что миф совершил вытеснение в сознании американцев реального ковбоя — настука на коне, делающего трудную, малоромантическую работу.

«ПАРАЛЕЛИ», НРБ

8.

«Это самое гениальное изобретение, сделанное в Соединенных Штатах со временем появления на рынке хула-хупа», — сообщила флоридская газета. Всемирный успех новой идеи обеспечен. Но журнал, издающийся в Нью-Йорке, в категорическом тоне заявил: «Ничего подобного. Это типичный образчик американского недомыслия».

И восхищенные и негодящие говорили о новом товаре, наводнившем американский рынок, — о майках, ткани которых насыщена разными запахами и ароматами. За четыре месяца их было продано три миллиона штук.

Эти майки с короткими рукавами имеют спереди изображение цветка или плода, ароматом которых напоена ткань. Самыми модными запахами считаются запахи апельсинов, клубники, малины и... виски. В этом случае владелец майки может любоваться изображением бутылки у себя на груди. Последним по популярности является запах бананов.

«Успех небывалый! — заявил изобретатель ароматического чуда Джим Голл. — Вскоре мы начнем срочный выпуск самого модного аромата. Как вы уже сразу могли догадаться, это будет запах марихуаны. Впрочем, не волнуйтесь: аромат этого популярного зеленого мы воспроизвели синтетическим путем. А на будущий год, к двухсотлетнему юбилею Соединенных Штатов, мы наладим выпуск майек с напрвезденным запахом медового пирога — нашего традиционного праздничного лакомства. Что же касается стирики, то пусть публика не волнуется: наш товар

добродушный и выдерживает 15—20 циклов стиральной обработки. О дальнейшем можно не беспокоиться: мода не вечна».

Да, мода не вечна, точнее говоря, она бывает крайне быстротечной. И надо максимально послешить, чтобы успеть достаточно заработать на этой внезапно взметнувшейся волне ароматических изысков. Успеть, пока не придет другая, еще более немыслимая мода.

«ВИЕСНИК У СРИЕДУ», СФРЮ

Валери Тейлор, увлекающаяся подводной фотографией, дружит с многими обитателями морских глубин. Ее лучший друг (вы его видите на снимке) — мурена, которой Валери дала кличку Гарри. Гарри живет около южной оконечности австралийского Большого Барьерного рифа. Валери посещает своего друга, кормит его и играет с ним вот уже семь лет. Когда она начинает медленно вслывать вверх, Гарри тщется своим любопытствующим носом в «молнию», на которую застегнут костюм фотографа.

«Опасно? Ну, что вы, это — очаровательное создание», — говорит Валери. Из мlekопитающих животных она больше всего любит австралийского морского льва. «Самое милое, привлекательное, но просто восхитительное существо, полное очарования», — поясняет Тейлор. — Когда морской лев видит вас, то он так изумлен, что его глаза, кажется, готовы выплыть из орбит: он никогда прежде не встречал ничего подобного. Животное бросается выяснять, что к чему. Морской лев покрывает вас поцелуями, кладет листы на вас, он полон любви. Морской лев так расположен к незнакомцу потому, что здесь, в этом тихом районе, никто не обижал его».

«Спруты — наиболее умные из холоднокровных существ», — продолжает Валери. — Они великолепные родители, очень умны и даже артистичны. Многие из них строят свои собственные дома с дверями, которые они умеют закрывать, с крышами и — дабы придерживать норм добрососедства — с дорожками из белой гальки, которые ведут к дверям домов».

И для акулы фотограф находит добрые слова, доказывая, что этот хищник играет в океане важную роль: акулы — сборщики мусора, они очищают море от всех тех отбросов, которыми мы засоряем Мировой океан.

«ФОКУС ФИЛИППИНС»,
ФИЛИППИНЫ

10.

Канадской прессе было о чем писать: суд в Торонто рассматривал дело об убийстве, которое могло бы послужить сюжетом для сценариста, работающего в жанре детектива.

Строительный подрядчик Питер Деметер заключил договор о страховании

жизни на сумму один миллион долларов. Эти деньги должны были получить тот из супругов, который переживет другого. С той поры и Питер и его жена Кристина начали строить хитроумные планы, как получить эти деньги. Каждый думал, что успеет опередить другого. Эту гонку смерти выиграл муж: приехав однажды домой в сопровождении пяти приятельниц Кристины, он нашел жену мертвую на полу гаража. У Питера было идеальное альibi — весь вечер он провел в обществе упомянутых шести женщин в своем вилле за городом, а затем попросил их съездить вместе в магазин и помочь выбрать жене подарок. В последний момент Деметер отказался от покупки, и вся компания решила поехать к нему домой. Остальное уже известно.

Но обстоятельства, при которых была заключена страховка, вызвали у полиции подозрение. Предположили, что убийство совершил наемный убийца. В ту же ночь Деметер был арестован. Наёмный убийца скрылся без следа, а подстрекатели суд приговорил к пожизненным каторжным работам. Между прочим, защитник Деметера доказал, что Кристина чуть было не опередила своего мужа: она также наняла убийцу, гангстера-профессионала, но он не смог выполнить своей задачи, так как за день до этого был убит в перестрелке с полицией. Во время судебного процесса Деметер потребовал, чтобы ему была выплачена сумма страховки, поскольку он пережил свою жену. Но, как и следовало ожидать, суд отказал ему. Миллион долларов будет выплачен четырехлетней дочери Питера и Кристины.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

11.

Десять лет назад в джунглях Венесуэлы вблизи границы с Бразилией с самолета был обнаружен феномен природы — отверстие диаметром около 400 метров. Экспедиция английских альпинистов лишь недавно установила, что в огромной пещере, или, вернее, пропасти глубиной 300 метров, растет подземный лес — лиственные деревья с необычайно густыми кронами. Под ними обнаружили неизвестные до сих пор научному миру растения, среди которых плотоядные виды. Существование новых видов вызвано, очевидно, особыми жизненными условиями, в частности недостатком солнечного света. Дальнейшие исследования, как считают специалисты, могут принести интересные результаты не только ботаникам, но и зоологам.

«БОЭМИЯ», КУБА

пророчеством их духовного наставника Рино Ферраро не более, не менее, как... конца света. Их убедили найти убежище на этой вилле перед катастрофическим днем, когда должно было погибнуть все живое на нашей планете. Членов секты напали окоченевшими и находившимися на грани голодной смерти. Одна из сектанток, поддавшая ФРГ Линдзи Мейер, скончалась от истощения за день до обнаружения.

Комментируя не только сарказмом, но и с тревогой этот случай, показывающий легковерие и неустойчивую психику многих граждан в капиталистическом обществе, газеты потребовали применения суровых мер к руководителям секты.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

13.

Почти десять лет Тьёрка Верманинга голландская пресса называла «золотым парнем голландской археологии». И хотя парнем он перестал быть уже давно — сейчас ему 46 лет, — его заслуги в археологии, казалось, оправдывали любой комплимент.

В 1966 году он появился в университете в Гронингене и привнес свои находки — доисторические каменные орудия, добывшие из-под земли вблизи деревни Хоогенснильде. Оценкой камней занялся заведующий кафедрой, ученым с признанным авторитетом, профессор Ватерболк, который приступил к работе, полный скептицизма, и закончил ее, наполненный радостным воодушевлением. Камни из Хоогенснильде представляли собой подлинные орудия доисторического человека. Их возраст — более 130 тысяч лет, и, стало быть, они на 60 тысяч лет старше самых древних из прежних археологических находок в Голландии.

Счастливый археолог-любитель (по профессии он мастер по ремонту швейных машинок) продал за порядочную сумму камни университету и получил премию от государства, после чего обещал, что приступит к дальнейшим поискам. Гронингенский университет предложил ему должность ассистента, но Верманинг отклонил это предложение. Он потребовал для себя диплом почетного доктора, на что университет не мог согласиться при всем желании, так как кандидат закончил свое образование в третьем классе начальной школы.

Верманинг продолжал поиски на собственный страх и риск, и вскоре в университете в Гронингене стали сожалеть о том, что не уступили его требованиям. Руководимый, как он выразился, шестым чувством, Верманинг выискивал все новые находки, приводящие в восторг профессоров. То он открывал собрание 428 каменных наконечников для дротиков времен неандертальского человека, а то лагерь доисторических охотников на мамонтов. Все, что находил, он продавал за большие суммы и вскоре пользовался такой славой, что эксперты не утруждали себя исследованиями подлинности принесенных им камней.

И только несколько месяцев назад другой эксперт университета в Гронингене, доктор Даниэль Стаперт, обеспокоенный легкостью, с какой не имеющий образования любитель добывает «клады», которые не удалось обнаружить самим выдающимися ученым, подверг камни еще одному всестороннему анализу. Он доказал, что Верманинг сам придавал форму камням, сам звонял и обтесывал их, обжигал потом в специальной печи и закапывал в поле, чтобы позднее без труда их отыскать. На поверхности камней обнаружено присутствие красителей, которыми доисторический человек располагать не мог.

Общая сумма, полученная мошенником от голландских музеев и учебных заведений, составила 53 тысячи долларов. Однако голландцы уже перестали им интересоваться. Значительно больше внимания уделяется сегодня светским наукам, которые позволили одурачить себя.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

12.

Швейцарские газеты уделили много внимания случаю, который, кажется, сошел со страниц мрачного фантастического романа. На одной загородной вилле обнаружили шестьдесят членов секты, которые ожидали в соответствии с

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Mы вошли в зал, когда люстру на потолке уже погасили и с трибуны негромко, размежеванными фразами говорил начальник управления. Каждую фразу он отделял взмахом руки, коротким и энергичным, словно призывал нас запомнить ее в особенности. От его золотых генеральских логон прыгали светлые зайчики на длинный транспарант, растигнутый над всей сценой: «Да здравствует 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!». Мне нравилось, что он не доклад нам бубнил, в водре бы не спеша и обстоятельно разговаривал с нами со всеми и старался, чтобы до каждого дошло в детности:

— И сейчас, когда самая страшная в человеческой памяти война позади, еще шевелится это болото, насыщенное к тому же массой трофейного оружия. Они пользуются тем, что для полного и окончательного искоренения их на территории нашего славного города временно не хватает людей, кадров. Многие опытнейшие сыщики полегли на фронтах войны, новых специалистов пока еще недостаточно, и поэтому мы огромные надежды возлагаем на пополнение, поступающее к нам из рядов вчерашних воинов-фронтовиков. Мы надеемся на их бесстрашие, самоотверженность, высокую воинскую дисциплину, фронтовую смекалку и армейскую наблюдательность...

Варя подтолкнула меня в бок:

— Это он о тебе говорит...

Начальнику управления дружно и охотно хлопали. Потом объявили приказы о поощрениях и награждениях, и торжественная часть закончилась. Зажегся свет, и мы вышли в вестибюль. Оглушительно загремел духовой оркестр, закружились пары танцующих. К нам подошел радостно улыбающийся Жеглов:

— Слышишь, Шаралов, высокую оценку руководства? Давай бери пример...

Варя улыбнулась и, небинно глядя на него, сказала:

— А мне показалось, что генерал как раз больше внимания уделил Шаралову. В смысле оценки заслуг перед Родиной...

Жеглов посмотрел на нее снисходительно и засмеялся. Появился Колпакин. Он чинно шел под руку с женой, тощей, еще не старой женщиной, очень ярко одетой и все время вертевшей по сторонам головой.

В буфете всем давали бесплатный чай, два бутерброда — с сыром и копченой колбасой — и по три соевые конфеты «Кавказ». Хозяйственный Пасюк уже заставил бумагой два сдвинутых столика и расставил на них наши припасы. С одной стороны, рядом с ним, сели Тараксин, Гриша Шесть-надея, в напротив — Колпакин с женой. Варя, я, и только Жеглов стоял еще во главе стола, оглядывая каждого из нас, как он обычно делал, стоя на подножке «Фердинанда», готового уже тронуться в путь. Осмотром, видимо, остался доволен, махнул рукой и щелкнул пальцами:

— Тараксин, сумку!

Коля нырнул под стол и достал из клеенчатой хозяйственной сумки бутылку шампанского. Шампанского! Я его давно не видел. Толстая зеленая бутылка с серебряным горлом и закрученной проволокой пробкой перелетела через стол и плотно легла к Жеглову в ладонь. Мгновение он мудрил с пробкой, и она выплыла с негромким пистолетным хлопком, золотистое вино рванулось, бурля, в граненые стаканы...

— За праздник! За нас! За тех, кого нет с нами! — поднял стакан Жеглов...

Я только пригубил свой стакан и придинул его ближе к Варе — там, все-то ничего было напито, и мне хотелось, чтобы ей досталось чуть больше. И еще меня томила мысль, что, может быть, есть правда в поверье: если пить из одного стакана, то можно узнать тайные мысли, и мне мечталось, чтобы Варя узнала из моего стакана все мои мысли о ней и ничего бы мне не надо было говорить ей о счастливом найденном и наших пяти сыновьях.

Пришел Боря Шилов — приглашать Варю на танцы, но Жеглов упредил его, строго сказав:

— У тебя, Шилов, компас есть? Вот иди, иди, иди...

И сам повел Варю танцевать вальс. Я смотрел на них и мучился даже не от ревности, а оттого, что Варя сейчас весело хохочет в объятиях Жеглова и он чего-то ей на ухо говорит и говорит... А как он умеет говорить, я знаю, и лучше было бы, чтобы Варя сейчас была со мной, потому что я-то ничего не успел ей сказать обо всех планах, которые одолевали меня сегодня вечером.

Вспышкой, ослепительно и незаметно, промчалось время,

Продолжение. Начало в №№ 15—19.

— Дежурный доложил, что вы хотите поговорить со мной, — сказал Жеглов. — Так, нет?

— С вами или с кем-нибудь еще, мне все равно... — разлепил, наконец, губы Груздев. — С вами — меньше, чем с кем бы то ни было...

— Да почему же, Илья Сергеич? — искренне удивился Гроб. — Чем же я-то лично вам досадил? Ведь вот товарищ Шаралов, например, или следователь — мы ведь одним делом занимаемся!

— Слушайте, бросьте вы это словоблудие, — выкрикнул Груздев и еще передразнил: — Де-лом вы занимаетесь. Не делом — то и сено, что не делом, невинного человека в тюрьме держите!

— Во-она, значица, что... — пропел Жеглов. Встал, подошел вплотную к Груздеву. — Я-то думаю, завлачала человека совесть, решил грех с души снять... А ты оправь за старое!

— Ты мне не тыкая, сухин сын! — яростно закричал Груздев. — Я тебя чуть не вдвое старше, и я советский гражданин. Я буду жаловаться!

— Между прочим, это ведь все равно, как обращаться — на «ты» или на «вы», суть не меняется, — сказал Жеглов, возвратился к столу и оперся сапогом о стул. — Какая, в самом деле, разница будущему покойнику?

Даже у меня дрожь прошла по коже от тихого и вроде паскового голоса Жегловского, а у Груздева и вовсе челюсть отвисла, бледный он стал прямо до синевы. Но держится молодцом.

— Кто из нас раньше покойником будет, это мы еще посмотрим, — говорит. — А за сим я с вами разговаривать не желаю.

— А я желаю, — улыбнулся Жеглов. — Я желаю услышать рассказ о соучастнике убийства Фокса. Я желаю между вами соревнование устроить: кто про кого больше и быстрее расскажет. От этого на суде зависит будет, кто из вас пойдет паровозом. А кто — прицепным вагоном. Понятно излагаю?

Груздев так и всплыл в него взглядом, видно, что волнуется, но молчит. Потом на меня посмотрел и давит из себя:

— Мне давно из книжек, конечно, известен прием: один следователь грубый и злой, а другой — контратак. И по психологам, допрашиваемый стремится к «добром», чтобы рассказать то, что собирался скрыть... Тем не менее я вас очень прошу: уйдите, а с ним вот... — Тут Груздев на меня указал: — С ним мы поговорим...

Жеглов расхохотался:

— Добро! Шаралов — у нас следователь молодой. Пусть попрактикуется, не возражаю...

Мне, конечно, комплимент Жегловский не понравился: в моем-то возрасте уже не учеником желторотым — мастером пора быть... Но я, конечно, промолчал, а Жеглов сказал уже в дверях:

— Сласти свою шкуру можно только чистосердечным признанием и глубоким раскаянием. Как говорится, зуб за зуб, ребро за ребро, а печенка за селезенку... Про Фокса надо все рассказать, пока не поздно... — захлопнул тяжелую, с «волчком», дверь, и долго еще слышался его смех под аккомпанемент саложного скрипа, и я почему-то подумал, что Гроб, хоть и не тыкал больше Груздеву, но и на «вы» ухитрился к нему ни разу не обратиться. Я сел за стол и сказал попросту:

— Илья Сергеич, я действительно в милиции недавно, и опыта нет никакого, и в юриспруденции этой самой я не очень... я хочу разобраться. Понимаете — разобраться.

— Вы же не верите ни одному моему слову, — нерешительно сказал Груздев.

— И не надо! — горячо сказал я. — На что нам «верить», «не верить» — нам надо знать. Вы мне тоже можете не верить, будем только на факты ориентироваться. Ну, еще... на здравый смысл.

— Хорошо. Если на здравый смысл — давайте попробуем, — согласился Груздев. — У меня тогда сразу вопрос, как раз на здравый смысл. Я, собственно, по этому поводу вас и вызывал.

— Слушаю, — сказал я.

— Мне предъявили заключение экспертизы, из которого следует, что из моего пистолета выстрелили нестандартной пулей, так?

Я подтвердил, не подозревая еще, куда он клонит. А он продолжал:

— При вас во время осмотра в шкафу нашли пачку фирменных патронов «байядр». Если вы помните, я сам указал, где они лежат. Теперь скажите на милость, вы человек военный, зачем же мне, имея фирменные патроны, заряжать пистолет нестандартным, рискуя, что его в самый ответственный момент перекосит, заест и тому подобное? А? Не знаете? Так я вам отвечу: настоящий убийца не знал, где патроны, и зарядил пистолет первым попавшимся, более или менее подходящим по размеру! Ясно?

— Допустим. Но вот как вы объясните, что пистолет обнаружен в вашей новой квартире?

— Вот! Вот это вопрос вопросов, — задумчиво сказал Груздев. — Им вы меня наполовину бытете. Но при желании можно ответить и на него. Я уже ответил: не знаю. А вам надо искать как следует...

Хитер он, конечно, бесовски хитер, я это давно заметил!

— Мы ищем. И кое-что уже нашли. Поэтому товарищ Жеглов и спрашивал вас про Фокса, — сказал я.

— Я не знаю никакого Фокса! — горячо воскликнул Груздев. — Поверьте, я бы сразу сказал... Я только догадывался, что это у него нашли браслет Ларисы в виде ящерицы. Так или нет?

Всегда Груздев не тот человек, с которым можно на откровенность идти. И я сказал:

— Это вы не совсем в точку попали, но, как у нас на фронте говорили, действия ведете в правильном направлении.

— Хорошо, — кивнул Груздев, — не хотите говорить, не надо. Но вы же сами предложили разбираться с точки зрения здравого смысла...

— И главное — факты, — вставил я.

— И фактов. Но начнем со здравого смысла. Вы, во всяком случае, исходите из того, что убийца я. И уже все факты рассматриваете под этим углом зрения. Вы, может быть, этого не знаете, но в науке существует способ доказательства от противного. Допустите на десять минут, что я к этому делу не причастен...

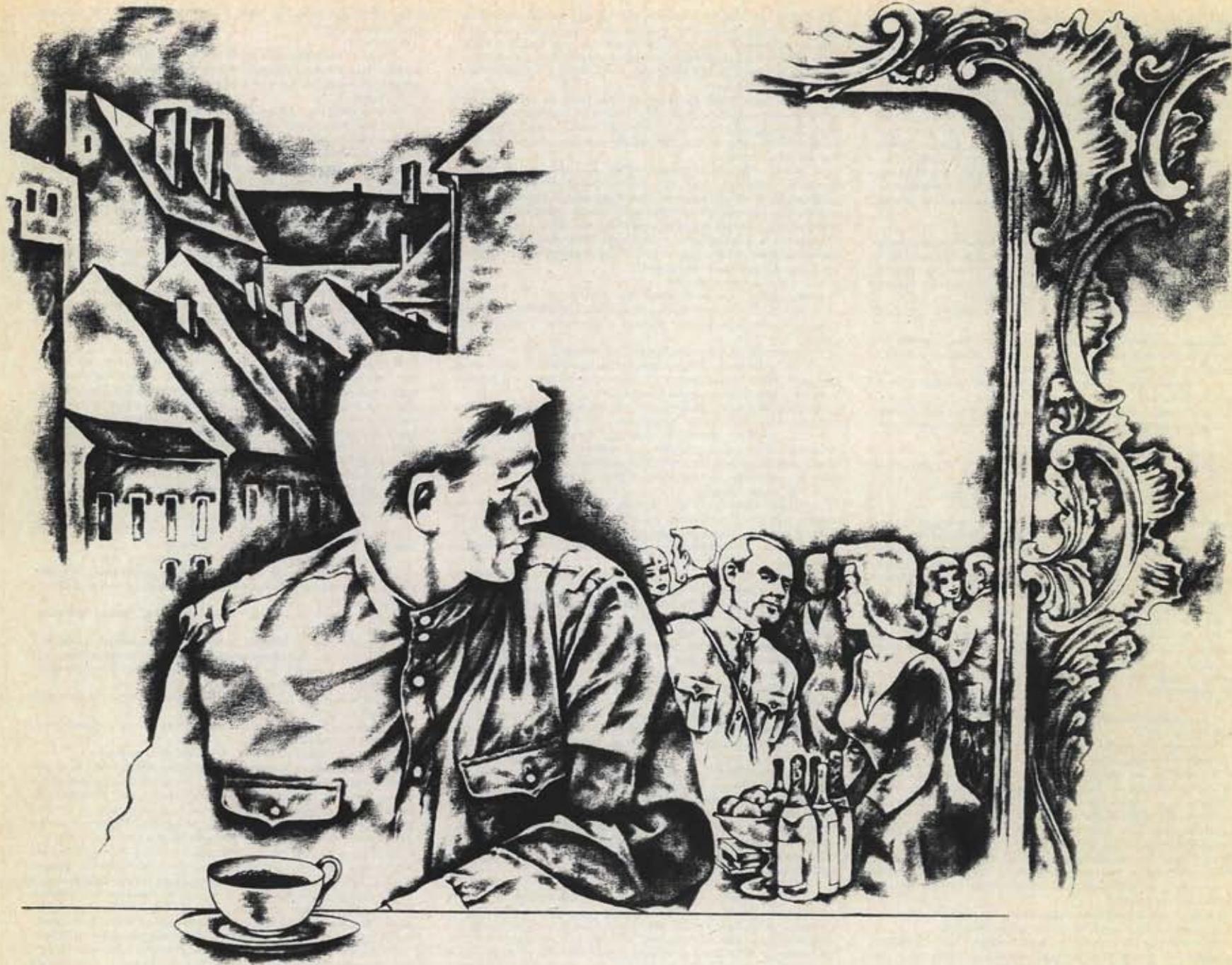

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Да как же это я могу допустить? — взорвался я.
— Подождите, подождите. Я же говорю — на десять минут. Ну, что вам стоит?

— Хорошо, допустим.

— Если допустить, вся ваша система доказательств начнет рушиться, как карточный дом, — сказал Груздев.

Я вспомнил, как уже пытался сегодня связать все наши факты, чтобы подпереть обвинение Груздева, и как эти подпорки все время ускользали из рук, шатались, не хотели стоять на месте. Ну, пусть теперь он их попробует на прочность. Но сказал бодро:

— Интересно поглядеть, как это у вас получится.

— Сейчас увидите, — пообещал он и начал: — Уже на первом допросе вы исходили из того, что, ненавидя Ларису, я решил избавиться от нее. Я действительно любил ее когда-то, но... Долго рассказывая, что там и как у нас происходило, но любовь выгорела — вся, дотла. Вы считаете, что антипод любви — ненависть. Но, поверьте, это вовсе не так! Настоящими антиподами любви — равнодушные... И ничего, кроме равнодушия. Лариса у меня в последнее время не вызывала... Квартира. Квартира, как вам известно, моя, и вопрос ее обмена был лишь вопросом времени. Кстати, известно ли вам, что Лара хотела вернуться к матери, но именно я решил оставить часть своей площади? Если нет — спросите у Наденьки, у их матери — они подтвердят. Неужели я произвожу впечатление человека, столь нетерпеливого и к тому же столь жестокого, что мне легче убить, чем подождать месяца два? — Груздев внимательно смотрел на меня, рассчитывая увидеть, какое впечатление производят его слова, но я, хоть и думал, что наши мнения здорово совпадают, просто он до конца эти вещи закругляет и додумывает, но виду не подавал, сидел и слушал — давай, мол, излагай, раз условились...

Я протянул Груздеву папиросу, он поблагодарил кивком, заломил мундштук стабилизатором, прикурил и продолжал:

— Важной уликой против меня вы считаете заявление этого алкоголика — Липатникова о том, что он меня видел на лестнице. Но я вам еще раз говорю: я был там не в семь часов, а в четыре! И Ларису дома не застал, поэтому и написал записку... Я не знаю, как мне это доказать, но помогите мне! В конце концов члены Липатникова ценнее, чем мои? Но ему вы верите безоговорочно, мне же вовсе не верите...

— Ваш сосед — человек незаинтересованный, — подал я голос.

— Ну, допустим. Но он ведь только человек, здрав гуманум эст — человеку свойственно ошибаться... тем более, как это и делается, всех соседей расспросите, осмотрите его чайсы — может быть, они врут, еще что-нибудь сделайте! Только делайте, не сидите сиднем, успокоившись на одной версии. Еще раз мою жену допросите, квартирохозяину, сопоставьте их рассказы — тут миллиграммы информации могут сыграть счастливую или роковую роль...

— Хорошо, — перебил я его. — Я обещаю вам еще раз все это проверить досконально. Но вы отвлеклись.

— Да. Действительно... — Груздев тряхнул головой, словно освобождаясь от порыва чувств, которые он себе только что позволил. — Главная улика против меня, просто-таки убийственная — этот алоэластичный «байярд».

— Вы сказали Жеглову, что мы вам его подбросили, — вставил я. — А зачем? Вы бы этим подумали? Наши ребята каждый день жизнью рисуют.

— Подумал, — сказал Груздев твердо. — Вероятно, я был не прав. Не вдаваясь в обсуждение ваших моральных качеств, я подумал: для того, чтобы эти вещи мне подбросить, вы должны были иметь их сами... А это уже маловероятно. Значит, их подбросил мне убийца, и отсюда следует, что он меня знал. Вот в этом направлении искать — это вы меня не учите, сообразим сами кое-как!

Он, видно, понял, что хватил лишку, потому что сразу же вроде как извинился:

— Да мне в голову не приходит... без меня учителя найдутся. Я просто хотел сказать, что самая у вас неблагодарная задача — доказать мою вину. Поскольку я не виноват. И рано или поздно это откроется, я в это свято верю, а чтобы и жить дальше не стоило... Он тяжело, судорожно как-то вздохнул, добавил:

— Был такой китайский мудрец. Конфуций его звали, вот он сказал однажды: «Очень трудно поймать в темной комнате кошку. Особенно если ее там нет.»

Поймать в темной комнате кошку — это значит доказать, что он убил Ларису. А кошки в комнате вовсе нет — мда, это он лихо завернулся, красиво, надо будет Глебу рассказать, он такие выражения любит. К слову вспомнилась мне «черная кошка», и от этого я почему-то почувствовал себя совсем неуверенно, тоскливо мне стало как-то. Помолчал я, и

Груздев сидел молча, в камере нашей было тихо, и только на первом этаже слышался смех и крепкие удары костяшек о стол — свободная от караула смена забивала «козла». Ввел он меня все-таки в сомнения, Груздев, надо будет все, о чем он толкует, до конца проверить. А я, выходит, никак на него повлиять не смог? Сильнее он меня, выходит? Это было как-то обидно сознавать, и я попробовал:

— Илья Сергеевич, все, про что мы говорили, — это, куда ни кинь, воображение. Ну, поскольку мы вообразили, что вы не виноваты. А факты остаются, и для суда их, по моему разумению, будет вполне достаточно, чтобы вас осудить. И какой будет приговор, вы сами знаете, у вас в камере Уголовный кодекс имеется. Так не лучше ли сознаться, ведь у вас наверняка какие-то причины были, ну, не уважительные, конечно, а эти... смягчающие, что ли. Суд учтет, и, может, вам жизнь сохранят...

Груздев вскочил, лицо и шея пошли у него красными пятнами, он закричал:

— Нет! Никогда! Признаться в том, чего не совершал, да еще в убийстве? Никогда! Как же я жить-то дальше буду, убийцей?.. Нет-ет... Уж если мне суждена эта Голгофа... я взойду на нее... я взойду... Нет-нет, мой друг, — сказал он глухо, но очень твердо, окончательно. — Раз уж я человеком родился, надо человеком и умереть.

По комнате растеклось, всю ее до отказа заполнило тяжелое наше молчание, каждый думал о своем, а внизу по-прежнему с треском, с хрустом арабили «козла», гомонили, смеялись. На окно, щепестя здоровенными крыльями, слетел сизарь, он заглядывал в комнату и смешно крутил крохотной головкой, словно приглашая выйти из прокуренного помещения подышать свежим воздухом. Груздев долго смотрел на него, а когда голубь захлопал крыльями, взлетел в небо, проводил его взглядом, и вдруг лицо его, суровое, сухое, с жесткими складками вдоль рта, утратило на моих глазах четкость, черты стали расплываться, губы жалко задрожали — Груздев плакал! Я неуклюже пытался успокоить его, и так мне было невыносимо видеть взрослого плачущего мужчину, что я отвернулся к окну, делая вид, что не замечаю его слез, и он сам, видимо, старался сдержаться изо всех сил, и за моей спиной раздавалось тяжелое сопение и хранившие всхлипы, похожие на рычание.

Наконец он сказал:

— Не вижу я выхода! Весь в уликах, будто меня кто-то

нарочно запутал... Я всю жизнь был практическим человеком, но... я не могу бороться с неведомой тенью... да еще отсюда, из тюрьмы... Я не могу искать в темной комнате кошку... И мне отсюда не вылезти... Он судорожно вздохнул, как вскрикнул, по-детски, ладонью, утер мокрое от слез лицо, поднял на меня глаза: — Послушай, Шарапов! Я вижу, ты хороший парень, не испорченный... Пойми, меня может спасти только пойманный настоящий убийца. Пашу, заклинаю тебя всем святым — ищи его, ищи! Найди! Ты сможешь, я верю. Пойми, если вы его не найдете, вы сами станете убийцами — вы убьете нас в чем не повинного человека!..

Я накинул скопку, вызывая дежурного надзирателя, поднялся, и Груздев крикнул мне, уже в дверях, руки назад:

— Даже если меня осудят, ищи его, Шарапов! Не жизнь, хотя бы честь мою спаси!..

Из города я вернулся, переполненный самыми поразительными новостями, какие только можно себе представить. Жеглов уже сидел в кабинете за своим столом и сосредоточенно работал над какими-то записями. Он поднял голову, довольно хмуро взглянул на меня, буркнул:

— Ты где шляешься, Шарапов? Время к семи, а тебя все нет...

— Сейчас доложу, — пообещал я, скинув плащ, причесался и занял выжидательную позицию. Глеб дочитал записку, перевернув ее вниз текстом, ухмыльнулся:

— Ну, вали, орел, докладывай. По лицу вижу — сейчас будешь хвастаться.

— Так точно, — сказал я. — Только не хвастаться, а сообщать о результатах проверки. Хвастаться — нескромно как-то...

— Ну-ну, скромник... Слушаю.

Я выждал немного — чтобы как в театре, эффектно, и сказал:

— Груздев не виновен. Освобождать его надо!

Получилось не так, как в театре, а наоборот, будто бухнул я холостым. Жеглов поморщился, сказал хладнокровно:

— Да ты шутник... оказывается. Ну, ладно, шути дальше.

— Я не шучу, — сказал я. — В книжке, которую ты мне дал, написано, что сила доказательств — в их вескости, а не в количестве. И я с этим согласен...

— Тогда порядок, — не удержался Жеглов.

Я не стал заводиться, кивнул:

— Мы рассчитали, что сосед Ларисин видел Груздева на лестнице около семи часов — как раз в это время кончился матч ЦДКА — «Динамо»... Ты помнишь, что сосед этот — Липатников — времени не знал, только по футболу мы и ориентировались?

— Так.

— И кто играл, он не помнил, помнишь? Он еще сказал, что не болеет...

— Западил: «помнил», «помнишь»! Не тыни кота за хвост, что у тебя за привычка!

— Я не тыни, я хочу, чтобы ты все до мелочи вспомнил — это очень важно. Так вот, на радио мне сказали, что в этот день был еще один матч: «Зенит» — «Спартак», и трансляция его закончились в четыре. Понимаешь — в четыре! Соображаешь, что это значит? — спросил я и прятнулся Жеглову справку из радиокомитета.

Он взял справку, внимательно прочитал ее, с недоумением посмотрел на меня, повертел справку в руках, будто хотел еще что-нибудь из нее выжать, но больше там ничего не было написано, и он сказал:

— М-да... Это несколько подымает показания соседа... Но мы ведь на них меньше всего базировались.

— Я извиняюсь, — сказал я запальчиво. — Это, по-моему, подымает: не показания соседа, а наши с тобой расчеты. Сосед что? Он утверждает, что видел Груздева после матча, а когда это было, ему неизвестно. А Груздев сразу сказал, что встретил Липатникова в четыре. Это как будем понимать? Он ведь показания соседа предусмотреть не мог?

— Да черт с ними, с этими показаниями, — сердито сказал Жеглов. — Мы и без них бы обошлись.

— Пока не обходились. Ты же сам про скрытность Груздева толковал и целую теорию из нее вывел: раз скрывает, что был в семь, значит... и все такое прочее...

Жеглов разозлился всерьез:

— Слушай, тебе бы вовсе не в сыщики, а в адвокаты идти! Вместо того, чтобы изобличать убийцу, ты выискиваешь, как его от законного возмездия избавить.

И оттого, что он разозлился, я, наоборот, как-то сразу успокоился и сказал ему уважительно:

— Глеб Георгиевич, ну, что ты, на самом деле... Мы же с тобой одну работу работаем, просто я хочу, чтобы возмездие действительно законное было, как говорится, без сучка-здоринки. Ты же лично против Груздева ничего не имел, верно? Но уверился, что он преступник, и теперь отступать не хочешь...

— А почему это я должен отступать? — рассердился Жеглов.

— А потому что факты. Вот ты послушай меня спокойно, без сердца. Я после разговора с Груздевым думал много... плюс все делишки Фокса этого растреклятого. Понимаешь, ведь между ними ничего не может быть общего, не могу я себе представить, чтобы такие разные люди могли промеж себя говориться как-либо...

— Ты еще много чего не можешь представить, — вставил Жеглов.

— Не зевайся, Глеб, — попросил я его. — Лучше слушай. Когда я про второй матч узнал, у меня в башке будто осветилось. Ты сам посмотри, все ведь как нарочно складывается: патрон нестандартный, палец на бутылке — не его, след на шоколаде — чужой. И что в четыре был, а не в семь — вполне возможно. А если в четыре, а не около семи, то остается одна-единственная улика — пистолет...

Глеб снова затянулся и процедил:

— Одна эта улика сто тысяч других перевесит...

— Ага. Вот я и понял, что точно так же может думать Фокс. Поэтому я поехал в Лосинку и расспросил обеих женщин о том, что было двадцатого и двадцать первого сентября — подробно, по минутам...

Глеб даже со стула поднялся:

— И что?..

— Утром двадцать первого, часов в одиннадцать, пришел

проверять паровое отопление — перед зимой — слесарь-водопроводчик. Крутился по дому минут двадцать. Высокий, черный, красивый, под плащом — военная одежда. В хоздоне поселка водопроводчик с такими приметами не значится... Я с торжеством посмотрел на Глеба. — Вопросы есть, товарищ начальник?

Жеглов в свою сторону даже не посмотрел. Нешадко скрипя блестящими сапогами, принялся ходить по кабинету из угла в угол, долго ходил, потом остановился у окна, снова долго там рассматривал что-то, ему одному интересное. Не поворачиваясь ко мне, сказал:

— Жена Груздева, чтобы мужа выручить; под любой присягой покажет, что это ты пистолет подбросил. Или расскажет, о чем говорили отец, Варлам с Гришкой-самозванцем в коричне на литовской границе. Квартирохозяйку тоже можно заинтересовать. Или запугать. Это не свидетели.

Опять вся моя работа к чертовой бабушке! Беготня, все волнистия мои — коту под хвост. Я аж задохнулся от злости, но спросил все-таки негромко:

— А кто же свидетели?

По-прежнему глядя в окно, Жеглов кинул:

— Фокс. Вот единственный и неповторимый свидетель. Для всех, как говорится, времен и народов. Возьмем его, тогда...

Чуть не плакала от возмущения, я заторал:

— Но ты же сам знаешь, Груздев не виноват! Что же ему за бандита этого отдуваться?! У него, может, каждый день в тюрьме десять лет жизни отнимают!

Жеглов, наконец, повернулся, но глядел он куда-то вбок, и голос у него был злы, холодный:

— Ты лишиш сопли не разводи. Шарапов. Здесь МУР, понял? МУР, а не институт благородных девиц! Убита женщина, наш советский человек, и убийца не может разгуливать на свободе, он должен сидеть в тюрьме...

— Но ведь Груздев...

— Будет сидеть, я тебе сказал. А коли окажется, что это Фокса работа, — тогда выпустим, и все дела. И больше об этом — хватит, старший лейтенант Шарапов. За дело несущую персональную ответственность я, извольте соблюдать субординацию!..

Замолчал он, и мне как будто говорить нечего стало, хотя и вертелось у меня на языке, что Жеглов — это еще не МУР, что во всем этом нет логики и нет справедливости, но как-то заклинил он меня своим окриком, ведь я как-никак военная косточка и пререкаться с начальством в молодые годы отучен. В репродукторе нежный бабий голос певца старательно, с коленками вывалил: «...и мое письме упрека нет, я вас по-прежнему люблю...» Только он и зучал в нехорошей тишине между нами, двумя довольно упрямими мужиками, приятелями, можно сказать...

В пепельнице лежали и дымили обе наши «нордина», и случайно заlewавшиеся в окно лучин солнца пересекали две струйки дыма, одна — ярко-голубая, плотная, другая — светлая, почти прозрачная, и я подумал: как странно, у двух одинаковых папирос дымы совсем разные, вот один, голубой, выстался понизу, вдоль стола, а другой, белый, тянется вверх. Я посмотрел на Жеглова, он снова отвернулся к столу, загораживая весь проем широкой спиной, а я думал о его шутках, о всей его умелости, лихости и замечательном твердом характере. «Железный парень наш Жеглов», — сказал однажды о нем Коля Таракин, и это было, наверно, правильно...

Глупо, конечно, но факт — очень я взволновался перед походом в «Савой». Как там ни говори, а все-таки первый раз в жизни собирался я в ресторан. Еще до демобилизации побывал пару раз в немецких «гештетах», но как же это ресторан — забегаловка, и все! И еще я очень жалел, что в ресторан иди искать Фокса, вместо того чтобы нам отправиться туда с Варей, попробовать жареного мяса, выпить вина, потанцевать, и все бы увидели, что я тоже кое-что стою, коли пришла со мной туда самая красавая девушка.

Но об этом и думать нечего, потому что мы отдали Шурке Барановой карточки, и нам с Жегловым еще надо смилкнуть, как дотянуть до конца месяца хотя бы на хлебе с картошкой. Наши талоны на «второе горячее блюдо» были действительны только для управлеченческой столовой. Нет, коммерческие рестораны нам пока не по карману!

Об этом и сказал нам Жеглов в автобусе, когда мы остановились неподалеку от входа в «Савой» без десяти минут восемь. Он выдал нам по замусоленной синей сотняге и сказал:

— Деньги казенные, не вздумайте там шиковат на них!

Тем более, что вовсе не известно, явится ли он сюда...

Все засмеялись: в коммерческом ресторане на сотню зашившись, пожалуй! Гриша Шесть-на-девять спросил:

— А чего можно взять на сто рублей?

Жеглов недобротительно покосился на него:

— Две чашки кофе, рюмку сухого вина и бутылку лимонада. Но тебя это вовсе не касается — ты нас вместе с Копытным будешь здесь дожидаться...

— Ну-у, тоже придумал, я может быть...

— Отставить разговоры! Вы здесь не прохладжаться должны, а прикрывать наш тыл. Неизвестно, как там все сложится, поэтому у вас с Копытным должна быть все время готовность номер один. Не отвлекаться, газет не читать, байки не травить — все время вы должны просматривать анонсы перед входом в ресторан. Если случится так, что Фокс придет и вы его опознаете, дайте ему спокойно войти, после чего, Копытин, оставайся на месте, а Гришка идет ко мне. Задача всем ясна?

— Чего там неясного? — невозмутимо сказал Копытин.

— Ясна, но мне хотелось бы... — начал Гриша, но Жеглов махнул рукой:

— С тобой — все! Теперь задача для Таракина и Пасюка.

Значит, ресторан имеет два зала в форме буквы «Г». В оба зала есть входы — один с улицы, другой из гостиницы. Вы проходите и садитесь в самом конце второго зала, блокируя вход-выход из гостиницы. Я зайду в ресторан первым и сяду в самой середине — у фонтана, так, чтобы меня видно было из обоих залов. Шарапов двигается замыкающим. У входа в первый зал находится стойка с высокими стульчиками, называемая бар. Вот ты, Шарапов, со своей заграницей внешностью и будешь нести службу у стойки. Сидеть тебе надо спиной к входу, вполоборота к стойке, тогда ты будешь

всех просматривать, а твое лицо никто не увидит. Диспозиция ясна?

— Ясна.

— Как только мы уйдем, Копытин отгонит автобус к углу между Пушечной и Рождественской — с этой точки вы можете наблюдать оба входа — и в ресторан и в гостиницу.

Я спросил:

— Что делаем, если опознаем Фокса?

— Слойко пьем кофе на всю отпущенную финишностью сотню. Но глазеем на него, не дергаемся, не ерзаем. Все сидим на своих местах и ждем, пока Фокс оттуляет и начнет собираться домой или в туалет. Братя его можно только в гардеробе — он вооружен и в зале может положить несколько человек. Начинаю по моей команде...

— Последний вопрос, — сказал я. — Глеб, мы его не можем перепутать? Ну, за другим погнаться? Мы ведь его в лицо не знаем, только по словесному портрету...

— Знаем, — твердо кивнул Жеглов. — Есть у меня человек, который его знает... Все, оперативка закончена. С богом! Таракин и Пасюк, на выход!

Через минуту после них ушел Жеглов, а потом и мне отворил дверь своим костылем-рукояткой Копытин.

— Давай, старый, ни луха тебе, ни пера, — сказал он мне вслед и хлопнул по спине.

Я отдал гардеробику свой плащ, потрогал локтем пистолет в боковом кармане, приселся перед зеркалом и поднялся по четырем мраморным ступенькам в зал. Народу было не очень много: я знал, что ресторан работает до трех часов ночи и собираются люди около девяти. Огляделся я быстрым и увидел, что нахожусь около той самой стойки с высокими табуретами, о которой говорил Жеглов. Табуретки, кожаные, мягкие, крутились на шарнире, как сиденья у пулепетной турели, и сверху мне было очень удобно сидеться. А зеркало буфета в лучшем виде отражали входную дверь. Ко мне подошла буфетчица и вежливо сказала:

— Добрый вечер, добро пожаловать...

Я даже удивился, что это она так обрадовалась моему приходу. И тоже ей приветливо сказал:

— Здравствуйте, давненько я не бывал у вас...

Бровки у нее белые, выщипанные, подведенны, и крендельки шестимесячной аккуратненько выложены под сеточкой с мушками.

— Что желаете выпить? Коньяк, водка, ликер, коктейль, пунш?..

И спрашивал: негромко, доверительно, будто о секрете между собой мы говоримся и она мне тоном своим дает понять, что никому не разболтает, нигде не проговорится — что я у нее в баре выпил.

— Вы мне кофе пока налейте и меню дайте, — сказал я ей тоже по секрету.

— Меню в обеденном зале, а у нас карточка, — сказала она не очень обрадованно.

— Ну, карточку давайте, — покладисто кивнул я.

Она ушла варить кофе, я стал оглядывать каждый стол в отдельности. Прямо передо мной, слева от входа, торцами к окнам стояли четыре стола, и к ним были приставлены диваны с высокими спинками, так что сидящие за столом будто в купе поезда находились — их никто не видит, и они ни на кого не смотрят. За стойкой бара вход на кухню, потом поднялся на кухню вращающийся фонтан. Маленький бассейн с медными загородками, а в середине фонтан! В потолок были вмазаны зеркала, и в них я видел дно фонтана, и это было невероятно красиво: по потолку плавали золотые рыбки с пышными хвостами. Это ведь надо придумать такое! Напротив фонтана на маленькой сцене сидел оркестр, а вокруг стояли двухместные столики.

За одним из них уже устроился Жеглов, с ним за столом сидел еще какой-то человек в полоборота ко мне, и с затылка он казался почему-то знакомым. Жеглов прицепил ко второй пуговице гимнастерки крахмальную белую салфетку, и со стороны казалось, будто он готовится к обильному обеду. Это же надо — на сто его рубликов. Смех один! Мне с мой табуретки было очень хорошо видно лицо Жеглова, высокоморено-насмешливое, со злым блеском в глазах. Время от времени он что-то цедил своему собеседнику сквозь зубы и учительски помахивал пальчиком у него перед носом. Во-всяк!

— Вот ваш кофе. И карточка. — Я обернулся к буфетчице, которая протягивала мне дымящуюся чашку и картонку с ценником. Я смотрел на карточку углом глаза, чтобы не терять зал из поля зрения. «Крюшон-Фантазия», «Мокко-Глинтвейн», «Шампань-Коблер», «Абрикосин», «Порт-Ронен», «Маяк»... Все очень красиво и загадочно, но все мне не по деньгам. Взял я себе самый дешевый пунш — «Лимонный», пятьдесят шесть рублей порция. Буфетчица смотрела на меня прозрачными белесыми глазами, и лицо у нее было вытянутое, постное, как у сътой утицы.

— И все? — спросила она.

— Пока все, — бросил я ей небрежно, и она стала колдовать с какими-то кувшинчиками, бутылками, бросила в бокал две вишени и кусок льда. В общем, получилось довольно большая порция — высокий хрустальный бокал. И еще утица втянула в него длинную соломинку — за бесплатно. У меня оставались деньги на чашку кофе — с таким боекомплектом я на этой огневой точке продержусь долго. Вот только одно плохо — все время с кухни мимо меня еду носят. Очень меня все эти запахи сильно раздражали и отвлекали. Уж в тарелки-то я старался и не смотреть! Да как — все мимо меня несут. Особенно хороша была баранья отбивная на косточке — кусок красного прожаренного мяса, вокруг него румяная золотистая картошка, горячкой жареная на масле лук, соленый огурчик сложен сердечком, а на баранью косточку надет большой бумажный цветок. Ух, красота!

Саксофонист на сцене сказал своим рокочущим голосом:

— Дорогой гость, Борис Борисович приветствует музыкальным номером уважаемого Автандила Намаладзе!

И джаз заиграл «Сулоко». В этот момент мимо меня прошел высокий военный, Жеглов, наверное, толкнул напарника, тот повернулся, и я чуть не упал со своей шикарной табуретки: за столом Жеглова сидел Соловьев! Дежурный Соловьев! Ну, конечно, он-то видел Фокса в упор, и я понял, что имел в виду Жеглов, когда сказал, что мы не ошибемся и на другого человека не бросимся.

Жеглов перехватил мой удивленный взгляд, усмехнулся и еле заметно подмигнул мне — мол, пусть гад хоть так поможет делу.

Все это время я, естественно, не видел Соловьева, и надо сказать, видок у него был не преувеличивающий. Как-то он весь облез, усох, в изгибе спины появилось что-то трусливое, и присматриваясь скобу к его лицу, я видел, как он угодливо улыбается на каждое жегловское слово, а чего ему улыбаться, и непонятно вовсе, чего уж там ему веселого или доброго мог сказать Жеглов?

Пока я глазел на них, вынырнула у меня откуда-то из-под мышки буфетчица-утка и спросила своим постным голосом, будто деревянным маслом смазанным:

— Чего-нибудь еще, молодой человек, желаете? — И звучало это у нее так, что, мол, нечего тут заэря высокий кожаный табурет проскакивать.

— Желаю, — ответил я ей весело и посмотрел в глаза долго и внимательно, добавив не спеша: — Кафе сварите еще. Мне тут у вас нравится. Я у вас тут буду долго сидеть. Очень долго...

Люди постепенно подливали, становилось все шумнее, яростнее ревел джаз, быстрее бегали официанты с тарелками и графинами, вертели подносами, махали салфетками, надсаднее выкрикивали в зал саксофонист:

— Тамара Подшибыкина поздравляет своего брата Василия, прибывшего из далекой Воркуты...

И джаз взрывался «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей», а брат Василий, которых, судя по желтых фиксам и косому шраму на роже, в Воркуте не геологом служил, пускался вокруг фонтана вприсядку...

Жеглов сидел, уперши кругом подбородок в скатые кулаки, и смотрел на бушующих вокруг него людей добрым глазом, и я был уверен, что он изнемогает от желания проверить у них всех документы. Но он не за этим сюда явился сегодня и потому сидел совершенно неподвижно, слушая, как что-то жалобное лепечет у него над ухом Соловьев.

По запу ходила красавая статная бронетка очень важного вида, уже в годах, лет за тридцать, в белой наколке на волосах, и катала перед собой стеклянный столик на колесах. На полочках столика лежали коробки шоколада «Олени», печенье «Красная Москва», конфеты «Мишки», бутилки марочного коньяка, палироны «Герцеговина Флор», «Северная Пальмира», «Дюшес». Эта самоходная буфетчица подкатывала к столам свое богатство и предлагала мужчинам сделать подарок своим дамам. Некоторые отворачивались, другие говорили ненатурально бодрым голосом: «У нас своего полно!» — а третьи брали что-то со стеклянной тележки. Брат Василий из Воркуты взял вазу с фруктами, палироны и бросил на поднос пачку денег. Я подумал почему-то, что Фокс, наверное, тоже у нее покупает с лотка. Как странно, что за эти глупости и другую подобную чепуху он всегда готов убить человека. Наверное, все-таки угонщик — это немного сумасшедший тип...

Самоходка-буфетчица подкатила ко мне, улыбнулась мне сахарно, спросила:

— Не желаете взять чего-нибудь? Палироны? Шоколад? Я еще раз посмотрел на ее стеклянную телегу и подумал, что она должна стоить больше моей зарплаты за год.

— Нет, ничего не хочу... За мой спиной хлопнула дверь, я бросил «косяка» назад, мимо прошел высокий мужчина в военной форме без погон и остановился в середине зала, оглядываясь не спеша, хозяинами, в поисках места. Или просто осматривался, не знаю, мне ведь его лица уже не было видно. Я только Жеглова с Соловьевым видел.

— Возьмите тогда «Мускат», его в буфете нет... — не отрываясь от меня самоходка.

— И «Мускат» не хочу, — сказал я негромко, но твердо, глядя в сторону Жеглова.

А Жеглов вообще смотрел вбок, будто его больше всего на свете интересовали золотые рыбки в фонтане. Дико гремел джаз «Путь далекий до Типперери», и прямо в мою сторону было повернуто лицо Соловьева — белое, смазанное во всех чертах, слепое от страха и ненависти, оно обращалось к вошедшему, как немой вопль ужаса и злобы, и я понял, что в десяти шагах от меня стоит Фокс.

И понял, что Жеглов тоже видит Фокса, я понял это потому, что, глядя в сторону, Жеглов что-то быстро беззвучно шептал этому трусливому идиоту Соловьеву, он наверняка приказал ему отвернуться, но тот впал в паралич. Ничто — ни страх наказания, ни позор, ни презрение товарищей — уже не имело над ним власти, и только зевриный, животный страх перед Фоксом, видимо, напугавшим его на всю жизнь, царствовал над ним безраздельно.

Я соскользнул с табурета на пол, а самоходка мне сказала:

— Вот наверняка понравится вашей девушке печенье «Птицы».

— Отвяжитесь, мамаша, — сквозь зубы процедил я. — Сколько раз говорить...

Фокс увидел Соловьева, он медленно поводил сухой головой на мускулистую шею, взглядел его замер на Жеглове, равнодушно разглядываясь рыбок, только мгновение он смотрел на него, и я понял, что побоище разразится именно в зале, а не так, как мы планировали. Он стоял шагах в десяти от меня, и я мог бы броситься на него сзади, но Жеглов приказал: «Начинать по моей команде...»

— Ну, как вы губы разговариваете! — задудела рядом самоходка. — А еще совсем молодой человек, офицер, наверное...

— Отойдите... — успел я сказать. А Фокс быстро обернулся назад, взглядел его метлой прошел по залу, и стало ясно, что он меня «зацепил». Ну и черт с ним, он все равно в мышеловке: впереди — Жеглов, сзади — я. И мимо меня он не проскочит, это уж будьте уверены!

Фокс еще стоял несколько секунд, будто раздумывая, оставаться здесь или идти дальше, повернулся к самоходке и коротко, властно бросил:

— Маринана, иди сюда! — Сейчас он стоял лицом ко мне, и я видел, как поблескивают у него на кителе золотые лучики ордена Отечественной войны. Ну, подожди, подонок! И за чужие ордена ответишь!

Самоходка рванулась к нему, забыв обо мне, обо всем на свете:

— Добрый вечер! Здравствуйте, дорогой вы наш!.. Что вы желаете?..

Фокс наклонился над телегой, словно его и впрямь интересовал ее коммерческий гастроном. Он брал в руки бутылки, перебирал неторопливо коробки, а сам исподлобья присматривался к Жеглову и косился в мою сторону. Я сообразил, что он хочет взять в руки пару бутылок для рукопашного боя, и сделал два шага к двери, посмеиваясь в душе: значит, Фокс опасается доставать здесь «пушку», а бутылок его паршивых я не сильно боялся.

— Белый танец! Дамы приглашают кавалеров! — заорал саксофонист.

Все встали со своих мест, я на миг потерял из виду Жеглова, и тут произошло нечто совсем непонятное — Фокс громко сказал самоходке:

— Ну, что, давай, Маринана, потанцуем напоследок...

— Мне нельзя... — начала говорить она, но Фокс уже крепко ухватил ее в область, и я увидел, что он стоит с ней у пустого столика перед окном. И дальше все закрутилось с невероятной скоростью, безумие и ужас происходящего поглотили меня полностью.

Фокс рывком поднял Маринану в воздух, и она еще не сопротивлялась, лишь по ее лицу, красивому, смуглому, потерянно плыла испуганная улыбка. Ногой она задела свою стеклянную лавку, и по полу со звоном, треском и грохотом покатился весь гастроном. Испуганно вскрикнула какая-то женщина, дико заголосила Маринана, я бросился к ним, видя, как толпу рассекает наперерез Жеглов, но Фокс нас всех опередил. Отшвырнув ногой стулья, он как-то-точно бежал спиною вперед — к окну, неуклюже, но проворно. И стрелять мы не могли, потому что он все время прикрывался визжающей и дергающейся у него в руках Маринаной.

Несколько шагов нас разделяло, когда Фокс, упервшись головой в живот Маринаны, как щитом, вышиб ее огромную оконную витрину, и они оба вывалились на улицу с ужасным дребезгом и звоном. В стекле появилась здоровенная дыра с острыми, как сабли, зубьями. И когда я нырнул в эту щель, я увидел, как вскочил и побежал по улице Фокс, и одновременно рухнули на меня остатки остекления, и боль ожогами рванула сразу по лицу, рукам, вцепилась в пластины, судорогой полоснула по спине. Я только за глаза испугался в первый момент, но потом сообразил, что ничего им не сделалось — я хорошо видел, как бежит вниз по Пушкиной улице Фокс.

— Врешь, гад, не уйдешь... — бормотал я, целился в него из пистолета, но кровь натекала на веки и мешала поймать его на мушку. Я выстрелил — раз, другой — мимо!

Из выбитого окна выпрыгнул Жеглов и почти сразу за ним Пасюк и Тараксин. Рядом безжизненно валялась на тротуаре Маринана.

— Стой, Шарапов, не стреляй! — заорал Жеглов. — Некуда ему деться, мы его так возьмем!..

Рядом фырчал уже наш автобус, а я смотрел, как петляя после моих выстрелов, бежит Фокс — там улица прямая, насквозь просматривается, и никак я не мог взять в толк, почему он бежит по улице, а не уходит проходными дворами.

— Быстро, в автобус! Гриша, оставься! — орал Жеглов, подсаживая меня на ступеньку — я плохо видел, кровь сильнее пошла, а Глеб уже мчался вниз по Пушкиной улице Фоксу, за ним припустили Пасюк и Тараксин.

Копытин рванул с места, но мы и пять метров не проехали, как Фокс прыгнул на подножку медленно движущегося впереди грузового «студебеккера». Мы его раньше не заметили, а Фокс именно поэтому бежал по улице, рискуя попасть под пули. «Студебеккер» ждал его здесь!

Он свернулся на Неглинную и погнал, не включая фар. Копытин догнал оперативников, они влетели в автобус, и Жеглов крикнул:

— Копытин, не отставай!

— Как же, не отставай... — бормотнул Копытин. — У «студебеккера» мотор второе...

— Давай, давай, давай! — орал Жеглов. — На всю железку жми!

Метров триста было до грузовика, и он ходко набирал скорость. Наш шарабан тоже трясясь, как молодой. На Трубной «студебеккер» свернулся направо, с ревом попал в гору, и мы завыли от злости — на горе-то мощный мотор себя сразу покажет! Но Копытин вдруг резко крутился на Рождественскую улицу.

— Ты куда? Куда, я тебя спрашиваю? — взвился Жеглов за спиной Копытина.

Тот сердито обернулся:

— В кабинете у себя командуй, Глеб Егорыч! А здесь я...

— Потерьте! По-отвертей!

— Никуда мы их не потеряем, — спокойно сказал Копытин. — На Сретенке сегодня ночной марш — аэротранспорт через Кировскую повезут, движение перекрыто. Никуда они от нас не денутся...

Копытин рванул налево, в Варсонофьевский переулок, выскоцил на улицу Дзержинского, и прямо перед нашим носом промчался с гулом «студебеккер» с погашенными огнями. Зазвенела пружина скрепления, глох пророкотали подшипники в моторе. Копытин врубил вторую скорость и погнал за грузовиком в сторону Кузнецкого моста. Расстояние между ними сократилось метров за двухсот.

Пасюк стирал какой-то ветошью кровь с моего лица, я отталкивал его руку, а боль невыносимо полыхала во всем изрезанном стеклом теле.

От Манежа нам навстречу неторопливо тянулся троллейбус, весь засвеченный голубовато-желтым сиянием.

— Тараксин, около «Метрополя» пост ОРУД — прыгай на ходу, предупреди их, пусти объявлять общегородскую тревогу! — скомандовал Жеглов, но в этот момент «студебеккер» с душераздирающим звуком покрылся вспышкой, вильнув налево, на встречную полосу движения, прямо в лоб троллейбусу — огромная светящаяся коробка его, такая мирная, пассажирская, неуклюжая, просто дыбом всталла, осаживаясь на задние колеса под визг и скрежет тормозов, полетели с проводами штанги, погас свет, полоснув воздух оглушительный треск отрываемого буфера — «студебеккер» надсадно фырчил в Китайский проезд и исчез под аркой.

Нас всех скинуло со скамеек — Копытин, чтобы не врезаться в замерший троллейбус, заложил за его кормой кругой вираж и выскоцил через бордюр на тротуар, вырвавшись из-под арки около первопечатника Федорова. На повороте Копытин еще успел

рануть костьль-рычаг, распахнулась, запарусила дверь, и Коля нырнул в мокрый темный проем на улицу, перевернулся через голову, но когда я посмотрел в заднее стекло, он уже висок и, согнувшись пополам, прихрамывая, бежал к «Метрополю»...

«Студебеккер» снова увеличил отрыв от нас и мчался по улице в сторону Красной площади. Здесь он не мог, никак не мог уйти — там, впереди, были милиционские посты, они должны перекрыть трассу... На повороте я удалился головой о стекну, и кровь снова сильно засочилась по лицу, я утирал рукавом и почему-то вспомнил о брошенном в «Славе» плаще — в кармане был платок и завернутый в газету довольно большой кусок хлеба...

Копытин резко затормозил, крутился руль налево и сразу же отпустил тормоз — задок автобуса мгновенно забросило вперед, машина повернулась почти перпендикулярно, прыгнула в глубокий черный провал подворотни, и я подумал, что это, наверное, один из хитрых копытинских проходных дворов. Направо, направо, прямо, налево, с пулевым перешелком досок снес Копытин штакетный забор... удар... направо, ухаб... налево, еще налево, подворотня — вылетели к Ветошному переулку. Налево?... Налево?...

— Вон он! Вон он, гад! — закричал Пасюк, показывая на быстро удаляющуюся в сумрак тени, — «студебеккер» опять был почти рядом и мчался к улице Куйбышева.

— Глеб Егорыч, еще немного, и баллоны мои не сдюжат, — сказал Копытин. — Я ведь все время просил...

— Да, старик, давай, отец! Не время!

— Отсеки его! Давай налево...

— Нельзя! Он себе на набережную ход оставит — мне его там не приучить...

На спуске к улице Разина мы почти настигли «студебеккера», повисли прямо на его хвосте. И тут откуда-то появилась эта треклятая «эмка» — откуда, из какого двора она вынырнула, че ее знает, но она словно из-под земли выросла между нашим капотом и железненым задним бортом «студебеккера»! Пасюк сердито бормотал что-то в усы, скрипел зубами и ругался Жеглов, дергая поводок сирены, которую заклинило в самый нужный момент, а Копытин врубил весь свет, нажал и не отпускал свою бибикалку, и она гудела над ночным городом жалобно, неостановимо и зло. В свете фар нам был виден на заднем сиденье в кабине «эмки» полковник, который, повернувшись к нам, махал кулаком и что-то кричал своему шоферу, который нарочно притормаживал машину и старался закупорить проезд, чтобы остановить нас...

— Ах, идиотство! Ах, дураки! — хрюкал в иступлении Жеглов, а «студебеккер» уже вылетел на улицу Разина и поворачивал к Зарядью.

Высунувшись в окно до половины, Жеглов дико заорал:

— Прочи! С дороги! Прочи! Милиция!

Но в «эмке» его не слышали и всерьез намерились задержать «автолукиганов», в руке у полковника блеснул пистолет.

Жеглов тихо сказал Копытичу:

— Да, отец, сделал его...

— Ох, Глеб Егорыч, — неуверенно бормотнул Копытин. — Ответим за это, ох, ответим...

— Ответим, Копытин, мы все время за что-нибудь отвечаем, давай...

Копытин вздохнул, дал газ, чуток руль подвернулся, выскочил одним колесом на тротуар, сделал еще рывок, поровнялся с «эмкой», дернулся налево и столкнулся ее с дороги. Со скрежетом разорвалось железо на борту — полосой обшивки вырвалась, «эмку» развернуло в обратную сторону, а Копытин уже срезал угол поперек улицы Разина к Кривому переулку, где промелькнул кузов «студебеккера». Не успели мы его прихватить на зигзагах Зарядья — быстроходный грузовик проскочил на Москворецкий мост. А Копытин давил акселератор на всю железку, удерживая крайний левый ряд, чтобы не дать ему поворот на Болотную площадь.

У вылета Москворецкого моста наглухо горели красные огни светофора, и я увидел, как из орудовского «стакана» вылез милиционер и побежал наперевес «студебеккеру», свистя и размахивая полосатой палочкой. Он добежал до середины проезжей части, и грузовик снова вильнув на встречную полосу, на один миг он застыл от меня милиционера, и в первую секунду я не смог понять, что это, большое, темное, как мешок, вылетело из-под носа «студебеккера», и только когда фары автобуса полоснули на мостовой безжизненное тело с запрокинутой головой, сразу же исчезнувшее в ночи, Копытин глухо сказал:

— Убили, бандиты...

«Студебеккер» с грохотом, как в трубе, прокатил по бульварнику и погнал к Балчугу, на Яузскую набережную.

— Глеб Егорыч, тут он от нас уйдет! Тут у мотора его ресурс...

Но Жеглов уже лег животом на рамку окна, высунулся наружу, и его длинношвейльный парабеллум закачался в тант прыжкам машин.

— Стреляй, Глеб Егорыч, уйдёт проклятый! — плачущим голосом говорил Копытин.

Жеглов не отвечал, он чего-то дожидался, и выстрел грохнул совершенно неожиданно — «студебеккер» впереди дернулся, вильнув, но продолжал набирать скорость.

И опять медленно покачивался черный пистолетный ствол, и капля огня вдруг сорвалась с него, и снова — раз — плюнула он огнем.

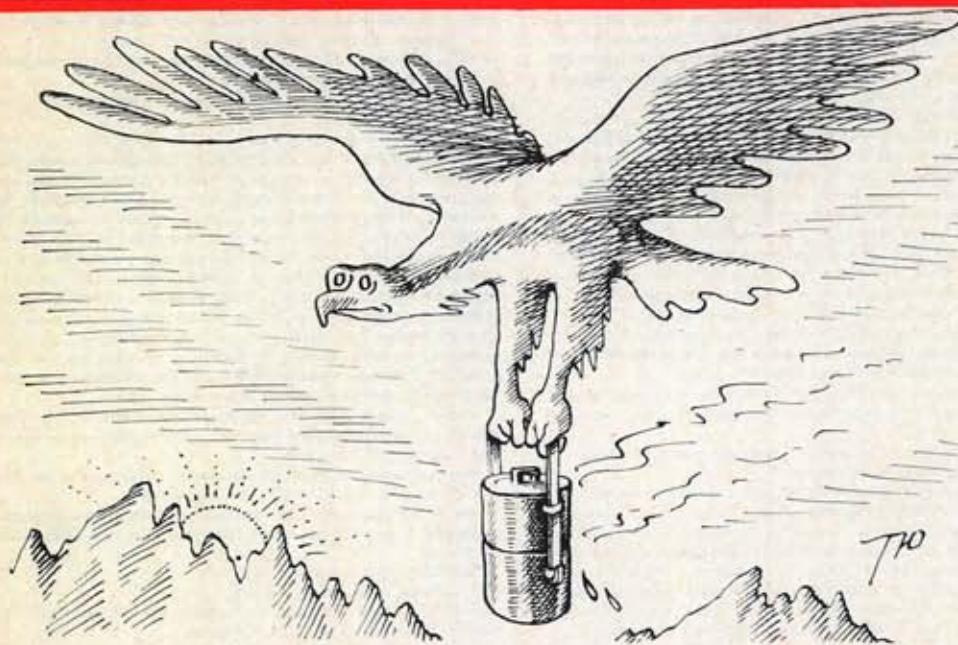
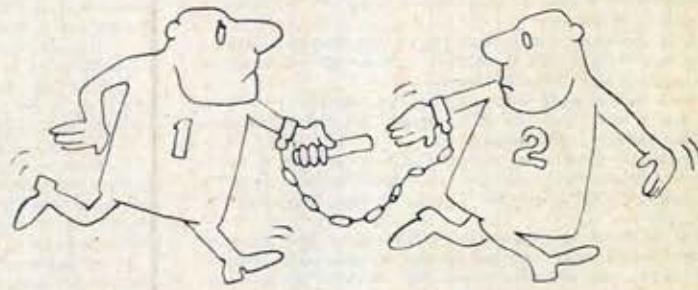
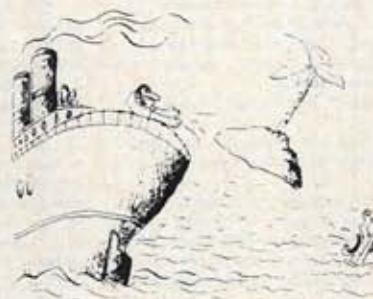
Глохнула машина, с воем бились по мостовой старые баллоны, где-то далеко зазвенел трамвай и пронеслась трель милиционского свистка.

И, наполовину убивая все эти звуки, ночь треснула подряд несколькими новыми выстрелами — Жеглов стрелял серий, и, глядя на борт «студебеккера», плавно поворачивающего направо, в сторону чугунного парапета набережной, я не мог понять, куда же это бандит направляется, пока с чудовищным гулом «студебеккер» не арвался в ограждение... Он проорал его, как ножом, и какое-то время еще крутился в воздухе задние колеса, даже дым из выхлопной трубы был виден в свете наших фар, и с мощным плеском, глубоким вздохом усталости и наступившего наконец облегчения «студебеккер» нырнул в Канаву.

Продолжение следует.

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Рисунки Сергея ТЮНИНА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией
заслуженного тренера
РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ЧЕМПИОНСКИЙ ТИТУЛ ЗАВОЕВАН

Валерий Чехов. Имя этого 19-летнего студента Московского института физкультуры стало недавно известным широкому кругу любителей спорта. Выступая в августе—сентябре нынешнего года в югославском городе Тиентище, он завоевал золотую медаль чемпиона мира по шахматам среди юношей. В аналогичных соревнованиях последних лет лишь двое наших соотечественников становились победителями: Анатолий Карпов—в 1969 и Александр Беляевский—в 1973 годах.

Турнир в Тиентище явился для молодого мастера, воспитанного в шахматном коллективе Дворца пионеров столицы на Ленинских горах, серьезнейшим испытанием. В числе его 47 соперников из 46 стран было немало даровитых и весьма перспективных шахматистов. В некоторых встречах, как, например, в предпоследнем туре с трехкратным чемпионом среди юношей США Ларри Кристиансеном, В. Чехов оказывался в очень трудных ситуациях, но проявлял завидную выдержку и находчивость. В результате он добился высокого спортивного показате-

ля—10:3, не потерпев ни одного поражения!

Поздравляя комсомольца Валерия Чехова с чемпионским титулом, нельзя не адресовать слова благодарности его тренерам, в частности одному из наших наиболее заслуженных наставников и старейших мастеров, Г. А. Равинскому, с чьей помощью в течение ряда лет талантливый юный спортсмен овладевал тайнами шахматного искусства.

Два следующих фрагмента из партий В. Чехова, сыгранных в Тиентище, хорошо иллюстрируют истинно боевой, полный задора и поэтому весьма зрелищный стиль его игры.

Перед вами интересная позиция, к которой пришла партия юного москвича со своим сверстником из Польши Адамом Кулиговским после 20-го хода черных. На первый взгляд черные без помех завершат мобилизацию своих сил, и на поле «боя» возникнет обстановка со взаимными шансами. Од-

нако игравший белыми В. Чехов энергичным пешечным наступлением на королевском фланге развел опасную инициативу.

21. f2—f4! g7—g6 22. g2—g4! с6—c5 23. d4:с5 b5:с4 24. Ка4:с5 Лб5:а2 25. f4—f5!

На алтарь атаки белые смело кладут пешку. Черные отклоняют «данайский дар», ибо принятие жертвы привело бы их к большим неприятностям: например, 25... gf 26. gf С:f5 27. Лg3+ Сg6 28. Кеб! fe 29. К:g6 hg 30. Л:g6+ Крh7 31. Лe:eb Lg8 32. Fg4! и т. д.

25. ... Сe6—d7 26. Fb4—b3 La2—a7 27. Kc5:d7 Kf6:d7 28. Ke5—c6.

Вот и награда за активные, находчивые действия—белые выигрывают качество и пешку. Остаётся продемонстрировать технику реализации материального преимущества, что требует определенной четкости и умения.

28. ... Fd8—ab 29. Kc6:a7 Fa8:a7 30. Fb3:d5 Kd7—f6 31. Fd5:f3 Fa7—d4 32. Kpg1—g2!

Естественно, что белые готовы вернуть противнику пешку, но вызвать размен ферзей, ибо тогда лишнее качество скажется быстрее.

32. ... g6—g5 33. Le1—e2 Lf8—b8 34. Le3—d3! Fd4—c5 35. h2—h3 Lb8—b4 36. Ff3—e3 Fc5—c6+ 37. Kpg2—g1 Kf6—e4.

К немедленной гибели черного короля вело продолжение 37. ... h6 38. Ld3+ Kpg7 39. Ff7! и т. д. Теперь же меняются ладьи, и сопротивление становится нецелесообразным.

38. Ld3—d4! Lb4:d4 39. Fe3:d4

Ke4—f6 40. Fd4—c3 Fc6—b6+ 41. Fc3—e3, и черные сложили оружие.

А здесь изображено любопытное положение, случившееся в партии В. Чехова (у него были черные) с А. Пабло (Испания) после 15-го хода белых. Советский шахматист отлично сориентировался в острой ситуации и учил сопернику молниеносный разгром. Финиш понятен без комментариев.

15. ... 0—0—0! 16. Fa4:a7 Cd7:b5 17. Fa7—a8+ Krc8—c7 18. Fa8—a5+ Krc7—b8 19. Fa5:b5f4—f3 20. g2:f3 Ke5:f3+ 21. Kpe1—f1 Kf6—h5! 22. Cc1:h6 Kh5—g3+, и белые капитулировали.

XVIII ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

В сентябре «Смены» открыла свою XVIII шахматную олимпиаду. Это традиционное заочное сорев-

нование читателей из восьми туров завершится весной 1976 года. Для тех любителей шахмат, кто еще не включился в новую олимпиаду, мы кратко повторяем задания первого тура.

1. Назовите первого официального чемпиона мира по шахматам и годы его обладания этим высоким титулом (1 балл).

2. Белые—Kpb4, Fg4, Ke4, Kc5, п.c3. Черные—Kpd5, Cd3. В этой задаче нужно найти мат в два хода (5 баллов).

3. Белые—Kph4, Fd4, La1, Lh1, Cc1, пла2, b2, c2, e4. Черные—Kpg8, Fg2, Lb5, пла7, f7, g7, h7. Какая комбинация приводит черных к победе? (5 баллов).

Группа победителей олимпиады получила премии, а участникам, выполнившим классификационные нормативы—23, 49 или 78 баллов из 100 возможных,—будут соответственно присуждены четвертый, третий и второй спортивные разряды по шахматам.

15 ноября 1975 года—последний срок отправления писем в редакцию на первый тур олимпиады. В нем, кроме фамилии, имени и отчества, укажите свой возраст, место работы или учебы, разряд по шахматам (если имеется), а также точный домашний адрес. В конверт обязательно вложите почтовую открытку, чтобы жюри могло оперативно сообщить вам олимпиадный регистрационный номер. Не забывайте в решениях пользоваться полной шахматной нотацией. Итак, ждем вас на старте XVIII олимпиады «Смены»!

КОСЫНКА

Слова Ольги ФОКИНОЙ.

Музыка Вячеслава ВЕТРОВА.

Отгорела косынка,
Отцвела, отлиняла...
Я все лето косынку
С головы не снимала:
В ней косила и жала,
В ней гребла и копнила,
От июльского жара,
От дождя не хранила.

У дороги осинка,
Как цветок, заалела,
А моя-то косынка
Отцвела-отгорела.
Уж пора ее, видно,
Заменить полушалком:
В отлиннялой-то стыдно,
А и бросить-то жалко.

Соком ягод любимых
Я косынку подкрашу.
Буду в осень и зиму
Я косынку донашивать.
Если милый приедет—
Он приедет, наверно,—
По косынке заметит,
Как люблю его верно.

НЕГОРДИВО, БРОНЕЖНОВЕНЕО.

mf

от - то - ре - ла ю - си - на,

от - ие - ла, от - ли - ни - ма...

и всё же - то ю - си - ка,

с 10 - 10 - вь ив си - ма - да:

в ней во - си - да и ха - да,

в ней изве - да и коп - ни - да,

ут в - ель - сю - то

ха - па, от дож -

- да, ара - си - да,

от - ель - си - то

ха - па, от дож -

1,2

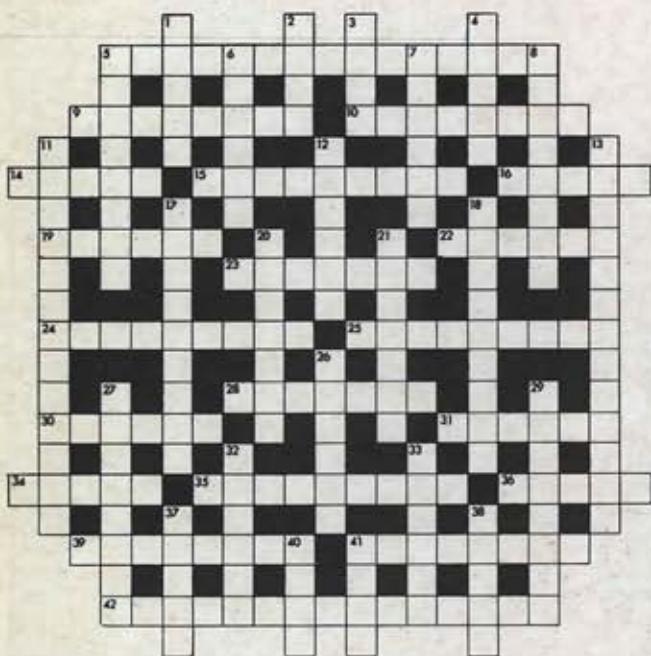
из ара - си - да,

2,3

из ара - си - да,

КРОССВОРД

Составил В. КУЗЕНКОВ,
г. Ачинск

По горизонтали:

5. Стихотворение В. Маяковского. 9. Лирическая музыкальная пьеса. 10. Участник боя быков. 14. Точка пересечения оси вращения Земли с ее поверхностью. 15. Колонна в виде статуи. 16. Дикая африканская лошадь. 19. Командир воинского подразделения, части. 22. Центр автономной области. 23. Кондитерское изделие. 24. Металлургическая печь. 25. Струнный инструмент. 28. Юрист, защитник. 30. Тригонометрическая функция. 31. Опера А. Спендиарова. 34. Вид чашки, употребляемой в Средней Азии. 35. Составная часть военного искусства. 36. Специальный щит со световыми сигналами, надписями. 39. Горы на юге Турции. 41. Оригинал текста для типографского набора. 42. Популярная русская актриса.

По вертикали:

1. Стихотворный размер. 2. Зодиакальное созвездие. 3. Картина И. Левитана. 4. Футляр для хранения письменных принадлежностей школьника. 5. Фортепианная пьеса. 6. Советская футбольная команда. 7. Игра-гадка. 8. Художник-передвижник. 11. Русский живописец-портретист XVIII—XIX веков. 12. Морская птица. 13. Учитель. 17. Военное звание. 18. Огородное растение. 20. Круглый павильон, беседка. 21. Степная рысь. 26. Денежный знак. 27. Стихотворение Н. А. Некрасова. 29. Свободная должность. 32. Крупная африканская птица. 33. Киноактер, народный артист СССР. 37. Государство в Индокитае. 38. Приспособление для изготовления литейной формы. 40. Денежная единица Ирана. 41. Картина И. И. Шишкина.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

4. Гладалахара. 7. Глиэр. 8. Белая. 10. Абхазка. 12. Коломбо. 14. Октябрь. 16. Волопас. 19. Пицциато. 20. Стереотип. 22. Адъюнкт. 24. «Муравей». 26. Ионийцы. 28. Матеко. 29. Темза. 30. Рафия. 31. Пролонгация.

По вертикали:

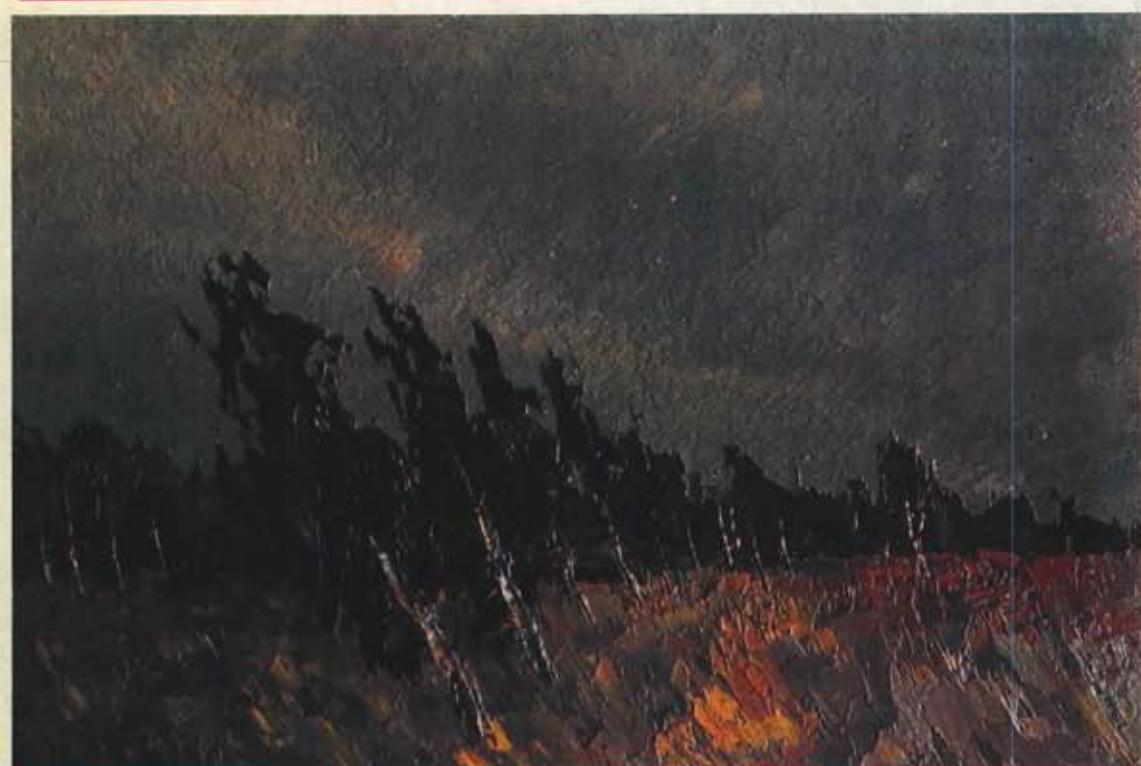
1. Саврасов. 2. Альбатрос. 3. Барбадос. 5. Плато. 6. Лайка. 9. Кронциркуль. 11. Модификация. 13. Могилев. 15. Тюленин. 17. Октоад. 18. Артек. 21. Бюллетень. 22. Айтматов. 23. Тихорецк. 25. Антей. 27. Индий.

АЛОЕ ОБЛАКО

В этот день небо было необыкновенным. Оно напоминало огромный сказочный купол из нежного голубого шелка, по которому крупными белыми пятнами разбросаны редкие кучевые облака. Они плыли так медленно, что казалось, будто врезаны в небесную голубизну. И только пристально взглядываясь, можно было заметить, как меняются их причудливые очертания — то сокращаются, то вновь увеличиваются голубые прогалины!

Уже второй час я стою у мольберта на высоком холме возле одинокой полуразвалившейся церкви. Внизу притаилась речка, за ней по-над лесом раскинулось пестрое одеяло спевающих хлебов. Вон там серой отутюженной лентой выстает асфальтовое шоссе. Однако не красота земли захвачила меня сейчас. Я пишу необыкновенное

ЗОЛОТО ОСЕНИ.

ПЕРЕД БУРЕЙ.

июльское небо. На гладком упругом холсте возникает новая голубизна.

Увлеченно работая кистями и мастихином, я мысленно разговариваю с высоким небом, с плывущими облаками. Мне становится понятен их незатейливый язык. Они живут, действуют, спорят.

Особенно поразило меня величием и гордой красотой одно алое облако, что стояло под самым солнцем. Даже кистью, не то что словами, невозможно передать всех оттенков, которыми светилась его лучезарная корона! Будто скатал кто-то тысячу радуг в один огромный клубок и сунул его под легкую облачную вуаль.

Алое облако улыбалось. Оно понимало, что на всем небе нет облаков красивее его. И само солнце выглядит рядом с ним маленьким и незаметным.

ЛЕСНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

ШТОРМИТ.

Синяя туча, что недавно выплыла из-за леса, сливаясь с голубизной неба и холода от зависти, прослезилась вдруг. Соседние тучи еще более бледнели, когда приближались к алоему облаку. А оно играло, цветло, как самая красивая роза из самого красивого сада.

С большим интересом наблюдал я за жизнью неба. Хотелось лучше отразить его великолепие и тревожную глубину на картине, передать спор облаков и тучек, по-своему рассудить их. Больше всего я бился над тем, чтобы передать истинную прелест алоего облака. Наверное, в сотый раз пытался найти для него верные цвета и оттенки...

Облако светилось все новыми и новыми красками, пока не подул из-за горизонта прохладный ветер и не отогнал его от вихрастого солнца. В одно мгновение оно побледнело, стало обычным — серым и незаметным.

Я стоял у мольберта и думал, что красивы и заметны мы лишь тогда, когда находимся возле солнца, возле светлого и возвышенного дела.

Алексей ОВСЯННИКОВ